

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 1
серия история**

Санкт-Петербург
2009

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 1
Основан в 2006 году
серия история**

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент;
В. С. Волков, доктор исторических наук, профессор;
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
А. В. Похилюк, доктор исторических наук, профессор;
Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор;
В. В. Фортунатов, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Отв. редактор А. А. Беляева

Редактор А. А. Титова

Технический редактор Н. В. Чернышева

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС77-23714**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, д. 10

Тел/факс (812)476-90-34

<http://www.lengu.ru>

©Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А.С. Пушкина, 2009

Содержание

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О. А. Вакурова

Источниковедение литературной деятельности писателей
в годы Великой Отечественной войны 7

АРХЕОЛОГИЯ И НУМИЗМАТИКА

С. Н. Травкин

О некоторых особенностях культурно-исторического процесса
на территории Юго-Восточной Европы во второй половине XIII–XIV вв.
(по данным нумизматики) 19

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

В. С. Смирнова, Я. М. Галл

Влияние Томаса Мальтуса и Адама Смита
на формирование идеи естественного отбора в Ч. Дарвина 31

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Ю. Л. Ясинская

Возникновение и развитие трактирного и питейного
промысла в Санкт-Петербурге в XVIII–XIX веках 41

В. А. Веремenco

Из истории дворянского узаконения 52

О. А. Яковлева

Особенности государственной дальневосточной политики
в обеспечении трудовыми ресурсами строительства
Амурской железной дороги (1906–1916 гг.) 64

А. Л. Никифоров

Пути и средства официального идеологического
воздействия на сознание советских граждан
в первые послевоенные годы (1945–1953) 79

Л. А. Молчанов

Пропаганда – это всегда пропаганда заблуждений
и предрассудков (история районной газеты «Красное знамя») 88

Е. В. Цветкова

ВЛКСМ в жизни молодежи 1930-х гг. 108

В. О. Левашко

Сталинская конституция.
Тенденции модернизации советского общества 114

Е. Л. Киселева

Из истории чистки наркомата почт и телеграфов СССР 122

А. И. Бойков

Реформы и институциональные изменения
в условиях трансформации российской экономики 133

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Ю. Иванченко

Особенности содержания гражданского населения
в концентрационных лагерях Карелии в период ее оккупации
немецко-финскими оккупационными властями (1941–1944) 144

С. В. Яров

Этические нормы в Ленинграде в 1941–1942 гг.: симптомы распада 155

Г. Я. Мурадова

Обучение женщин-бойцов ПВО Ленинграда владению
боевым оружием, военной техникой и тактикой их применения 173

Б. Н. Ковалев

Особенности военного коллаборационизма на оккупированной
территории России в годы Великой Отечественной войны 182

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Гостенков

Второй марокканский кризис и А. Кидерлен-Вехтер 193

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. Н. Маин

Иванченко Н. Ю. Ущерб, причиненный оккупантами Ленинградской
области в ходе Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. 210

Сведения об авторах 214

CONTENTS

SOURCE STUDY

O.A. Vakurova

The source of literary activity of the writers during the Great Patriotic war7

ARCHAEOLOGY AND NUMISMATICS

S.N. Travkin

On some features of cultural-historical process on the territory
of South-Eastern Europe in the second half of XIII–XIV centuries
(on the basis of numismatics) 19

HISTORY OF A SCIENCE AND TECHNICS

V.S. Smirnova, I.M. Gall

Tomas Malthus and Adam Smith's influence on forming
of the idea of natural selection in Charles Darwin's theory31

RUSSIAN HISTORY PAGES

Y.L. Yasinskaya

Development of Saloon Institutions in St. Petersburg41
in the 18th– 19th Century.

V.A. Veremenko

From history of noblemen's legitimation52

O.A. Yakovleva

Features of the Far East state policy in providing manpower
of the Amur Railway (1906–1916)64

A.L. Nikiforov

Ways and means of official ideological influence for consciousness
of the Soviet citizens in the first post-war years (1945–1953)..... 79

L.A. Molchanov

Propaganda – is always propaganda of misconceptions and prejudices
(the history of the regional newspaper «The Red Znamia»)88

E.V. Tsvetkova

VLKSM in life of young people in 1930-th..... 108

V.O. Levashko

The Stalin's Constitution. Tendencies of soviet society's modernization 114

E.L. Kiseleva

From the history of the cleaning of Narkomat of post-offices
and telegraphs of the USSR 122

<i>A.I. Boikov</i>	
Reforms and institutional changes in conditions of transformation of the Russian economics.....	133

HISTORY OF THE SECOND WORLD AND THE GREAT PATRIOTIC WAR

<i>N.U. Ivanchenko</i>	
The peculiarities of maintenance of the civil population in the concentration camps Karelia during it's occupation by german-finnish occupational authorities in 1941–1944 years.....	144
<i>S.V. Jarov</i>	
Ethical standards in Leningrad v1941–1942: disintegration symptoms	155
<i>G. Ya. Muradova</i>	
The teaching of servicewoman of air defense of Leningrad to arms drill, military technology and tactics of their handling	173
<i>B.N. Kovalev</i>	
Features of the military collaboration in the occupied territory of Russia during the Great Patriotic War	182

World history

<i>A.V. Gostenkov</i>	
The second crisis of Morocco and A. Kiderlen-Vehter.....	193

Reviews

<i>V.N. Main</i>	
Ivanchenko N. J. The damage caused by invaders of Leningrad region during the Great Patriotic War 1941–1944.....	210
About authors	214

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)

*О. А. Вакурова**

Источниковедение литературной деятельности писателей в годы Великой Отечественной войны

Жизнь и творчество военных писателей теснейшим образом были связаны с Великой Отечественной войной. Основная тематика повестей, рассказов, очерков, сценариев, пьес, заметок, интервью – стремление показать подвиг народа – защитника Отечества. Воспоминания этих людей, которыми они делились в письмах, бесценны для истории. Военные писатели составили литературную историю периода Великой Отечественной войны.

Life and creativity of the military writers by an image were closely connected with Great Patriotic war. The basic subjects of the stories, stories, sketches, scripts, plays, notes, interviews - aspiration to show a feat of the people – defenders of Motherland. The memoirs of these people, which they express in the letters, are invaluable for a history. The military writers have made a literary history of the period of Great Patriotic war.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; военные писатели; отечественная литература; духовное единство.

Key words: great Patriotic war; the military writers; the domestic literature; spiritual unity.

Годы Великой Отечественной войны составляют особый период развития отечественной литературы. Идеи, темы, сюжеты, образы, система выразительных средств – всё в ней, естественно, было подчинено основной задаче: призыву отстоять в борьбе со смертельно опасным врагом идеи защиты мира во всём мире, красоту и гуманизм.

* **Вакурова Ольга Александровна**, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова.

Когда пробил час военного столкновения, писатели поднялись вместе со всем народом, пошли в бой вместе с теми, кого они изображали в своих произведениях. Были прерваны литературные споры, прекратилась борьба литературных направлений. «Каждый советский писатель готов все свои силы, весь свой опыт и талант, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против врагов нашей Родины» [7], – так определили свою задачу в первый же день Великой Отечественной войны советские писатели на митинге в Москве 22 июня 1941 года. И они выполнили эту свою клятву. Об этом сказал от имени Советской Армии в дни Победы маршал Советского Союза А. М. Василевский: «Воодушевляя Красную Армию на великие ратные подвиги, поднимая весь советский народ на священную борьбу за честь и независимость нашей Родины, советские писатели вложили свой неоценимый вклад в дело Победы»[5].

С первых же часов войны писатели вышли на линию огня. Десятками и сотнями поступают заявления об отправке их на фронт. Нельзя найти никакой исторической аналогии тому массовому участию в непосредственной боевой, фронтовой работе, которую развернули советские писатели в дни борьбы с гитлеризмом. На фронт ушло более тысячи писателей, из 800 членов московской организации – 250 человек. В Москве формируется рота писателей-ополченцев, к осени 1941 года выступившая на передовые позиции [11].

Советские писатели опровергают старое изречение: музы молчат, когда гремит оружие.

Раскроем «Правду» за годы войны. Наряду с первостепенным политическим материалом, сводками Совинформбюро мы увидим на её полосах не только стихотворения и песни, но и большие поэмы.

Поэтическое слово звучало на митингах и собраниях, стихи можно было видеть чуть ли не на каждой печатной странице. Рост массового поэтического творчества – характерная особенность развития советской поэзии 1941–1945 годов. Поэты не только писали

стихи, песни, они были пропагандистами боевого опыта, армейскими агитаторами, которые жили интересами фронтовиков.

В обобщенной форме основная проблематика поэзии периода войны сказалась уже в самом первом поэтическом произведении тех дней – в «Священной войне» В. Лебедева-Кумача. Сила этого произведения рождена временем, героическим порывом великой страны, вставшей на смертный бой с фашизмом. Текст этого стихотворения уже 24 июня 1941 г. был опубликован в газете «Известия», а 26 июня 1941 года песня была впервые исполнена Краснознаменным ансамблем на Белорусском вокзале для уходящих на фронт частей. Лебедеву-Кумачу выпало стать голосом героической души народа в один из труднейших моментов истории человечества.

В «Священной войне» нет никаких украшений, никаких сложных риторических фигур, всё сурово, строго, но так полно чувства, что самым обычным словам – «страна огромная», «пламенные идеи», «ярость благородная» – как бы возвращается их подлинный смысл и глубочайшая выразительность. Стихотворение сразу захватывает своей единой и очень богатой интонацией. Поэт не только поднимает страну на битву («Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»), не только утверждает неприкосновенность родного неба и родных полей («Не смеют крылья чёрные над Родиной летать, поля её просторные не смеет враг топтать»), он вместе с соотечественниками клянётся дать отпор врагам, присягает на подвиг истребления фашистской нечисти. Но при всей важности призывной и клятвенной интонации в стихотворении есть и эпическая интонация, которая создаёт его размах и широту:

Идёт война народная,
Священная война! [3, с. 11–12].

Тема борьбы с захватчиком, ненависти к врагу и защиты отечества сразу была взята на вооружение всем арсеналом пропагандистских и просветительских средств. Для этого были мобилизованы выразительные средства искусства, его исключительные возможности воздействовать на самые глубины чувства человека. «Пусть ярость благородная вскипает, как волна». Без ненависти нельзя победить врага – это должен был понять каждый советский человек и

в тылу, и на фронте. «И это, – говорил А. Сурков, – как-то определило всю дальнейшую мою работу на войне. Из этой коррективы исходя, для меня лично и началась тема войны; главная, определяющая и, пожалуй, неизменная до того дня, когда последний выстрел смолкнет, – тема ненависти» [9].

«Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли, – писал 28 июля 1941 г. в «Правде» А. Толстой, – победить и уничтожить Гитлера и его армию, которые несут смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего... Для этого нужна ненависть. Но не такая ненависть не чёрная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы работников тыла» [6, с. 3]. «Светлая ненависть» возникла в душах писателей от их понимания правды, как они её видели в эти страшные дни без влияния внешних обстоятельств, сформированных под воздействием государственных рекомендаций и запретов [4, с. 24–42].

Сильные патриотические чувства породили особую творческую тональность, определили небывалый лиризм военной литературы. Писатель чувствовал потребность читателя в поддержке и правдивом слове. Понятия «отечество», «родина», «товарищ», большевистски освоенные, получили иное наполнение, естественное, натуральное.

Вслед за «Священной войной» появляется «Песня смелых» А. Суркова. Совсем иная ритмически – напряжённая, как бы торопящая человека в бой, – она тревожно «скликнула» бойцов в поход, подхватывая вековые традиции русских воинов:

Песня – крылатая птица –
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт.

Почти на другой день к суровому голосу «Священной войны», к живому солдатскому говорку «Песня смелых» прибавилось сердечное, задушевное «До свиданья, города и хаты» М. Исаковского. В этой песне перед нами встаёт не «страна огромная», эпически ве-

личественная и грозная, как у В. Лебедева-Кумача, не «смелый», над которым «трубы тревогу поют», как у А. Суркова, – в ней поёт душа «молодых смелых ребят», простых комсомольцев – излюбленных героев М. Исаковского [3, с. 12].

Так в первые дни Великой Отечественной войны возникли три чрезвычайно разных стихотворения, тогда же ставших песнями, с которыми советский народ не расставался до дня Победы.

Стихотворения перекладывались на музыку, становились песнями военных лет и на протяжении всей войны занимали большое место в духовной жизни воюющего народа. Особой любовью пользовалась песенная лирика М. Исаковского – «В прифронтовом лесу», «Огонёк», «Лучше нету того цвету», «Услышь меня, хорошая» – с её нетленной красоты нашего мира, поэтизацией верности родным и близким. Широкою известность в годы войны получили также «Лирическая песня», «В землянке» А. Суркова, «Когда я уходил на фронт», «Песня о Днепре» Е. Долматовского, «Катюша» М. И. Блантера, «Смуглянка» А. Г. Новикова, «Заветный камень» А. Жарова, «Шумел сурово брянский лес» А. Софронова, «Соловьи» В. П. Соловьёва-Седого, а также песни А. Чуркина, П. Шубина, Н. Букина и многих других авторов.

В лучших песнях военных лет раскрылась душа воюющего народа, его любовь и ненависть, свободолюбие. Духовный мир выражала и вся поэзия в целом, все её ведущие жанры: лирические стихотворения, разные виды стихотворной сатиры, поэмы.

Сатира особенно широко была представлена в «Окнах ТАСС». Над текстами для «Окон ТАСС», возникшими в самом начале войны, трудился целый отряд советских поэтов и среди них – Демьян Бедный, В. Лебедев-Кумач, С. Маршак, А. Жаров, С. Михалков.

Сатирические стихи С. Маршака публиковались и в «Окнах ТАСС» и во многих газетах, прежде всего в «Правде». Его сказки, притчи, песни, каламбуры, эпиграммы («Мороз и морозец», «Партизанское угощение», «Долг платежом красен», «Подарки с неба», «Юный Фриц, или экзамен на аттестат “зверости”», «Ломом по врагу»), композиционно чёткие по языку, приобрели широкую известность. Создание многих сатирических образов подсказано самой

жизнью. В годы войны фашизм до предела обнажил свою человеко-ненавистническую сущность, и задача состояла в том, чтобы показать его презрение, поразить его «пушечным смехом». Занимательность, живость сюжета – важные особенности сатирических произведений Маршака, делающие их интересными для самых разных читателей.

Сатирическим целям служила также и басня. Особенно успешно работал в этом жанре Демьян Бедный. Большой популярностью пользовались такие его басни, как, например, «По гостю – встреча», с характерным для поэта обновлением в острополитических целях старой пословицы («По гостям и пироги»), «Волк-моралист», «Шулера», «Обиженный вор» и другие. Д. Бедному в «Окнах ТАСС» принадлежали наряду с сатирическими произведениями и стихи-призывы, стихи-лозунги, в которых сатира выступает всего лишь одним из элементов («Геринг – палач-вампи́р, фашистский обер-банкир», «Фашистская "фортунa"», «Свирепость бешеного пса», «Временщики»). Для этих произведений характерно сочетание хлестких, бичующих образов («Бандит стал палачом. Палач стал богачом») с прославлением «стального советского штыка», героизма советских воинов.

События войны – от первых трагических дней до водружения знамени победы над рейхстагом – не всегда явно, но оказывали мощное влияние на внутренние процессы, происходившие в отечественной поэзии, на движение её тем, жанров, образов, самой тональности стиха.

Для самых первых стихов о войне характерны грозная речь, суровые интонации, повелительные формы. «Вперёд! В наступление! Назад ни шагу!», «Ты – враг. И да здравствует кара и месть!», «Опрокинь врага, удержи», «В поход! В поход!», «Бей с неба!» – это стержневые слова первых военных стихотворений А. Суркова, А. Твардовского, О. Берггольц, А. Прокофьева, С. Кирсанова и др.

Позднее при сохранении интонации призыва появляются интонации сурового рассказа о злодеяниях врага, которые у некоторых поэтов, например у М. Исаковского, несколько сближаются с жанром народного плача. Возникают и иные стихи, с преобладанием исто-

рических мотивов и ассоциаций. Стремление взглянуть на всё исторически, проследить становление и развитие событий делается одной из характерных черт отечественной литературы, и поэзии в частности. По-разному это выражено у Н. Тихонова, И. Сельвинского, В. Инбер и даже у таких поэтов, которые никогда не обращались к глубокой истории.

В поэзии военных лет особое звучание приобрела тема солдатской дружбы, любви, товарищества. Полнее всего она представлена в лирических стихах К. Симонова. Тема войны, солдатской дружбы, верности разрешаются поэтом в этическом плане. Верность бойца, чувство товарищества, прямота и откровенность раскрываются как категории, определяющие боевой дух человека, его стойкость в бою, его преданность знамени полка, знамени Родины. Пафос стихотворения «Дом в Вязьме» – рождение чувства солдатской дружбы, рождение самой чисто, самой человеческой морали. Поэт говорит о простых вещах без притязаний на какую-то особую значимость, самыми простыми словами рассказывает о рождении нового чувства – братства с товарищами:

Хлеб пополам, кров пополам –
Так жизнь в ту ночь открылась нам.

Стихотворение воспринимается как письмо солдата, который, не надеясь уцелеть на войне, оставил эти стихи как завещание живым. Солдат как бы говорит: не забудьте в дни мира о самом главном, об испытании в такие минуты, когда перед человеком встаёт вся его жизнь, встаёт не в мелочах, а в самом значительном. Живите же, помня о том, что открылось нам тогда [3, с. 22–23].

Духом товарищества проникнуто и популярное стихотворение Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины». Обращаясь к другу, поэт говорит о Родине, которая, как он понимал тогда, открылась ему по-настоящему только в дни горя, в дни испытаний. Глубина связи с Родиной, с её простыми людьми продиктовала поэту и подлинно народные образы стихотворения и сам характер стиха, его лирическую, взволнованную интонацию.

В поэзии периода Великой Отечественной войны с особой силой выразилось духовное единство и вместе с тем редчайшее богатство художественных индивидуальностей отечественной поэзии.

Советская баллада периода войны – это, как правило, стихотворение, имеющее сюжет, в основе которого чаще всего – героико-трагедийная ситуация. Общим для военных баллад является также их агитационная направленность, их откровенно поучительный характер. Не случайно, что баллады чаще всего были посвящены конкретным, реальным героям. Таковы «Баллада о трёх коммунистах» Н. Тихонова, «Баллада о танке "КВ"», «Баллада о боевом знамени» И. Сельвинского, «Разведчик Пашков» А. Суркова, «Баллада о красноармейце Демине», «Иван Суханов» А. Прокофьева и др.

Годы войны были временем больших раздумий о жизни, о Родине, о человека. Как бы ни был скуден солдатский быт, как бы ни был человек оторван от центров культурной жизни, он жил в полную силу, в сердце своём он носил целый мир. Тем же самым жили и поэты. Так, в тяжёлые годы войны, казалось бы, вовсе не располагавшие для работы над крупными, обобщающими произведениями, появлялись поэмы. История отечественной литературы не знает другого такого периода, когда за четыре года было создано столько значительных, подлинно талантливых поэм, как в суровое четырёхлетие Великой Отечественной войны. Оно представлено такими поэмами, как «Василий Тёркин» А. Твардовского, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского, «Двадцать восемь» и «Лиза Чайкина» М. Светлова, «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Февральский дневник», «Ленинградская поэма» и «Памяти защитников» О. Берггольц, «Блокада» З. Шишовой, «Москва за нами» С. Васильева, «Пропал без вести» Е. Долматовского, «Поэма фронта» С. Кирсанова и другие.

Первой поэмой этого периода явилась написанная в блокадном Ленинграде поэма Н. Тихонова «Киров с нами». Она посвящена Ленинграду и ленинградцам, самоотверженной борьбе людей, которых в одну семью объединила суровая клятва.

С двумя ленинградскими поэмами в начале войны, в 1942 году, выступила Ольга Берггольц. Но если в центре сурово-романтической поэмы Н. Тихонова обобщающий образ времени, образ истории, то в поэмах О. Берггольц запечатлён по преимуществу блокадный быт ленинградцев. Её поэмы – это письмо к другу,

сестре по гневу и печали, поэтому невозможно отделить их от стихов поэтессы. В произведениях О. Берггольц – живые приметы блокадных дней от «бедного ленинградского ломтика хлеба», что «почти не весит на руке», до страшной тишины огромного города, в котором не слышно ни гудка, ни трамвая, ни радио – «один, стуча, трудился метроном». В них – всеокрыляющая мечта о завтрашнем дне, когда сдёрнут «шторы чёрные с окна», будет вволю «хлеб... тёмно-золотистый и ржаной», в них – призыв выстоять и в них же – простое, душевное слово, которым ленинградка хотела приободрить, успокоить [1, с. 680; 2, с. 431]. Потребность в таком душевном, ободряющем слове была не меньше, чем в самом хлебе. Советские поэты дали такое слово своим соотечественникам.

Как и другие ленинградские поэты, О. Берггольц, конечно, была и летописцем блокады и её бойцом-агитатором, но прежде всего она хотела запечатлеть душу людей, жизнь их сердца. Именно с этой особенностью дарования поэтессы связано её стремление писать «о самом обычном, простом и суровом». Подобные ситуации – в основе всех её произведений. Но что может быть обычнее и суровее в годы войны, чем смерть бойца? В 1944 году Ольга Берггольц пишет поэму «Памяти защитников» и по просьбе ленинградской девушки Нины Нониной, потерявшей в боях родного брата Владимира, – поэма превращается в своеобразный реквием в честь павших за свободу и независимость Родины [3, с. 35].

В период войны, когда так много тяжёлого, когда нередко человек неделями и месяцами видит одни трупы, совсем нетрудно забыть о красоте мира, об аромате трав, деревьев, о сияющих под солнцем снегах. И некоторые забыли, особенно если впадали в отчаяние. Но наиболее сильные духом помнили. В тяжёлые, страшные годы они испытывали особую потребность нетускнеющим сохранить в своём сердце образ Родины. В их душе красота родной земли, память о ней становились источником великого мужества. Такой потребности сильных сердец и ответил А. Прокофьев, создав песенную, всю напитанную запахами цветов, пронизанную ветрами широких просторов, звонкоголосую, сияющую весенними красками поэму «Родина». Рождение такой поэмы во время войны говорит о

великом душевном здоровье нашего народа, который не терял бодрости и оптимизма даже в самые отчаянные моменты истории. Он жил и боролся за жизнь, он видел «за далью даль», он оставался человечным [3, с. 44–45].

Наряду с поэзией широчайшее распространение в годы Великой Отечественной войны получили такие жанры, как публицистическая статья и очерк. Неоценимым преимуществом этих жанров в военное время стала их оперативность, стремительность ответной реакции на события дня. Большое значение приобрела также документальность, фактичность публицистики и очерка. Действительность войны в изобилии давала материал специфичный, неординарный, который – чтобы не произвести впечатления невероятного – требовал особой формы, заведомо не допускающей значительного отклонения от факта. В момент, когда отечественная литература выполняла ответственную задачу – воспитывала уверенность в победе, важнейшим условием воздействия произведения была полная вера читателя в подлинность художественного слова, в его достоверность.

Значение записей писателей нельзя недооценивать и в целях накопления материала для изучения истории Великой Отечественной войны. К. М. Симонов писал: «Что касается писателей, то, по моему мнению, сразу же как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Что бы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили читатели, всё равно на первый день после войны самым существенным, что они сделали на войне, за войну, окажутся именно их дневники» [10, с. 5].

В. В. Вишневский прошёл всю войну и закончил её в Берлине. В Ленинграде он возглавлял оперативную группу писателей Политического управления Балтийского флота. При этом писатель думал о будущем, сохранял бумаги, документы, письма, собирал сведения о ленинградских литераторах-фронтовиках. Характерно, что ещё в годы войны В. В. Вишневский поднимал проблему сбора материалов по обороне города. В своём выступлении в Ленинградском отделении Союза писателей СССР 6 августа 1943 г. Он говорил: «По предложению города Ленинграда я обращаюсь к писателям с призывом

немедленно составлять литературную историю обороны города. С этой трибуны творится история, и вы, её активные участники, не откладываете на завтра записки и воспоминания, фиксируете всё сегодня же, сейчас же. Мы двинем на Запад, вы увидите границу, вы увидите первые части, которые будут врываться в города противника, вы будете наблюдать огромные явления... Нахлынут новые огромные стремительные события, и новая жизнь заслонит правду истории, которая так драгоценна. Я просто чувствую, что необходимо это сделать, необходимо помочь людям, которые эту историю хотят сделать»[9].

Повести и романы о Великой Отечественной войне, созданные за 1941–1945 годы, с эпической широтой отразили всенародный характер войны, её благородные и освободительные цели. К этим большим эпическим жанрам отечественные писатели обращаются в первые же месяцы войны. Героический эпос войны шёл в буквальном смысле по неостывшим следам живой, ещё дымящейся истории.

Среди романов и повестей 1941–1945 годов, объединённых единой темой героизма советских людей на войне, отчётливо выделяются три цикла: произведения, посвящённые непосредственно фронту, боевым операциям, произведения о мужественной борьбе советских людей в оккупации и, наконец, произведения о советском тыле. Органическая связь этих разных циклов определяется общенародным характером Отечественной войны.

Очерк и публицистика в годы Великой Отечественной войны переживали подлинный расцвет. Это проявилось и в количественном размахе, и в богатстве идейного содержания, и в небывалом разнообразии форм.

Очерк этого времени не только фиксирует свершившееся, но идёт впереди событий. В дни тяжёлых поражений Красной Армии писатели умели найти и показать людей, которые делали несомненной будущую победу. Задолго до окончания войны очерки и публицистика подготавливают народ к задаче мирного восстановления – восстановления городов и человеческих душ.

Очерковая и публицистическая литература в период Великой Отечественной войны, отражая новую ступень всей советской лите-

ратуры в познании человека, отличается проникновенной человечностью. Об этом говорит её разносторонность в изображении человека, повышение эмоциональности художественного слова. Писатели смелее подчёркивают в новом, советском герое общечеловеческие начала: его жажду добра, верность, благородство, вдохновение, самопожертвование

О значении очерка и публицистики в годы Великой отечественной войны ярко говорят отклики самих читателей, солдат и командиров Красной Армии. В них выражается всенародное признание благородной и активной роли этих боевых жанров литературы. В одном из писем с фронта к А. Толстому говорится: «В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом, и мы чувствуем, как будто вы находитесь с нами совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У вас иное оружие. Но оно так же остро, как наши штыки...» [8, с. 19].

Список литературы

1. Берггольц О. Собрание сочинений: В 3 т. / редкол. Г. Горбовский и др. – Т. 1. – Л.: Худ. лит., 1988.
2. Берггольц О. Собрание сочинений: в 3 т. / редкол. Г. Горбовский и др. – Т. 2. – Л.: Худ. лит., 1989.
3. История русской советской литературы. – Т. 2. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963.
4. Лазарев Л. И. «Как бы ни была горька...» // Коммунист. – 1991. – № 8.
5. Литературная газета. – 1945. – 23 июня.
6. Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны: докум., тексты, воспомин. – М.: Рос. полит. энцикл.» (РОССПЭН), 2006.
7. Правда. – 1941. – 24 июня.
8. Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг. Письма читателей. – М., 1946.
9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) – Ф. 631. Оп. 16. Д. 132. Л. 2–3.
10. Симонов К. М. Собр. соч. Т. 8. – М., 1982.
11. Советские писатели в Великой Отечественной войне // Новый мир. – № 2. – 1958.

УДК 903.2:737.1(398)"12/13"

С. Н. Травкин *

О некоторых особенностях культурно-исторического процесса на территории Юго-Восточной Европы во второй половине XIII–XIV вв. (по данным нумизматики)

В статье рассматриваются ареалы монетного обращения в Восточной Европе в период XIII–XIV веков. Географические рамки охватывают территорию до реки Дон. Показано влияние на монетное обращение государства Чингизидов, процесс распространения монет Золотой Орды (все изменения можно проследить с помощью нумизматики через анализ состава кладов Молдавии, Украины, Крыма и т. д.).

На основании материалов археологических раскопок просматриваются ареалы распространения монет в степной и лесостепной регионы.

На протяжении всего периода (с XIII по XIV в.) возникла тенденция глобализации денежного обращения.

There is an article in which you can consider holes of handling's coin in the East Europe in period of the second half XIII–XIV centuries. Geographic limits include territory to the Don river. In this article you can see an influence on handling's coin of Chingizid's State also the process of spreading Gold Horde's coins (all changes you can retrace with helping of numismatics to analyze structure of Crime's, Moldavia's, Ukraine's borides) and from archaeological excavations.

On the grounds of archaeological excavations materials you can see the holes of coin's spreading in steppe and forest-steppe regions.

During the whole period of time (since XIII to XIV centuries) there is a tendency to globalization money of handling's.

Ключевые слова: археология, археологическая культура, археологические раскопки, вещественные источники, глобализация, монета, Средние века, Золотая Орда, Литва, Польша, Молдавия, Юго-Восточная Европа.

* **Травкин Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Key words: archaeology, archaeological culture, archaeological excavations, material sources, globalization, a coin, the Middle Ages, the Golden Horde, Lithuania, Poland, Moldova, South-eastern Europe.

Проблема частного и общего в историческом процессе приобрела особую значимость на рубеже двух тысячелетий. Наступление нового столетия поставило вопрос о пределах глобализации. В настоящее время все более яростные споры вызывает обоснованность существования региональной и этнической самобытности. В археологии данная проблема нашла отражение в форме дискуссий об археологических культурах и их локальных вариантах. Аналогом этому в нумизматике может служить проблема ареалов монетного обращения. Вопрос о делении больших культурно-исторических общностей на части одинаково актуален как для современности, так и для изучения ранних этапов истории человечества. В связи с этим представляется интересным рассмотреть один из регионов Европы с точки зрения борьбы «глобальных» (имперских) тенденций его развития и местных особенностей. Эпоха средних веков достаточно далеко отстоит от нашего времени, что позволяет достаточно объективно оценивать события того времени.

При этом необходимо учитывать отличающуюся друг от друга степень информативности разных типов исторических источников. Летописи и документы основное внимание сосредотачивали на жизни правящей элиты. Культура «молчаливого большинства» нашла свое отражение, прежде всего, в вещественных источниках. В связи с этим при изучении культурно-исторического процесса в целом (а не только элитарной культуры) особую значимость имеют данные археологии и смежных с ней наук, включая нумизматику.

Согласно средневековым представлениям восточный рубеж Европы доходил до реки Дон [7, с. 92]. Территория между Доном и Карпатами в это время была юго-восточной окраиной Европы и всего Христианского мира. Земли эти отличались значительной политической и военной нестабильностью. Подобная ситуация нашла свое отражение во всех сторонах культурно - исторического процесса, включая материалы нумизматики. Особую динамичность собы-

тия приобрели в XIII и XIV вв., что и обусловило хронологические рамки предлагаемой статьи.

В середине XIII в. наследники Чингис-хана разгромили государства Восточной и Центральной Европы. В результате этого на западной границе Евразийских степей возник Улус Джучи [32, с. 351–392].

Появление в Юго-Восточной Европе государства Чингизидов повлияло на все стороны культурно-исторического процесса, в том числе и на монетное обращение. Подобная ситуация отразилась в материалах нумизматических тезавраций и археологических раскопок.

Во второй половине XIII в. на территорию к востоку от Карпат почти полностью прекратилось поступление новых западноевропейских денариев и брактеатов. В результате этого фактически исчез ареал их обращения в верхнем течении Днестра [11, с. 82–85; 23, с. 188, 193; 25, с. 109–127]. В степях региона стали господствовать монеты Золотой Орды. Однако это еще не означало, что в нумизматических материалах Юго-Восточной Европы исчезли региональные особенности.

До реформы хана Токты в 1310 г. «денежное обращение Улуса Джучи XIII в. представляла отдельные островки обращения, почти не связанные друг с другом; монеты чеканились исключительно для местного хождения» [28, с. 10]. В Северном Причерноморье во второй половине XIII в. возник особый ареал обращения, обособленный от центров нижнего и среднего Поволжья. Ситуация изменилась только в начале следующего столетия. Монеты центральных городов Золотой Орды (прежде всего Сарая и Гюлистана) вытеснили местные чеканки после реформы 1310 г. [30, с. 100, 103].

В политической жизни Юго-Восточной Европы в первой половине XIV в. господствовала Золотая Орда. Однако с севера началось наступление Литвы и Польши [34, с. 180]. Конечным итогом этого наступления стал захват ими южных русских земель. Подобный раскол рассматриваемых земель нашел свое отражение и в материалах нумизматики.

В составе кладов и археологических материалов в 1310–1359 гг. можно проследить значительные региональные отличия. На юге (в

степях Причерноморья) господствовали монеты Золотой Орды. В степях Молдавии и Украины известно не менее 12 кладов этого времени, из них 11 с монетами Золотой Орды [1, с. 63; 5, с. 117; 8, с. 399]. Еще два клада найдены в Крыму. Из них один включал дирхемы Золотой Орды [30, с. 152].

Материалы кладов подтверждаются составом единичных находок, в том числе из археологических раскопок. Особо необходимо отметить то, что среди джучидских монет первой половины XIV в., найденных на территории Северного Причерноморья, значительное место занимали чеканки городов Поволжья. Это относилось не только к серебряным дирхемам, но и к медным пулам. На городище Старый Орхей (Молдавия) медные пулы Сарай ал - Джедида составляют подавляющее большинство среди мелких джучидских номиналов 1350-х гг. [2, с. 81–82]. Значительное количество пулов 1350-х гг. чеканки Сарая найдено в Крыму [15, с. 33, 91, 140].

Золотоордынские монеты были господствующим, но не единственным элементом денежного обращения западной части Золотой Орды. В Крыму известен один клад с чеканками Византии [17, с. 170]. Номиналы Византийской и Трапезундской империй представлены и среди единичных находок Крыма [3, с. 372]. Еще одним элементом монетной массы на западе степей были пражские гроши. Они известны в золотоордынском погребении на Дунае [9, с. 86–89]. На городище Старый Орхей среди единичных монет известны пражский грош Иоанна I (1310–1346) и индийская золотая монета 1351 г. [2, с. 86]. Среди единичных монетных находок Крыма и Бесарабии известны денежные знаки первой половины XIV в. Индии, Персии и в Египте [19, с. 144–145].

На основании тезавраций и материалов археологических раскопок можно предположить, что в степях первой половины XIV в. существовал относительно монолитный ареал монетного обращения. Основой этого «глобального» ареала служили золотоордынские монеты городов Поволжья. В дополнение к ним благодаря торговле по «Великому шелковому пути» поступали номиналы зарубежных стран.

Второй ареал поступления монет располагался на северо-западе Украины в лесостепной зоне. На этой территории известен один клад пражских грошей, датируемый первой половиной XIV в. Еще несколько кладов пражских грошей широко датируются XIV в. [27, с. 13–15; 38, с. 24]. Остается открытым вопрос о поступлении сюда золотоордынских монет в первой половине XIV в. Они известны только по единичным находкам (Зеленая Липа в Северной Буковине) [22, с. 92–101].

По составу монетной массы северный ареал явно отличался от степей. Развитие монетного обращения в лесостепном регионе проходило под воздействием христианских стран Центральной Европы, а не Золотой Орды. При этом большая часть лесостепной зоны не имеет кладов первой половины XIV в. Возможно, что лесостепные территории в большинстве своем оставались за пределами зоны монетного обращения.

После 1359 г. наступил новый период монетного обращения в Юго-Восточной Европе. Он начался с «Великой замятни», а закончился походами Тимура в Поволжье в 1395–1396 гг. Ведущей особенностью этого времени стало постепенное ослабление Золотой Орды. Подобное положение отразилось и на нумизматических материалах, обнаруженных в регионе.

После 1359 г. в степях продолжал существовать ареал обращения золотоордынских монет. Он сохранил преемственность с обращением первой половины XIV в. Клады второй половины столетия содержат джучидские чеканки 1310–1359 гг. [31, с. 179]. Однако перемены не миновали этот ареал.

Изменения в Степном ареале произошли прежде всего в составе золотоордынских монет. Резко и быстро сократилось поступление денежных знаков из Поволжья. Одновременно с этим развивается местная чеканка. Особенно заметно это среди медных пулов. Ярким примером могут служить города на территории современной Республики Молдова. В Костештах и Старом Орхее в 1360-х гг. преобладали местные чеканки фонды Музея археологии и этнографии АН РМ (Кишинев) инвентарные номера «медь» 746, 947 – 980 (Костешты), в настоящее время переданы в Исторический музей

(Кишинев)) [2, с. 81–82]. Активная чеканка собственных монет возобновилась в Азаке [32, с. 239–240]. В 1375 г. был восстановлен выпуск золотоордынских монет в Крыму [18, с. 17].

Одновременно с подъемом местной чеканки в степях происходило изменение границ распространения джучидских монет. Некоторые из этих изменений с трудом соотносятся с сообщениями письменных источников.

В 1362 г. в битве при Синих Водах литовские войска князя Ольгерда разбили татарских князей Хажибека, Кутлубуга и Димитрия. Согласно летописи это стало причиной изгнания татар из Подолии. Однако именно в 1362–1369 гг. на территории современной Молдавии началась чеканка золотоордынских монет. Первоначально они выпускались от имени хана Абдаллаха (Абдуллаха). С.А. Янина высказала гипотезу о том, что сам хан присутствовал в начале 1360-х на этих землях [35, с. 208–209].

Подобное изменение географии монетной чеканки можно объяснить только тем, что после поражения часть татар ушла к Дунаю. В этом случае Мамай мог поддержать западные опорные пункты Золотой Орды в спорном районе. Однако деятельность золотоордынских монетных дворов в городах на территории современной Молдавии продолжалась не долго. Абдуллах, вероятно, только короткое время оставался на Днестре. После его ухода с монет Шехр ал-Джедида исчезло имя хана. Это позволило Е. Николае предположить, что в данном районе сформировалось особое политическое образование, которое чеканило собственные монеты. Однако, не позднее 1369 г. чеканка в Шехр ал-Джедиде прекратилась [19, с. 142–146].

Одновременно исчез приток джучидских монет из других районов Золотой Орды на территорию современной Республики Молдовы. Это позволило А.А. Нудельману выдвинуть теорию о наступлении здесь после 1370 г. безмонетного периода [20, с. 116]. Подобная мысль вызывает определенные сомнения, так как отсутствие новых поступлений не означало прекращения обращения старых монет. В дополнение к этому необходимо отметить, что находки пулов типа «Костешты-Гырля 1-2» позволяет продлить период чеканки золотоордынских монет в Бесарабии после 1369 г.

Для периода 1370–1399 гг. характерно сокращение масштабов тезаврации золотоордынских монет между Днепром и Дунаем. Складывается впечатление, что в 1370 г. В связи с военной катастрофой закончилось господство монет Золотой Орды к западу от Днепра.

Во второй половине XIV в. чеканки Золотой Орды сохраняли преобладание в глубине степей и Крыму. Однако возле Днепра и на границе степи и лесостепи к концу столетия картина постепенно стала меняться. Всего в степной зоне известно не менее 25 кладов с младшими монетами 1359–1399 гг. В их число входило 14 комплексов с монетами Золотой Орды, 13 – с пражскими грошами, два – с киевскими монетами Владимира Ольгердовича (1362–1394), по одному кладу с чеканками Византии, Галицкой Руси, Джагатаидов, Джелаиридидов, Литвы и северной Руси (некоторые клады содержали две или три группы монет). Однако только один комплекс с пражскими грошами узко датирован второй половиной XIV в. Все остальные содержали гроши Вацлава III (IV) (1378–1419), т. е. относятся к рубежу столетий. При этом все клады с «европейскими» монетами сконцентрированы на границе степей: в современных Черкасской, Сумской и Харьковских областях Украины [8, с. 397, 403; 26, с. 77].

В Крыму из семи кладов второй половины XIV в. пять содержали джучидские дирхемы, один – монеты Караманидов, один – Индии и один – Итальянских государств. Чеканка Индии и Италии была представлена золотыми номиналами [16, с. 36; 26, с. 77].

Лесостепной ареал монетного обращения во второй половине XIV в. заметно расширил свою территорию. Преемственность с предшествующим временем и определенное единство обеспечивали пражские гроши.

Лесостепную зону во второй половине XIV в. можно разделить на несколько ареалов: Галицкая Русь, Днестровско-Карпатский регион, Волынь и бассейн Припяти, среднее Поднепровье, левобережье Днепра. Во второй половине XIV в. каждый из этих районов обладал собственной монетной чеканкой.

На территории Галицкой Руси из 14 известных кладов в 10 отложились монеты Червонной (Галицкой) Руси, в шести – Польши и в девяти – пражские гроши [37, с. 154–155]. Своеобразие данной территории придают многочисленные находки монет Червонной (Галицкой) Руси. Они чеканились во Львове под властью Польского короля. Выпуск этих монет начался между 1349 г. (год присоединения Львова к Польше) и 1356 г. (первое упоминание в письменных источниках о них) [12, с. 114]. Можно согласиться с мнением о том, что это произошло в 1353–1355 гг. [39, с. 192].

Между Днестром и Карпатами во второй половине XIV в. свои монеты чеканило Молдавское княжество. Первым молдавским князем, выпустившим монету, стал Петр I Мушат (1375–1392) [6, с. 177].

Земли Молдавского княжества можно разделить на две части: ядро государства между рекой Прут и Карпатами (Запрутская Молдова) и восточная окраина между верхним Днестром и Прутом. В Запрутской Молдове из девяти кладов в пяти были молдавские гроши, в четырех – венгерские монеты, в трех – чеканки Валахии, в двух – Болгарии, по одному комплексу с номиналами Сербии, Венеции, Индии, Золотой Орды, Галицкой Руси и Чехии [21, с. 98, 99]. В северной Бесарабии представлено три клада: два с монетами Молдавии, два – Польши, один – Галицкой Руси и один – Чехии [20, с. 94; 24, с. 97; 27, с. 9].

Территория Волыни, бассейн Припяти и Южного Буга были захвачены Литвой. По мнению ряда исследователей, литовские князья чеканили свою монету в Луцке и Подолии, хотя в настоящее время это мнение и оспаривается [36, с. 13]. На этих землях известно 29 кладов, в том числе 24 с пражскими грошами, семь с монетами Литвы, шесть – Галицкой Руси, пять – Польши, один – Венгрии, один – Германии, один – Золотой Орды, один – Молдавии [4, с. 6, 49; 14, с. 135; 27, с. 11–24; 29, с. 132; 38, с. 47–49; 40, с. 34]. Господствуют здесь пражские гроши. Монеты Литвы, Польши и Галицкой Руси уступают им по численности. Однако почти все пражские гроши относятся к чеканке Вацлава III (IV). Это может свидетельствовать о позднем их проникновении (в конце XIV в.).

На среднем Днепре центром культурно-исторического развития оставался Киев. В Киеве чеканил монеты литовский князь Владимир Ольгердович (1363–1395) [36, с. 9–10]. В этом районе из 12 кладов 10 содержали пражские гроши, три – монеты Киева, три – Золотой Орды, один – Червонной (Галицкой) Руси, один – Литвы, один – Польши, один – Венеции, один – государства Хулагу [10, с. 6–8; 27, с. 18–20; 29, с. 132; 30, с. 164; 38, с. 39–41]. По мнению Г.А. Козубовского, киевские монеты занимали в обращении Среднего Поднепровья значительное место уже в конце XIV в., а пражские гроши получили распространение только в начале XV в. [10, с. 19].

На левом берегу Днепра чеканил монеты во второй половине XIV в. князь Новгорода Северского Дмитрий Корибут (1380–1393) [36, с. 11–12]. Среди восьми кладов, найденных в лесостепи левобережной Украины, пять включало пражские гроши, три – чеканки Золотой Орды, два – Владимира Ольгердовича, один – Польши, один – Рязани и один – Тимура [27, с. 29–30; 31, с. 217; 38, с. 26, 38].

В лесостепях везде преобладали монеты Христианских государств. Однако процессы, происходившие в денежном обращении лесостепи и степей, были похожи. Шло дробление денежного обращения на локальные варианты. Активизировалась местная чеканка монет. Увеличилось число монетных находок.

На основании нумизматических материалов можно сделать некоторые выводы о культурно-историческом развитии Юго-Восточной Европы в рассматриваемый период. В XIII и XIV вв. на территории Юго-Восточной Европы неоднократно происходили крупные перемены в направлении культурно-исторического развития. Регион подтвердил свой статус территории хронической политической нестабильности. При этом несколько раз возникала тенденция к своеобразной нивелировке (глобализации) денежного обращения. Однако фактически всегда сохранялись местные особенности и деление крупных ареалов монетного обращения на отдельные обособленные районы, обладавшие своими специфическими особенностями денежного обращения.

Литература

1. Абызова Е.Н., Бырня П.П. Исследования в Старом Орхее в 1979-1980 гг.// Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг. - Кишинев, 1983.
2. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхее (золотоордынский период). – Кишинев, 1981.
3. Алексеенко Н.А. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало// Херсонесский сб. Вып. 10. – Севастополь, 1999.
4. Антонович В.Б. Археологическая карта Волынской губ., с картой, указателем имен географических, указателем предметным и перечислением источников, послуживших при составлении карты// Тр. XI Археолог. съезда в Киеве. Т. 1. – М., 1901.
5. Булатович С.А. Джучидские монеты из Белгород-Днестровска// Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре. – Киев, 1986.
6. Бырня П.П., Руссев Н.Д. Монеты средневековой Молдавии// Stratum. – N 6. – СПб.: Кишинев-Одесса, 1999.
7. Гербенштейн С., Записки о Московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. [Коммент. подготовка текста Ю.А.Лимонова], – Л., 1986.
8. Данилевич В.Е. Карта монетных кладов и находок единичных монет Харьковской губернии//Тр. XII Археолог. съезда в Харькове 1902 г. – Т. I, – М., 1905.
9. Добролюбский А.О., Субботин Л.В., Сегеда С.П. Золотоордынское погребение у Дуная// Днестровско - Дунайское междуречье в 1- начале 2 тыс. н.э. Киев, 1987.
10. Козубовский Г.А. Находки монет XIV-XV ст. на территории Киева. Киев: АН УССР, 1991.
11. Кокоржицкая Т.Н. Фризахские пфенниги в нумизматическом собрании Одесского археологического музея // Древнее Причерноморье: сб. ст., посвящ. 85-летию со дня рожд. проф. П.О. Карышковского. – Одесса: Гермес, 2006.
12. Котляр Н.Ф. К вопросу о правовом положении Львовского монетного двора в 14 15 столетиях// Нумизматика и Сфрагистика. Вып. 2. – Киев, 1965.
13. Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ: Наукова Думка, 1971.
14. Котляр М.Ф. Галицька Русь у другій половині XIV - першій XV чверті ст. Київ: Наукова думка, 1968.
15. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (результаты полевых исследований). Вып. I. Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000. – СПб., 2002.

16. Крамаровский М.Г. Индийский динар из Солхата // Краткие тез. докл. нумизматической конф. 25–28 февр. 1992 г. – СПб., 1992.
17. Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // Византийский Временник. – Т. 26. – М., 1965.
18. Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV в. // Вестн. Одес. музея нумизматики. Вып. 1–19. – Одесса, 2004.
19. Николаев Е. Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра// Stratum. N 6. Кишинев; Одесса; СПб., 1999.
20. Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско - Прутском регионе с древнейших времен до образования Молдавского государства. – Кишинев, 1985.
21. Нудельман А.А. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в 14 – начале 16 вв. // Карпато-Дунайские земли в Средние века. – Кишинев, 1975.
22. Пивоваров С. Нумізматичні Пам'ятки Буковини (античний та середньовічний час). Черновцы, 2002.
23. Пивоваров, С.В. Дослідження Чорнівського городища першої половини XIII ст./ С.В. Пивоваров // Археологічні студії. – Вип. 3. – Київ – Чернівці: Наші книги, 2008.
24. Полевой Л.Л. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце 13 - 15 вв. // Изв. Молдавского Филиала АН СССР. N4(31). – Кишинев, 1956.
25. Потин В.М. Клад брактеатов из Поднестровья // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 1. – Киев: Наукова думка.
26. Северова М.Б. Обзор кладов восточных монет из собрания Эрмитажа// VIII Всерос. нумизматическая конф.: Москва 17–21 апр. 2000 г. – М., 2000.
27. Сиверс А.А. Топография кладов с пражскими грошами. РАИМК. // Тр. Нумизматической комиссии. II. Петроград, 1922.
28. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. – Казань, 2003.
29. Соболева Н.А. Пражские гроши в музеях Украины// Нумизматика и Сфрагистика. Вып. 1. – Киев, 1963.
30. Федоров - Давыдов Г.А. Клады джучидских монет// Нумизматика и Эпиграфика. Т. 1. – М., 1960.
31. Федоров - Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.

32. Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова// Сов. археология. – 1981. – N 1.
33. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М., 2005.
34. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев, 1987.
35. Янина С.А. "Новый город" (Янги-Шехр-Шехр ал-Джедид)- монетный двор Золотой орды и его местоположение// Тр. ГИМ. Нумизматический сб. Ч. 5. Вып. 1. – М., 1977.
36. Douchis R.J., Ivanauskas E. Pocket catalogue of Lithuanian coins. Kaunas: UAB «Judex», 2004.
37. Зварич В.В. Монетні скарби західноукраїнських земель як історичне джерело // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вып. 8. – Львів, 1972.
38. Kotlar M. Znaleziska monet z 14- 17 w. na obszarze Ukrainskiej SRR.
39. Крижанівський А. До питання генези руських монет Казимира III// А се его сребро. Збірник праць на поману члена-корреспондента НАНУ М.Ф.Котляра з нагоди його 70-річчя. – Київ, 2002.
40. Mikolajczyk A. Uzupełnienia do pracy M.Kotlara "Znaleziska monet z 14–17 w. na obszarze Ukrainskiej SRR" // Wiedamosci Numizmatyczne. – 1978. – N 1.

УДК 575.82

В. С. Смирнова, Я. М. Галл***

Влияние Томаса Мальтуса и Адама Смита на формирование идеи естественного отбора в Ч. Дарвина

В статье рассматривается степень влияния идей английских экономистов на возникновение теории естественного отбора Ч. Дарвина. Показано сходство теории естественного отбора с главной доктриной рыночной экономики. Отражено влияние на формирование теории Ч. Дарвина факторов: практики и животноводства, прочтение трудов Т. Мальтуса и А. Смита, исследований по основной биогеографии Галапагосских островов.

Synthesis of influence of English economists view on the origin of Ch. Darwin's theory of natural selection is considered in the article. The resemblance between natural selection theory and main market economy doctrine is shown. The influence of different factors: livestock breeder's practice, reading of T. Malthus and A. Smith's works, researching of general biogeography of Galapagos Islands on forming of Darwin's theory is reflected.

Ключевые слова: теория Ч. Дарвина, теория естественного отбора, история, эволюция, индукция, конкуренция, наследственная изменчивость.

Key words: Charles Darwin's theory, theory of natural selection, history, evolution, induction, competition, genetic variation

Историки науки в 1970–1980-е гг. пришли к единодушному мнению, что шотландские экономисты предарвинового поколения сыграли доминирующую роль в возникновении теории естественного отбора. Чтение Ч. Дарвином труда Т. Мальтуса в сентябре-октябре

* **Смирнова Валентина Степановна**, кандидат биологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина;

** **Галл Яков Михайлович**, доктор биологических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала института истории естествознания и техники РАН, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

1838 г. буквально вызвало интеллектуальный взрыв и было решающим эпизодом в радикализации теории эволюции. Суть идеи Т. Мальтуса состоит в том, что любая популяция животных и человека склонна увеличиваться в геометрической прогрессии. Но запас пищи увеличивается в прогрессии арифметической. Поэтому между членами популяции будет происходить интенсивная индивидуальная борьба за пищу. Численность любой популяции держится на постоянном уровне еще и потому, что лимитирующими факторами выступают болезни и эпидемии.

Сейчас проявляется огромный интерес к творчеству Т. Мальтуса. В 1986 г. в Великобритании вышло восьмитомное собрание его сочинений. Во введении к этому изданию, опубликованному в первом томе сочинений шотландского экономиста Е. Врагли [21, с. 139] указал, что Т. Мальтус был первым, кто сконструировал всестороннюю социальную науку. По его мнению, ни один из экономистов прошлого не оказал такого решающего влияния на развитие экономической мысли в XX в., как Т. Мальтус [14, с. 215–216; 20, с. 226–229].

С. Гулд [7, с. 8–16] полагает, что влияние А. Смита на Ч. Дарвина было еще сильнее. Действительно, теперь хорошо известно, что в течение решающих месяцев 1838 г. он изучал учение А. Смита [11, с. 224; 6, с. 437–459]. Теория естественного отбора сходна с доктриной рыночной экономики. На философском языке это означает, что две теории являются изоморфными, т. е. структурно сходными, хотя предметы исследования у них разные. Суть свободной экономики состоит в том, что отсутствует какое-либо вмешательство в систему при помощи высших законов. Индивиды просто борются за персональную выгоду. В этой борьбе неэффективные устраняются, и наступает равновесный баланс. Система Ч. Дарвина, по С. Гулду, работает точно в такой же манере, только еще более безжалостно. Организмы борются за выживание и репродуктивный успех, и сверху нет никакой регуляции. «Невидимая рука» в экономике А. Смита действует и на эволюционной сцене и ведет к элиминации Бога.

При чтении трудов А. Смита Ч. Дарвин обратил внимание на рассуждения об обществе, состоящем из свободных индивидов.

Уже здесь был заложен импульс к популяционному мышлению, на важности которого так настаивают М. Гизелин [4, с. 321–328] и Э. Майр [13, с. 975; 12, с. 195].

В разных источниках Ч. Дарвин указал, что круг его чтения в 1837–1839 гг. был необычайно широк. Много литературы он читал по философии, социологии и демографии (У. Уэвелл, Дж. Гершель, Д. Брэстер, О. Конт, У. Дирхэм) и статистике (А. Кэтле). В августе 1838 г. Ч. Дарвин прочитал обзор Д. Брэстера «Курс позитивной философии Конта», где имелись ссылки на исследования А. Кэтле [9, с. 155–227]. Такого рода материалы могли способствовать концентрации внимания Ч. Дарвина на количественных закономерностях в популяциях. «Чтение обзора работ Кэтле помогло Дарвину понять популяционный рост по Мальтусу» [18, с. 236]. Идеи А. Кэтле были хорошо известны в Англии. В 1833 г. он в очередной раз посетил Кембридж и на встречах с британскими учеными предлагал организовать статистическое общество, которое и было создано в 1834 г. в Лондоне. А. Кэтле вел активную переписку с У. Уэвеллом. У. Уэвелл и Ч. Дарвин часто встречались в 1837 – 1839 гг. на заседаниях Лондонского Геологического общества. Деятельность этого общества существенно отличалась от работы других научных сообществ: на его заседаниях всячески поощрялась дискуссия по теоретическим и философским проблемам [15, с. 336].

С 1830-гг. в Англии начала интенсивно развиваться философия науки, и Ч. Дарвин внимательно следил за литературой и дискуссиями. Так, в 1837–1842 гг., когда Ч. Дарвин жил в Лондоне и работал над проблемой вида, шли дискуссии между У. Уэвеллом и Дж. Стюартом Милем по проблеме научного метода. Дискуссия во многом касалась понятия «индукция». Она повлияла и на воззрения Ч. Дарвина. Хорошо известно, что термин «индукция» первоначально был использован Ф. Бэконом в противоположность «дедуктивному методу» Аристотеля. Ф. Бэкон был родоначальником научной революции, но ведущие британские философы (Гершель, Уэвелл, Миль) понимали, что наука не состоит лишь из индуктивного метода. Почитая Ф. Бэкона, британские философы употребляли термин «индуктивный» в смысле «научный». Для Дж. Гершеля и Дж. Милля

индукция – открытие эмпирических законов в фактах. В «Автобиографии» Ч. Дарвин указал, что он следовал бэконовскому методу. При оценке этих слов надо помнить обстановку в британской философии науки.

Важно и то, что в трудах британских философов и социологов идея индивидуальной конкуренции в капиталистическом обществе излагалась в виде количественной закономерности. Идея о конкуренции среди индивидов была ближе к мыслям Ч. Дарвина, чем типологические идеи биологов, геологов и теологов о межвидовой конкуренции, поддерживающей Баланс и Гармонию природы [4, с. 321–328; 5, с. 156–159; 10, с. 184; 2, с. 321–344; 9, с. 195–290; 17, с. 35–70; 13, с. 975; 12, с. 195].

С середины 1837 по 1839 г. Ч. Дарвин постоянно обращался к анализу причин наследственной изменчивости. Он, очевидно, полагал, что освещение этих вопросов существенно для объяснения механизма эволюции. Именно изучение проблем изменчивости привело Ч. Дарвина к широкому использованию материалов по гибридизации, селекции и доместикации. Во Второй записной книжке (февраль – июль 1838 г.) возражения против эволюционной роли сальтаций и монстров черпались Ч. Дарвином из материалов по селекции и доместикации. Из этих же источников формировался набор аргументов против взглядов на универсальную роль гибридизации в эволюции [1, с. 153–183]. Вместе с тем, даже после открытия естественного отбора, элементы сальтационизма встречаются в Записных книжках и других рукописях Ч. Дарвина. Нет убедительных доказательств, что к идеи случайной вариации Ч. Дарвин пришел к открытию идеи естественного отбора или одновременно с ее появлением.

С июля 1838 г. постепенно начали складываться новые взгляды Ч. Дарвина на наследственную изменчивость. Записи, сделанные в Четвертой записной книжке (октябрь 1838 г. – июль 1839 г.), свидетельствуют о том, что даже спустя несколько недель после чтения Т. Мальтуса идея случайной вариации еще не стала частью его теории. 4 октября 1838 г. Ч. Дарвин сделал такую запись: «... изменение формы является иногда адаптацией расы к некоторым

измененным обстоятельствам» [1, с. 160]. Этот отрывок звучит как в предмальтусовский период, так как указание на расу подразумевает, что все особи варьируют в одном направлении. И об этом Ч. Дарвин писал несколько раз.

Скорее всего, лишь к марту 1839 г. случайная вариация стала важной частью теории Ч. Дарвина [1, с. 172]. Любопытно, что, обсуждая роль случайных вариаций в эволюции, Ч. Дарвин использовал сельскохозяйственный материал. Это еще раз подтверждает, что сельскохозяйственный и доместикационный материалы сыграли важнейшую роль в формировании новых взглядов Ч. Дарвина на изменчивость.

Э. Майр [13, с. 486] тонко подметил, что из исследований животноводов Ч. Дарвин приобрел ряд ценных концепций. «Наиболее важной среди них было подчеркивание индивидуальности каждого члена стада. Это было важнее, чем практика искусственного отбора». Под воздействием исследований животноводов Ч. Дарвин, по мнению Э. Майра, начал переходить от эссенциализма к популяционному мышлению [13, с. 493]. М. Рьюз [16, с. 339–350] обратил внимание на то, что в середине 1838 г. Ч. Дарвин читал брошюры по разведению животных, написанные Дж. Себрайтом и Дж. Уилкинсом. Оба автора писали о действии искусственного отбора по аналогии с гибелью животных в природе. Ссылки Ч. Дарвина на упомянутые труды во Второй записной книжке дали М. Рьюзу повод для предположения о наличии у него ограниченной концепции естественного отбора. Такой вывод вовсе не противоречит, как считал М. Рьюз, приверженности Ч. Дарвина гипотетико-дедуктивному методу исследования. После того как он оценил многочисленные эффекты популяционного давления, то создал собственно теорию естественного отбора.

Безусловно, доместикационный материал сыграл важную роль в становлении идеи естественного отбора. Но и М. Рьюз [16, с. 339–350], и С. Швейбер [18, с. 229–316; 17, с. 35–70] слишком форсируют события, стараясь всячески доказать, что Ч. Дарвин обладал идеей случайной вариации до чтения Т. Мальтуса. Но и после чтения Т. Мальтуса Ч. Дарвин продолжал настаивать на том, что в природе проявляется деятельность Творца через «большую систему законов» [8, с. 416–419].

Все сказанное ведет к выводу, что Ч. Дарвин еще не сформулировал четко гипотезу случайной вариации, при этом эволюционизм Ч. Дарвина по-прежнему уживался с идеей предустановленной гармонии. Отсюда становятся понятными слова Ч. Дарвина, относящиеся к ноябрю 1838 г.: «Я не знаю законов видового изменения». И далее: «Законы вариации рас, может быть, наиболее важны в понимании законов видового изменения» [1, с. 164]. Создание теории естественного отбора растянулось у Ч. Дарвина на многие годы. И все же приведенные материалы свидетельствуют о том, что возникновение самой идеи естественного отбора происходило в некоем общем контакте или тесном взаимодействии социальной, биологической и сельскохозяйственной мысли.

В целом же путь к созданию теории естественного отбора был слишком сложным, чтобы его можно было бы свести к какому-либо одному фактору, например изучению практики животноводов, прочтению трудов Т. Мальтуса и А. Смита или исследованиям по островной биогеографии Галапагосских островов. Теория естественного отбора не была создана в один прием и в один день.

В конце 1830-х гг. взгляды Ч. Дарвина на изменчивость и адаптацию были еще принципиально иными, чем они известны читателю по «Происхождению видов». Трудно поверить, чтобы ученый в один день изменил свое мировоззрение. Когда Ч. Дарвин читал Т. Мальтуса и А. Смита, он не сразу отбросил свою веру в совершенную адаптацию и в Гармонию природы. Даже в 1840-е гг. он сохранил некий теологический контекст в своей теории.

И все же столь быстрое влияние Т. Мальтуса и А. Смита, по видимому, было продиктовано предшествующей научной деятельностью, характером чтения и размышлениями. Кроме того, в историческом контексте прежде всего нужно учитывать уровень теоретизирования Ч. Дарвина в период, связанный с чтением Т. Мальтуса, представления о влиянии которого так энергично и однозначно настаивают историки науки.

Что же конкретно могло дать Ч. Дарвину чтение книги Т. Мальтуса в конце сентября – начале октября 1838 г. Представления об экспоненциальном росте численности популяций в идеальных усло-

виях (при отсутствии лимитирующих факторов) могли породить количественные оценки интенсивности индивидуальной конкуренции. Не обладая даже идеей случайной вариации, Ч. Дарвин сумел соединить сам факт изменчивости с принципом конкуренции за ограниченные ресурсы. Как раз эта логическая связь послужила основанием для появления теории естественного отбора. Именно после чтения Т. Мальтуса перед Ч. Дарвином открывалась принципиально новая творческая перспектива, связанная с зарождением популяционного подхода.

Но у Ч. Дарвина не было прямых данных о действии естественного отбора, поэтому аналогия между естественным и искусственным отбором в какой-то мере служила компенсацией. Концепция искусственного отбора, как и вся деятельность в области доместикации, выполняли роль полигона, на котором шла проверка следствий теории естественного отбора [3, с. 49–52]. Первое письменное утверждение Ч. Дарвина об аналогии между сорто-, пороодообразованием и эволюцией в дикой природе датируется 16 декабря 1838 г. Порядок изложения идей в цитате, скорее всего, отражает последовательность их формирования. «Самая замечательная часть в моей теории состоит в том, что доместицированные расы созданы точно так же, как и виды, но последние более совершенны и процесс создания шел гораздо медленнее» [1, с. 167]. В «Происхождении видов» порядок изложения тезисов противоположный. Новая последовательность изложения идей, по мнению Ч. Дарвина, позволит лучше понять теорию.

Подведем некоторые итоги. Весну 1837 г. следует считать кульминационным моментом в переходе Ч. Дарвина от креационизма к эволюционизму. Из теоретического освоения научных результатов путешествия на «Бигле» Ч. Дарвин прежде всего формировал нестандартные эволюционные доказательства. Нет надежных данных о том, что его путь к идее эволюции был связан с изучением какой-либо одной или нескольких конкретных групп животных во время путешествия или позднее (вымершие неполнозубые Южной Америки или выюрки Галапагосских островов). Так, например, Ч. Дарвин не знал об адаптивной природе различий в размерах клю-

ва у вьюрков. Без таких знаний невозможно реконструировать направления адаптивной эволюции группы, показать эволюционную роль естественного отбора.

От принятия идеи эволюции до открытия эволюционной роли естественного отбора прошло 13–14 месяцев. Этот короткий период характеризуется необычайно высокой творческой активностью. Путь к идеи естественного отбора не был прямолинейным и не совпадает с порядком изложения этой концепции в «Происхождении видов» или в современных монографиях и учебниках. Прежде чем стать селекционистом, Ч. Дарвин как бы прошел путь сальтациониста и механоламаркиста. На самом же деле смена концепций была еще более сложной, и каждая из них включала идеи, которые сейчас кажутся логически несовместимыми. К лету-осени 1838 г. Ч. Дарвин развил критику сальтационизма и механоламаркизма и как будто остался без какой-либо руководящей идеи. Разочарование в ранних идеях в итоге завершилось пониманием важнейшей роли естественного отбора. Процесс этого понимания шел постепенно с ускорением темпов.

Не следует забывать, что становление эволюционизма Ч. Дарвина происходило в период его тесных контактов с Р. Оуэном и Дж. Гулдом, которые всю жизнь оставались креационистами. Ч. Дарвин опирался на доказательства, которые были хорошо известны его современникам. Р. Оуэн, Дж. Гулд и другие систематики превосходили его как специалисты. Но Ч. Дарвин превосходил их в области теоретических обобщений. Для Ч. Дарвина было характерно уникальное сочетание энциклопедизма, оригинальности теоретического мышления и глубокого эмпиризма. Именно эти качества были необходимы ему для изложения идеи эволюции в виде естественнонаучной теории.

Несмотря на принципиальную смену концепций, в творчестве Ч. Дарвина можно проследить глубокую преемственность идей, отражающих влияние науки и культуры в целом. На различных этапах творчества он верил в совершенную адаптацию и в Гармонию природы. Природа как гармонизированная система создана Богом при помощи целесообразных законов. Эта вера в свое время была ис-

ключительно полезной и оказала широкое влияние на натуралистов XIX в. Но в отличие от современников Ч. Дарвин полагал, что эволюция – это факт и она выполняет функцию поддержания порядка и гармонии, возникших в результате Творения. Антиэволюционные, теологические представления сыграли ключевую роль в определении путей теоретизирования Ч. Дарвина в области эволюции.

Более того, даже первая версия идеи естественного отбора возникла в качестве объяснения механизма поддержания Гармонии природы. И здесь прослеживается преемственность научных представлений и влияние культурологического фактора. Историки науки часто отмечают, что теория естественного отбора была создана, чтобы объяснить адаптацию. Думается, что этот вопрос сложнее. И здесь нужно упомянуть, что для естественного теолога или политэкономиста важно было показать, что существующий социальный и политический порядок есть порядок, установленный Богом. За много лет до того, как Ч. Дарвин начал записи по эволюции, натуралисты установили, а теологи быстро восприняли идеи совершенной адаптации и целесообразной вариации в качестве «очевидной характеристики мира». Ч. Дарвин воспринял эти идеи, и они даже вошли в первый набросок теории естественного отбора.

Ч. Дарвин не был интеллектуально изолированным одиночкой. Он поглощал самую разнообразную литературу и действовал как член научного сообщества и представитель британской культуры. Тем не менее на протяжении всей жизни он сохранил оригинальность и самобытность мышления. Окруженный крупнейшими учеными с традиционными взглядами, Ч. Дарвин оставался интеллектуально независимым.

Ранний период творческих поисков Ч. Дарвина в области эволюции, вероятно, остался самым трудным для реконструкции и понимания.

Список литературы

1. Darwin's notebooks on transmutation of species: pt. IV / ed. G. de Beer // Bull. Brit. Mus. (Nat. Hist.). Hist. Ser. – 1960d. – V. 2. – № 5.
2. Gale B. Darwin and the concept of a struggle for existence: a study in extrascientific origin of scientific ideas // ISIS. – 1972. – Vol. 6. – N 218.

3. Gall Ya. M. On the nature of Darwinian method // General questions of evolution: Proc. intern. Colloq / eds. V. Novak and K. Zemek. – Praha: Czechoslovak Academy of Sciences, 1983.
4. Ghiselin M. The triumph of the Darwinian method. – Berkeley; Los Angeles: California Univ. Press., 1969. – 287 p. Reprinted: Mineola, N. Y: Dover publishing house, 2003. With a new preface: p. VII–XII.
5. Ghiselin M. The intellectual path to natural selection // New Sci. – 1982. – Vol. 94. – N 1301.
6. Gordon S. Darwin and political economy: the connection reconsidered J. Hist // Biol. 1989. – Vol. 22. – N. 3.
7. Gould S. Darwin and Paley: Meet the Invisible Hand // Nat. Hist. – 1990. – N 11.
8. Gruber H. Darwin on man: A psychological study of scientific creativity. – Chicago: Chicago Univ. Press, 1974.
9. Herbert S. The place of man in the development of Darwin's theory of transmutation / J. Hist. – Biol. – 1977. – Vol. 10 – N 2.
10. Limoge C. La selection naturelle. – Paris: Presses universitaires de France, 1970.
11. Manier E. The young Darwin and his cultural circle. – Boston: Reidel, 1978.
12. Mayr E. One long argument. Charles Darwin and the genesis of modern evolutionary thought / E. Mayr. – London: Penguin books, 1991.
13. Mayr E. The growth of biological thought: evolution and inheritance. – Cambridge; Mass: Harvard Univ. Press, 1982.
14. Porter R. Malthus and Darwin // Hist. Sci. – 1987. – Vol. 25. – Pt. 2. – N 68.
15. Rudwick M The foundation of the geological society of London : its scheme for co-operative research and its struggle for independence // British J. Hist. Sci. – 1963. – Vol. 1, Pt. 4. – N 4.
16. Ruse M. Charles Darwin and artificial selection / J. Hist. – Ideas. – 1975. – Vol. 36. – N 2.
17. Schweber S. The wide British context in Darwin's theorizing // The Darwinian heritage / S. Schweber. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1985.
18. Schweber S. The origin of the origin revisited / J. Hist // Biol. – 1977. – Vol. 10. – N 2.
19. Schweber S. Darwin and the political economist: divergence of character / J. Hist. // Biol. – 1980. – Vol. 13. – N 2.
20. Thomson K. 1798: Darwin and Malthus // Amer. Sci. – 1998. – Vol. 86. – N 3.
21. Wrigley E. Introduction to the works of Thomas Malthus (.P. 1 – VIII.) / R. Malthus The works / eds. E. Wrigley and D. Souden. – London: Pickering, 1986. – V. 1.: An essay on the principle of population: the first ed. (1798).

УДК 94(47)"17-18"

Ю. Л. Ясинская *

Возникновение и развитие трактирного и питейного промысла в Санкт-Петербурге в XVIII–XIX веках

Основание столицы совпало с появлением первого трактирного заведения. Со временем количество трактирных и питейных заведений росло, выделялись всё новые виды, что было отражено в законодательстве. Они обслуживали всё население столицы, предлагая еду, напитки, газеты и прочие развлечения на любой вкус. Распространявшееся пьянство нередко связывали с трактирными и питейными заведениями, которые отражали жизнь столицы в XVIII – XIX веках.

The first saloon institution was built in St. Petersburg in 1704. At the close of the 19th century there were plenty of saloon institutions such as hotels, restaurants, low-class inns, pubs (the so-called *pyteinye zavedeniya*) which were kinds of places for entertainment in St. Petersburg. They offered the public various food, drinks, periodicals, card-games, parties etc. These places were associated with drunkenness, being the characteristic feature of the life of the capital in the 18th – 19th century.

Ключевые слова: трактирные заведения, питейные заведения, гостиницы, рестораны, постоялые дворы, места для развлечения, разнообразная еда, напитки, пьянство.

Key words: saloon institutions, pyteinye zavedeniya, hotels, restaurants, low-class inns, places for entertainment, various food, drinks, drunkenness.

В массовом народном сознании не было чёткого разграничения между трактирными и питейными заведениями, любое из них попросту называли трактиром или кабаком. Кабак появился на Руси толь-

* **Ясинская Юлия Леонидовна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

ко в XVI веке, его предшественником была корчма – «место, куда сходились для еды и питья» [3, с. 30]. Здесь обсуждались события общественной жизни, судьи разбирали тяжбы, звучали песни и струнные инструменты.

Само слово «кабак» пришло на Русь с нашествием монголо-татар. Первоначально оно обозначало места продажи вина и до такой степени укоренилось в сознании русского народа и одновременно приобрело негативный оттенок, что Екатерина II в своё время приказала: «кабаки называть питейными домами, потому что от происшедших злоупотреблений название кабака сделалось весьма подло и бесчестно» [3, с. 97].

С 1779 года все кружечные дворы были переименованы в питейные дома, «на дверях кабаков были гербы и по праздникам вывешивался красный флаг, у некоторых ставилась ёлка. Позднее камер-коллегия запретила эти вывески и велела над кабаками делать надписи: «В сём доме питейная продажа» [3, с. 52].

Переименование кабаков в «кружечные дворы», потом в «питейные дома», не меняло их сути. Это были всё те же места продажи и распития спиртных напитков. Затем появились «ренсковые (винные) погреба» – «места, посещаемые лицами, которые считают для себя неприличным входить в питейный дом», но и «погреба» со временем приобрели репутацию заведений сомнительного рода» [2: 13].

История возникновения и развития трактирного и питейного промысла Петербурга уходит своими корнями ко времени основания столицы.

Первое упоминание о трактирном заведении связано с Петром I. Точная дата открытия трактира «Австерия», находившегося на Троицкой площади, у северо-восточной стены Петропавловской крепости, является предметом споров. Ю. Л. Алянский связывает появление первого питейного и игорного заведения с основанием Петербурга 1704–1705, а И. А. Богданов это же событие относит к 1711 году. «Здесь подавали вино, водку, пиво, табак. Тут же происходила игра в карты... После посещения церкви в Австерию заходил царь – выпить чарку перед обедом» [1, с. 17]. Однако, в поденной

записке, оставленной при Петре I, которая была заменена камер-фурьерским журналом, от 5 ноября 1704 года осталась следующая запись: «Заложили Адмиралтейство и были в Остерии и веселились» [7, с. 155].

6 февраля 1719 года вышло Высочайшее повеление Императора Петра I, разрешавшее иностранному подданному Петру Милле открыть трактир (герберг) на Васильевском острове [8, с. 53]. Сначала он мог торговать в деревянных помещениях, и одновременно ему была выделена территория 20 сажень (42,6 метра квадратных) для постройки каменного здания, для чего отведен срок четыре года. Первоначально, трактирная торговля была связана с целым рядом ограничений: во-первых, право осуществлять трактирную торговлю принадлежало пока одному человеку, незаконная конкуренция каралась штрафами. Во-вторых, Петр Милле был обязан покупать вино, табак и водку только у русских производителей. В-третьих, продавать спиртные напитки следовало не вёдрами и бочками, а чарками [8, с. 53]. Трактирная торговля была монополией государства.

В 1734 году наряду с трактирами или гербергами (от немецкого «die Herberge» – «постоялый двор») появляются питейные дома, или, как они назывались в своё время, «вольные дома». Государство при посредничестве контор (камер) продавало право содержания данных заведений с торгов всем желающим. Уже через четыре года, в 1738 в столице насчитывалось 92 питейных заведения и 80 трактиров [8, с. 53]. При откупной системе определялся нижний предел цен, ниже которых трактиры и питейные дома не имели права продавать спиртные напитки, вино и водку.

С начала функционирования трактирных заведений казна получала от них прибыль, вопрос о которой всегда находился в поле зрения государства. В 1734 году откупная сумма с трактиров и питейных домов составляла 793 рубля 56,5 копеек, а в 1738 году питейные дома приносили казне уже до 21781 рубля прибыли, трактиры – 3273 рубля [8, с. 53]. За четыре года сумма налога увеличилась в 31 раз.

Государственные налоги собирались следующим образом. С одной стороны специальный орган, казённое управление поручало

питейные заведения кабацким головам, выбиравшимися общинами или назначавшимися сверху, которые постоянно собирали деньги и передавали их управлению. С другой стороны, все желающие (откупщики) за определенную плату осуществляли торговлю спиртными напитками. Казенное управление сосуществовало с откупной системой. В 1651 году откупная система была отменена, но расходы на войну с Польшей требовали дополнительных средств, это вынудило вновь вернуться к откупной системе в 1663 году. После 1681 года откуп снова был отменен, а казенное управление сохранилось до царствования Елизаветы. С 1755 года казенное управление заменяется откупной системой, и с 1767 года эта система снова утверждается. В то время доход от продажи спиртных напитков из-за многочисленных злоупотреблений постоянно падал. В 1819 году министр финансов гр. Гурьев ввел устав «казенного производства и продажи питей», согласно которому спирт производился на казенных заводах и продавался на оптовых складах, розничная продажа была предоставлена частным лицам в определенном числе [3, с. 53]. С 1 сентября 1827 по 1 января 1863 года действовала только откупная система.

До введения акцизной системы «правительство несколько раз изменяло систему питейной торговли: то производило её от своего имени, то отдавало её на откуп, то соединяло то и другое одновременно, надеясь этими переменами достигнуть как финансовых, так и нравственных целей» [3, с. 63].

К концу XVIII века была предпринята попытка законодательно оформить трактирные заведения. Появилось первое Положение от 9 ноября 1790 года. Суть его заключалась в следующем: количество трактирных заведений изначально не ограничивалось, право владения ими (не больше одного заведения) предоставлялось только купцам и посадским людям, заплатившим подушную подать. Усилились требования к продаже спиртных напитков, «продажа пива и полупива допускалась только лёгкого» [8. 53, об.]. Отличительной особенностью являлось запрещение впускать некоторые категории посетителей. «Впуск в заведения дозволен людям прилично одетым; впуск же солдатам, крестьянам всякого звания, людям раз-

вратного поведения и зазорным женщинам воспрещён» [8. 53, об.]. В начале XIX века, в 1803 году право владения трактирным заведением было увеличено с года до четырех лет.

Законодательное оформление фиксировало изменения, редактирование предыдущих положений в связи с меняющимися реалиями жизни. В Положении 2 марта 1806 года впервые трактирные заведения подразделялись на виды (роды): трактиры, кофейные дома, кухмистерские столы и харчевни [8. 53, об.]. Общее количество всех трактиров Петербурга не должно было превышать пятидесяти. В отношении только трактиров действовала откупная система, и только этот вид заведений мог иметь бильярд и помещения для приезжающих. Число всех остальных заведений не ограничивалось, и были установлены точные суммы акциза для каждого вида (рода) трактирных заведений, а именно: для кухмистерских и кофейных домов – по 100 рублей в год, а для харчевен – по 50 [8. 53, об.]. Определены «предметы торговли» для четкого разграничения всех видов трактирных заведений.

Следующие Положения 2 февраля 1821 года и 6 февраля 1835 года вносили некоторые изменения и дополнения [8. 53, об.]. Из трактиров выделилась группа заведений с правом иметь комнаты для приезжих. Так появились гостиницы. Кухмистерские столы преобразованы в «ресторации» или рестораны. Выделен новый вид – кафе-рестораны, где соединялись функции трактиров и кофейных домов.

Таким образом, мы можем различать виды трактирных заведений, распространенных со второй четверти XIX в.: трактиры, гостиницы, ресторации, кофейные дома, харчевни и кафе-рестораны. Трактиры, гостиницы и рестораны при выполнении основной функции «удовлетворении посетителей столом и напитками» различались следующим, только трактиры могли иметь бильярд, гостиницы – номера, а рестораны – иметь стол для посетителей. Харчевни могли посещать следующие лица «нижних воинских чинов, людей в ливреях, армяках, смурых кафтанах и нагольных тулупах» [8. 54], не имеющие права входить в трактиры, гостиницы и рестораны. Для харчевен был определен круг блюд, которые не

разрешалось продавать: «индеек, каплунов, пурлядок, цыплят, дичи, живой стерляди и осетрины и т. д.» [8. 54].

В 1836 году было только пять видов трактирных заведений, а именно гостиницы, рестораны, кофейные дома, трактиры и харчевни [8. 53]. С течением времени, увеличением спроса и потребностей, появляются новые виды заведений, не вписывавшиеся в существующую классификацию.

Согласно новому Положению 1861 года, «трактирное заведение» – это «открытое для публики помещение, в котором либо отдаются в наём особые покои со столом, либо производится продажа кушанья и напитков» [5, с. 1]. Отличительной чертой всех трактирных заведений являлось то, что продажа спиртных напитков (виноградных вин, портера, пива и мёда) и их употребление разрешалось только внутри заведения, но не запрещалась продажа еды на вынос.

Трактирные заведения подразделялись на: гостиницы, подворья, «меблированные квартиры, отдаваемые со столом, если у хозяина отдаётся более шести комнат»; собственно трактиры, рестораны, кофейные дома, кафе-рестораны, греческие кофейные в Москве, «кухмистерские столы для проходящих», харчевни; буфеты при театрах, балаганах, пароходах, на пароходных пристанях, станциях железных дорог, в клубах и публичных собраниях разного рода; овощные и фруктовые лавки, где в особых покоех предлагаются на месте закуски и завтраки с разными съестными припасами; городские галереи в Москве, с правом держать стол и продавать напитки; и открываемые на всё летнее время, палатки на гуляньях» [5, с. 1].

Квартиры, менее шести комнат, хотя и с обедами, постоянные дворы и съестные лавочки, кухмистерские и прочие места, в которых только продавалась еда на вынос, не являлись трактирными заведениями [5, с. 1,2].

В Положении о трактирных заведениях одна из глав посвящена постоянным дворам и съестным лавочкам, где они определялись, как места «для доставления дешёвого приюта и продовольствия простому народу, к потребностям и привычкам коего эти заведения и должны быть приноровлены» [5, с. 8]. В съестных лавочках разре-

шено было продавать на месте и на вынос еду (горячую пищу и холодные, или маркитанские, закуски), кроме чая, пива, крепких напитков и табака. Постоялые дворы имели навес для лошадей, могли торговать тем же, что и съестные лавочки, а также чаем, кофе, овсом и сеном. Хотя постоялые дворы и съестные лавочки занимались тем же, что и трактирные заведения, но по Положению 1861 г. таковыми не являлись. Это Положение не ограничивало общее число разных видов трактирных заведений. Цены на еду, напитки, номера были свободными и устанавливались самими владельцами.

В Положении о трактирном промысле 1893 года нашли отражение изменения и дополнения существующего законодательства. В нем понятие «трактирного заведения» было заменено более широким понятием «заведений трактирного промысла», которые подразделялись на две большие группы «без отдачи и с отдачей в наём покоев». К первой группе относились: «трактиры, рестораны, харчевни и духаны; овощные и фруктовые лавки и ренсковые погреба, в которых подаются закуски или кушанья; столовые, кухмистерские, буфеты при театрах, на пароходах, пристанях, станциях железных дорог, в клубах, публичных собраниях или на гуляньях и на выставках; пивные лавки с продажей горячей пищи; кондитерские и пирожные с продажей в них разных припасов для потребления на месте; кофейные, съестные или закусочные лавки и т. п.» [6, с. 3, 4]. Вторая группа включала в себя: «гостиницы, постоялые дворы, заезжие дома, корчмы, а так же меблированные комнаты и подворья, отдаваемые со столом, если у одного хозяина отдается более шести комнат и т. п.» [6, с. 4].

Заведения, где продавались чай, прохладительные напитки, молоко и молочные продукты, пивные лавки, торгующие только холодными закусками, и питейные заведения не причислялись к заведениям трактирного промысла. В Положении о трактирном промысле дополнительно оговаривалось время работы заведений, порядок их открытия и общие положения относительно налогообложения.

С введением акцизной системы с 1863 года увеличилось разнообразие питейных заведений: пивные и портерные лавки, штофные

лавки, ренсковые погреба и погреба для торговли русскими виноградными винами, погреба с распивочной продажей акцизных напитков, винные и ведерные лавки, питейные дома.

При введении акцизной системы акцизы на спирт, и, следовательно, цена на спирт снизились, водка резко подешевела в два-три раза, что способствовало еще большему распространению пьянства. Водку в то время стали называть «дешевкой». Современник отмечал, что «вместо крепостной кабалы явилась более страшная кабацкая кабала, которая не дала только что освобожденному рабу опомниться ... все делалось, чтобы затопить, залить всю страну водкою и на расстоянии телеграфных столбов, поставить шинки и кабаки – дома разврата и позора» [3, с. 62].

14 мая 1875 года появился новый закон «для ограждения нравственных и материальных интересов населения». Суть его заключалась в следующем: «... совершенно уничтожить прежний вид питейного заведения – питейный дом или кабак, где вино предлагалось потребителям без возможности пользоваться пищей и взамен его создать питейные заведения другого типа, в которых, совместно с вином, продавалась бы и пища» [3, с. 73]. Новый закон предоставлял право уездным по питейным делам присутствиям регулировать питейную торговлю. А именно, питейные заведения могли открывать только «благонадежные лица», которые должны были содержать их в «чистоте и опрятности», не разрешалось впускать женщин легкого поведения и продавать спиртные напитки несовершеннолетним и пьяным [3, с. 64].

Закон 14 мая 1885 года не способствовал уменьшению пьянства и закрытию питейных заведений, более того основная масса населения оказались заложниками держателей питейных заведений, права которых были защищены на всех уровнях, и акцизной системы, которая «отнимала» последнюю копейку. Число разнообразных мест продажи спиртных напитков возрастало постоянно, противодействие сложившейся системе в виде пропаганды церкви и усилий зарождающихся обществ трезвости и подобных организаций постепенно сокращалось.

6 июня 1894 года было утверждено «Положение о казенной продаже питей», которое начало действовать с 1 января 1895 года. В качестве опыта оно было введено на три года в Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях [3, с. 89]. Главной целью реформы провозглашалось отрезвление народа, и только потом – доход государства от продажи спиртных напитков. С.Ю. Витте видел суть реформы в следующем: «Отрезвить народ, урегулировать торговлю вином, сделать её честной, дать народу образование, привлечь общественные силы для борьбы с пьянством и затем уже заботиться об интересах фиска...» [3, с. 89].

Такие благородные цели дали неожиданный эффект. В народном сознании утвердилась мысль, что водка, продававшаяся правительством, совершенно безвредна для потребления, так как государство не могло продавать напитки, ухудшающие здоровье. Этому способствовали циркуляры и отчеты С. Ю. Витте, который утверждал, что водка является безвредным напитком, соответствует санитарным требованиям и не содержит сивушных масел [3, с. 90]. Не дождавшись результатов эксперимента, Витте нарушил 50-ю ст. государственных законов, по которой законы сначала рассматривались в Государственном Совете, а затем подписывались царем. В обход Государственного Совета действие Высочайших указов 11 июня и 9 декабря 1894 года было распространено на южные и юго-западные губернии, а затем на всю Россию [3, с. 93].

Основное отличие казенных винных лавок от прежних питейных заведений заключалось в том, что «вино продаётся только на вынос, в запечатанной посуде, определенной крепости и по утвержденной цене, и притом исключительно за наличные деньги» [3, с. 96]. Тем самым места продажи не должны были ассоциироваться с негативными чертами, существовавшими ранее.

В начале XX века в русле этой реформы произошли следующие изменения. Крепость водки составляла 40%, вместо полбутылки «сороковки» появились меньшие объемы в 1/100 и 1/200 ведра, называвшиеся в народе «жуликом» и «мерзавчиком», стоившие 8 и 4 копейки соответственно [3, с. 90].

Для простоты потребления, посуда была закупорена особым образом, при котором пробка вылетала от легкого удара по дну бутылки, штопор не требовался. Кабаки были заменены казенными винными, а также пивными, где продавалось пиво с водкой, называвшееся «ершом» [3, с. 90, 91]. Общее количество существующих мест продажи водки не увеличивалось, но с 19 февраля 1896 года торговля водкой (на вынос) была разрешена в трактирах, винных, бакалейных и других видах лавок [3, с. 91].

В 1907–1908 годах в различных собраниях («Собрании экономистов», «Алкогольной комиссии общества охранения народного здоровья», «Императорском Вольно-Экономическом обществе» [3, с. 91]) были подведены итоги этой реформы. Потребление спиртных напитков и душевое потребление стало возрастать, пьянство перенеслось на улицу и в семью, доходы казенной монополии росли в геометрической прогрессии (причем по сравнению с акцизной системой увеличились расходы на функционирование самой монополии); цены на ведро низкокачественной сорокаградусной водки составили 8 рублей, а при акцизной системе 5 – 5р. 50 коп [3, с. 94]. Резко увеличилось количество мест продажи вина, но не за счет открытия новых казенных винных лавок, а благодаря разрешению торговать в местах, где раньше эта торговля была запрещена. Первоначальные приоритеты были забыты, и только доход имел первостепенное значение. Однако, казенная винная монополия в целом не принесла доходов, и если бы не повышение налога, казенное хозяйничанье дало бы солидный дефицит до 10 млн рублей» [3, с. 95].

В 1912 году, «получив за водку 823 миллиона рублей, казна уделила на так называемую «борьбу с пьянством» – 2495208 р., ассигнованных в распоряжение попечительств о народной трезвости. Сумма эта составляет всего 0,4 % чистого дохода монополии, или меньше полкопейки с рубля» [4, с. 10]. Современник, анализируя ситуацию, отмечал, что «...добиваться от винной монополии можно чего-либо одного, – либо трезвости, либо денег. Но нельзя в одно и то же время добиваться от неё и того и другого» [4, с. 25].

На официальном уровне винную монополию «воспевали тома объёмистых официальных изданий, специально ей посвященные, воспевали её отдельные лица в Париже и Вене на конгрессах чиновники С. Ю. Витте – господ Рафалович, Апостол, Буловский, Скаржинский и др., а в русских ученых обществах деятели управления казенной продажи вина господ Шумахер, Осипов и Минцлов, воспевали её и в статьях «Вестника финансов» [3, с. 93, 94].

«Оказалось, что новые условия виноторговли не только не явились результатом коренной ломки старых порядков, но во многих отношениях напоминают то же доброе старое время с кабацким разгулом и обнаружили явления явно регрессивного характера, как-то: перенос пьянства на улицу, потребление крепкого вина, развитие частных притонов пьянства» [3, с. 94], – писал исследователь питейного вопроса Д. Н. Бородин.

Введение винной монополии не достигло тех «благородных» задач, которые провозглашались вначале. По влиянию на население, монопольный кабак ничем не отличался от царского кабака, кружечного двора, откупного и акцизного кабака.

Итак, основание столицы практически совпало с появлением первого трактирного заведения. Со временем, увеличение численности населения и спрос на заведения подобного рода, предопределили дальнейшее деление на виды, что и было отражено в законодательстве. Каждый вид трактирного заведения имел свою специфику и круг посетителей.

Питейные заведения Петербурга, пользовавшиеся правом продавать спиртные напитки не только для потребления на месте, в отличие от трактирных заведений, процветали, увеличивая свои доходы год от года. Монопольная, откупная, акцизная системы были призваны регулировать доход государства трактирной и питейной отрасли. В действительности, ни благородные цели, ни внимание общественности не могли преодолеть жажду наживы владельцев трактирных и питейных заведений и стремление государства постоянно увеличивать свои доходы. Это имело негативные последствия в виде увеличивающегося пьянства, большей части трудового населения столицы, для которого кабак был единственным местом, отвлекающим от суровой действительности.

Список литературы

1. Алянский Ю. Л. Увеселительные заведения Старого Петербурга. – СПб., 1996.
2. Богданов И. А. Старейшие гостиницы Петербурга. – СПб., 2001.
3. Бородин Д. Н. Кабак и его прошлое. – СПб., 1910.
4. Вениаминов Б. Алкоголизм и кооперация. – М., 1915.
5. Положение о трактирных заведениях. – СПб., 1886.
6. Положение о трактирном промысле 8 июня 1893 г. – М., 1893.
7. Столпянский П. Н. Петербург. – СПб., 1995.
8. ЦГИА СПб. Ф.792. Оп.1. Д. 5877.

УДК 94(47)

В. А. Веретенко*

Из истории дворянского узаконения

В статье на примере конкретной жизненной истории семьи Яковлевых раскрываются особенности организации узаконения дворянами своих внебрачных детей. Характеризуется позиция государства и отдельных императоров по вопросам узаконения и усыновления детей. Дается анализ принятых правительством по этому поводу на рубеже XIX – начала XX вв. узаконений.

The article discloses features of noblemen's legitimizing of their adulterate children by the example of a specific life history of the Yakovlevs family. The position of the state and separate emperors for validation and adoption of children is characterized. The article gives an analysis of the laws enacted by the Government on this issue at the turn of 19th - early 20th centuries.

Ключевые слова: законодательство, усыновление, узаконение, незаконные дети, внебрачные дети, семья, родители, брак, Комиссия (Канцелярия) Прошений.

Key words: legislation, adoption, legitimation, illegitimate children, adulterate children, family, parents, marriage, Commission (Office) of Application.

* **Веретенко Валентина Александровна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

В дореволюционной России статус ребенка напрямую зависел от того, мог ли он «похвастаться» «законностью» своего рождения или нет. Законными, признавались дети, «родившиеся от известных отца и матери, состоящих в законном браке» [3, с. 99]. Только такие дети имели право на фамилию и звание отца, на участие в наследстве по закону не только после родителей, но и их родственников, на пенсию и другие привилегии, выслуженные отцом или матерью. Незаконным же детям законодательство отказывало во всяком родстве не только с отцом, но и с матерью. При этом отсутствовали какие-либо нормы, определявшие формы родительской власти над ними и отрицались их права на законное наследование. Последнее имело в России тем большее значение, что значительная часть собственности – «родовые имения» – вообще не могли завещаться, а передавались лишь наследникам по закону. Незаконные дети лишались права на фамилию и того, и другого родителя. «Прозвище» им «придумывалось» священником во время крещения, а отчество давалось по имени приемника. Они могли быть приписаны только к податным сословиям, вне зависимости от сословной принадлежности отца и матери. Чтобы наиболее очевидно продемонстрировать отсутствие родства между незаконнорожденными детьми и виновниками их рождения, последние назывались в тексте Законов гражданских «теми, которые именуются их родителями» (Ст. 119, 120, 132, 136; 2 [9]).

Вопреки перечисленным в законодательстве нормам и правилам многие незаконные дети не теряли в действительности связи с родителями. Нередко, особенно когда отец и мать все-таки вступали в брак, они росли в фактически существовавшей семье, в окружении любящих родных и получали соответствовавшее их материальным возможностям образование. Разрыв между жизненными реалиями и официальным статусом ребенка вынуждал родителей изыскивать способы изменения его положения, наиболее предпочтительным из которых было узаконение. Данное понятие в XIX веке трактовалось следующим образом: «Действие узаконения состоит в том, что дети, рожденные вне брака, вне законной связи с гражданской личностью родителей, вступают в эту связь в той же мере, как бы родились в законном браке; восстановление это совершается в силу закона» [5, с. 155].

Характерно, что условия узаконения собственных незаконнорожденных в имперской России отличались в зависимости от сословной принадлежности, вероисповедания и места жительства сторон. В наиболее льготном положении в этом вопросе, среди жителей Центральной части страны, оказывались податные сословия. Несмотря на то, что особой нормы по узаконению для них не существовало, но присутствовала возможность ввести незаконнорожденного в семью путем усыновления, так как о таком запрещении в законе ничего не говорилось. Важно было и то, что усыновленные крестьянами и мещанами, полностью вступали в семью усыновителя, приобретая кроме прав состояния последнего, еще и имущественные права. К тому же процедура усыновления была крайне упрощенной, устанавливалась по обычаю и формально выражалась в приписке нового лица к соответствующему семейству. Разрешения от местного сельского (или городского) общества не требовалось, оно должно было быть только проинформировано о расширении состава семьи. Ходатайства мещан подлежали утверждению местной Казенной палатой. Крестьяне могли обойтись даже и без этой формальности (ст. 155 [9]).

Представители же привилегированных сословий были не только лишены возможности узаконения своих незаконнорожденных детей, но и обязаны были считаться с четко выраженном в законе запретом их усыновления. Тем не менее, все это не останавливало родителей, особенно дворян, от обращений к верховной власти по данному вопросу.

Императоры по-разному относились к таким всеподданнейшим прошениям. Александр I, считая узаконение добрых детей «мерой вполне справедливой», благосклонно принимал подобные ходатайства. Желая «привести сей предмет в большую ясность и постоянным правилом заменить недостаток на сей случай закона», он утвердил две схемы «сопричастия» внебрачных детей к законным. Если родители таких детей вступали в брак, то их просьбы, подаваемые на «высочайшее имя», вносились в Государственный Совет и «по удостоверении соблюдения всех формальностей» (сбор необходимых документов входил в обязанность Комиссии проше-

ний), «удовлетворялись на законном основании». Лишь по особой «милости» монарха «сопричислялись к законным детям ... такие незаконнорожденные, отец и мать коих не состояли в браке» [4, с. 2].

Николай I оценивал сложившуюся практику резко отрицательно. Вынужденно одобряя за первые 3 года своего царствования положительные резолюции Государственного совета по 62 ходатайствам, поданным еще на имя предшествовавшего императора, он в январе 1829 г. повелел объявить «ко всеобщему сведению, что прошения как об усыновлении незаконнорожденных воспитанников, так и о сопричтении к законным детей, рожденных до брака ... никакого хода получать не будут и будут оставлены ... без уважения». Данное постановление в форме Высочайшего указа, объявленного Статс-секретарем у принятия прошений 29 июля 1829 г., было включено в Свод законов (ст. 144 пр. [9]).

При восшествии на престол Александра II, в условиях наступившей «оттепели» многие дворяне посчитали ситуацию благоприятной для внесения прошений об узаконении детей, и стали направлять императору официально запрещенные к подаче просьбы. Эти ходатайства нашли поддержку в лице статс-секретаря у принятия прошений А.Ф. Голицына, при деятельном участии которого царь поручил II Отделению Собственной е.и.в. канцелярии составить проект секретного наставления на имя статс-секретаря у принятия прошений.

В преамбуле этого документа, утвержденного 9 апреля 1858 г., подчеркивалась, что правила 2 января 1829 г. «столь полезные для охранения общественной нравственности и святости браков» остаются в силе и именно им «Комиссия Прошений должна следовать и на будущее время». Однако далее сообщались те особые обстоятельства, которые позволяли отойти от их соблюдения. Комплекс условий, разрешавших «сопричастие детей к законным» включал в себя особые заслуги родителей или самих детей; подачу прошения исключительно отцом; точное удостоверение, «что все сии дети рождены той, с которой отец их в последствие вступил в брак и не в прелюбодейной с нею связи, то есть, не при существовании другого супружества». Прежде чем преступить к рассмотрению каждого от-

дельного случая полагалось испросить на это «высочайшее соизволение» [8. Оп. 241. Д. 24. Л. 24–24 об.].

После смерти А.Ф. Голицына в ноябре 1864 г. должность статс-секретаря у принятия прошений занял князь С.А. Долгорукий, значительно более лояльно относившийся к возможности узаконения дворянами своих детей. Так, несмотря на запрещение узаконения прижитых в «прелюбодейной связи» детей, это допускалось в отдельных случаях при безвестном отсутствии «прежней жены», ее тяжелой и продолжительной болезни или при длительном раздельном проживании супругов [8. Оп. 252. Д. 848. Л. 214–215 об.]. Удовлетворялись и прошения, исходившие не от отца добрачного ребенка, а от вдовы этого дворянина, конечно при наличии документов, удостоверяющих согласие умершего на такой шаг [8. Оп. 252. Д. 848. Л. 244–245 об.]. При выходе за пределы правил, изложенных в «Наставлениях», руководителями Комиссии прошений учитывались два фактора: «исключительность» обстоятельств конкретного дела и статус покровителей, хлопотавших по семейному делу дворянина.

В 1880 г. коллежский асессор В.И. Яковлев, получивший от Комиссии отказ в узаконении сына, «прижитого им до брака с настоящей его женой» в период другого «нерасторжимого супружества», обратился за протекцией к великому князю Александру Александровичу. Доказывая, что просьба его не была удовлетворена, так как «миновала рук Царевых ... по приказанию Статс-секретаря, по Комиссии прошений», он просил наследника помочь ему довести его ходатайство до главы государства. Цесаревич препроводил полученное им прошение в Комиссию, снабдив его следующим вопросом: «Почему было отказано ему в его просьбе, тогда как почти всем с подобными просьбами Государь не отказывает» [8. Оп. 28. Д. 99. Л. 13]. В ответ Александр Александрович получил от С.А. Долгорукого объяснение, где сообщалось, что данный случай не подходил под действие Секретного наставления 1858 г. Однако это объяснение не удовлетворило наследника, который охарактеризовал полученный его протече от Комиссии прошений отказ следующим образом: «я нахожу весьма жестоким делать различие в

подобных случаях. – Лучше всем отказать, чем делать исключение; чем-же дети виноваты!». Настойчивость цесаревича заставила Комиссию снова обратиться к этому вопросу и без сомнения, если бы не экстраординарные обстоятельства, Яковлев смог бы добиться желаемого. 20 февраля 1881 г. последовала резолюция цесаревича, 22 того же месяца от просителя были затребованы необходимые документы, так что повторно рассматривать судьбу сына Яковлева пришлось не всегда идущему навстречу просьбам своих родственников Александру II, а уже новому императору.

Вступив на престол, Александр III не отказался от высказанной им ранее позиции. В то же время сознание лежащей на нем ответственности оказалось выше личных предпочтений и не позволило ему разрушить существовавшую практику, не предоставив ничего взамен. Поэтому по состоявшемуся в апреле 1881 г. всеподданнейшему докладу, посвященному делу В.И. Яковлева, Александр III не принял никакого решения, предложив передать вопрос на рассмотрение обер-прокурора Синода.

Сам же проситель, до которого предписание повторно прислать документы дошло уже после 1 марта 1881 г., был настолько уверен в благоприятном для себя исходе ходатайства, что даже позволил себе сопроводить бумаги крайне дерзкой и возмутившей чинов Комиссии (особо наглые выражения были подчеркнуты) запиской: «покорнейше прошу: устроить мое ходатайство, в сущности, говоря материально ни чего не стоящего, но весьма важного, для будущности ребенка; не заставляете меня надоедать начальству и трепаться за 1500 верст, чтобы добиться естественного права этого ребенка на имя его отца, и при чаянии того, надеюсь разрешения до теперешнего Мая, чтобы у ребенка не пропал еще год. Два же документа – аттестат, без которого нельзя ни где носа показать и метрическое свидетельство о рождении ребенка, стоящего и дорого и времени, – прошу возвратить без потери времени» [8. Оп. 28. Д. 99. Л. 19]. Совершенно уверенный в своих правах коллежский асессор и не думал предположить, что между наследником престола Александром Александровичем и Императором Александром III существовала принципиальная разница, и то за что был готов хлопотать первый, было слишком серьезным решением для второго.

К.П. Победоносцев дал на это прошение отрицательный отзыв, оценив просьбу Яковлева как «дело невозможное» и «несогласное с нравственностью». Обратив особое внимание, что сын просителя Борис родился «не только в блуде, но и в прелюбодейном союзе, т.е. с нарушением супружеской верности» глава православного ведомства и крупнейший знаток гражданского права России указал, что «удовлетворение такого желания было бы безнравственно, а во многих случаях было бы обидно и для памяти первой жены, и для детей, прежде в законном браке прижитых». В итоге прошение В.И. Яковлева было отвергнуто императором [8. Оп. 28. Д. 99. Л. 28–31]. Вместе с тем он дал «высочайшее повеление» пересмотреть правила Секретного наставления 9 апреля 1858 года об узаконении незаконнорожденных детей, разрешив до подготовки новой нормы использовать их как основу для принятия решений по узаконениям [8. Оп. 241. Д. 24. Л. 54; Оп. 28. Д. 99. Л. 33].

В течение всех лет, ушедших на подготовку и согласование соответствующего законопроекта, дела об узаконении детей рассматривались Комиссией по старой, неопределенной схеме, где исход зависел, прежде всего, от личного мнения чиновников, а также связей и знакомств просителей. Тем не менее, некоторые изменения в практике прохождения такого рода дел все же произошли. В ноябре 1883 г. было принято решение о реформировании Комиссии прошений. С мая 1884 г. ее правопреемница – Канцелярия е.и.в. по Приятию прошений на Высочайшее Имя приносимых – начала работать при Императорской главной квартире. Новый глава ведомства – Командующий Императорской главной квартирой генерал-адъютант О.Б. Рихтер значительно расширил применение все еще сохранявшего силу Секретного наставления 1858 г.

В результате в 80-е годы XIX столетия для узаконения своих добрачных детей, от дворян уже не требовалось наличия особых отличий, мало того, при некоторых обстоятельствах такая льгота могла быть предоставлена и лицам, получавшим о своей деятельности неблагоприятные отзывы.

Наиболее рельефно новый взгляд Канцелярии на этот вопрос прослеживается по материалам дела отставного штабс-капитана

А.Ф. Линдфорса. В ноябре 1885 г. проситель вступил в третий брак с Е.Я. Гревс, от которой в период с 1874 г. до брака у него родилось 5 детей, о судьбе и правах которых он и беспокоился. В этой истории не было бы ничего необычного, если бы не два обстоятельства. Во-первых, А.Ф. Линдфорс, характеризовался как «политически неблагонадежное лицо», состоявшее под «негласным надзором полиции» и поддерживавшее связь с государственными преступниками, причем один из них – Г. Гольденберг – проживал «некоторое время в его имении после совершения убийства Харьковского Губернатора Князя Кропоткина». Уже этого «букета» было вполне достаточно, чтобы отклонить ходатайства. Но существовало еще и второе обстоятельство: третья жена просителя и мать его детей – Е.Я. Гревс – приходилась родной сестрой второй его жене – О.Я. Гревс. Следовательно, последний его брак не отвечал православным каноническим нормам, как совершенный в запрещенной степени свойства, и в случае возбуждения духовным судом дела, был бы признан незаконным и недействительным, а законные (или узаконенные) дети, от него рожденные – незаконнорожденными. На другой стороне весов при рассмотрении вопроса присутствовали рекомендация статс-секретаря А.Н. Куламзина и «умопомешательство» Линдфорса. В силу последнего обстоятельства он не мог «лично утруждать» императора своими просьбами, поэтому, как выяснилось, автором подписанного им ходатайства на самом деле была его жена. Отвергнув это прошение в 1886 г., Канцелярия все же вернулась к нему снова в 1888 году. О.Б. Рихтер сообщил вышеизложенные перипетии царю, не предложив, правда, со своей стороны никакого проекта резолюции. По итогам всеподданнейшего доклада дети просителя получили не только фамилию и отчество отца, но даже права личного дворянства, правда, без права наследования по закону в имуществе «их воспитателя» [8. Оп. 11. Д. 510. Л. 1–43].

Подобные ситуации мягко оценивались начальником Главной квартиры как «не вполне согласующиеся с Секретным Наставлением». Постоянно передавая их на рассмотрение императора, он объяснял свои действия тем, что «широкое применение Царской милости к людям, вернувшимся на путь нравственной жизни, может

только укрепить святость семейных уз и увеличить число благонадежных граждан» [8. Оп. 241. Д. 24. Л. 83–84].

Вместо подготовки новой секретной инструкции руководство страны признало более насущным издание специального законопроекта, предусматривавшего право всех сословий на узаконение. Разработка его тянулась почти 10 лет. Наконец, в марте 1890 г. проект прошел все необходимые согласования и был отправлен на обсуждение в Государственный совет. Несмотря на то, что практика узаконения в Канцелярии к этому времени уже давно вышла за пределы Секретного наставления 1858 г., в этой части законопроекта текст в целом дублировал основные положения данного документа. За основу была взята двоякая цель – улучшить положение ни в чем не повинных детей, не покушаясь при этом на святость института брака, что предполагало разрешение узаконения последующим браком родителей за исключением случаев прелюбодеяния. В пояснительной записке к проекту закона Министерство юстиции во многом дублировало положения, высказанные Государственным советом еще в начале XIX в. С одной стороны, говорилось о вовлечении колеблющихся холостяков в брак и спасении их от «окончательного нравственного падения», с другой же, указывалось на недопустимость полного уничтожения разницы между законным и незаконным рождением, что может обернуться «подрывом значения брака» и разрушением «основ, на коих покоится весь гражданский строй современных христианских государств» [8. Оп. 241. Д. 24. Л. 100–101].

После утверждения Александром III 12 марта 1891 г. закон «О детях узаконенных и усыновленных» [6, с. 111–114] вступил в действие. Вторая часть документа подробно излагала условия узаконения детей последующим браком их родителей. Правила эти касались только христианского населения и, как уже отмечалось, не распространялись на «рожденных от прелюбодеяния». Процедура узаконения должна была осуществляться в Окружном суде, куда отец и мать подавали вместе с соответствующим прошением метрические свидетельства о рождении детей и о заключении брака, а также подписку о том, что дети происходят от них. При соблюдении

всех необходимых формальностей судом выносилось определение об узаконении, предоставлявшее детям права законных со дня венчания родителей.

Возможность возникновения на практике многочисленных ситуаций, выходящих за пределы действия новой правовой нормы, была очевидной еще для создателей документа. Поэтому при представлении законопроекта в Государственном совете Министерство юстиции обратило внимание на необходимость сохранения для таких случаев особого способа узаконения «в виде изъятия из правил ... закона, по Монаршему милосердию, в силу особого ... акта Верховной Власти». В самом тексте о наличии такой возможности решено было не говорить, с одной стороны, из соображений морально-нравственного свойства (чтобы не ослабить «побудительных причин ко вступлению в брак»), а с другой – с учетом предшествовавшего опыта, убеждавшего, что даже прямое запрещение подавать прошения отнюдь не способно остановить заинтересованных лиц [8. Оп. 241. Д. 24. Л. 102].

Далеко не все люди, ходатайства которых не подпадали под действие правовых норм, были готовы сразу же обратиться к главе государства. Поэтому целый ряд «сомнительных случаев», не доходя до императора, становился предметом рассмотрения судебной власти. Достаточно часто внутреннее убеждение судей оказывалось сильнее требований закона, особенно в тех случаях, когда были возможны различные толкования одного и того же постановления. В результате в отношении узаконения дворянами сложилась крайне разнообразная судебная практика, различавшаяся не только в зависимости от учреждения, но имевшая специфику даже в рамках одного и того же органа.

В наибольшей степени «сомнения» судебных чинов вызывали основные положения правил, которые, казалось бы, совершенно четко определяли, кто имел и кто не имел права на «благоденствие нового закона». Речь шла о возможности узаконить «детей, произошедших от прелюбодеяния» и усыновить собственных незаконно-рожденных детей.

В этом плане особенно интересен случай, описанный одним из крупнейших знатоков гражданского права России, сенатором А. Боровиковским. На 10 страницах книги своих воспоминаний и очерков «Отчет судьи» он подробно аргументирует справедливость вынесенного им во время службы в Судебной палате положительного решения об узаконении детей подполковником И.И. Гибер-фон-Грейфенфельс. Покинутый женой в 1876 г., этот дворянин в 1879 г. начал дело о разводе в связи с ее безвестным отсутствием. В 1887 г. Духовная консистория расторгла его брак, а в через два года Синод утвердил это решение. Это открывало перед Гибер-фон-Грейфенфельсом возможность вторичной женитьбы. С изданием закона 1891 г. супруги подали прошение в Окружной суд об узаконении их детей, рожденных в 1883, 1885 и 1888 гг. Окружной суд отказал им в этом ходатайстве на том основании, что дети просителя рождены в период его первого супружества. Однако Судебная палата обратила внимание на то, что «прелюбодеяние есть преступление, преследуемое не иначе, как по жалобе оскорбленного в чести своей супруга» и пришла к выводу, что «происшедшими от прелюбодеяния могут быть юридически названы только дети, признанные таковыми по суду». Проведенную отмену решения Окружного суда (которую никто, конечно, не стал опротестовывать) сам А. Боровиковский оценил как «истолкование неясности закона», не имевшее «ничего похожего на произвольное распространение закона» [1, с. 298–304, 346–348].

Лишь подписанный Николаем II 3 июня 1902 г. закон «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» [6, с. 492–495] частично снял существовавшие разночтения в судебной практике в делах об узаконении детей и сократил число вопросов, предполагавших возможность решения исключительно с привлечением главы государства.

Главным нововведением этого закона стала отмена запрещения узаконять детей, прижитых от прелюбодеяния. К этому добавлялось право на усыновление своих собственных внебрачных

детей. Причем для данной категории усыновителей устанавливались даже особые льготы: возможность усыновления ранее достижения родителем 30-летнего возраста, сокращение разницы в возрасте между усыновителем и усыновленным менее 18 лет; право на усыновление и при наличии законных или узаконенных детей (если они совершеннолетние, то при их обязательном согласии, если же они несовершеннолетние, то при согласии другого их родителя); необходимость согласия матери внебрачного при усыновлении его отцом только в случае если она значилась в метрике о рождении ребенка.

Итак, в дворянских семьях широко были распространены попытки устроить судьбу собственных незаконнорожденных детей. На протяжении десятков лет государственная власть устанавливала против этого многочисленные запреты, но она сама же предоставляла шансы обойти несправедливый закон, что, конечно же, не могло не отразиться на статусе законности и отношении к праву в российском обществе.

Список литературы

1. Боровиковский А. Отчет судьи. – Т. 2. – СПб., 1892.
2. Веремченко В.А. Дворянская семья и государственная политика в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). – СПб.: Европейский дом, 2007.
3. Гуревич И. Родители и дети. – СПб.: Центр, 1896.
4. Мартынов Н. Узаконение и усыновление детей (Законы 12 марта 1891 г. и 3 июня 1902 г.), с законодательными мотивами, разъяснениями Сената и образцами бумаг. – СПб., 1907.
5. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. – СПб., 1896. – Ч. 2.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. – 3. – Т. XI. – 1891. – № 7525. – СПб., 1894.
7. ПСЗ. Собрание – 3. – Т. XXII. – 1902. – № 21566. – СПб., 1904.
8. РГИА. Ф. 1412.
9. Свод Законов Российской Империи. (Св. Зак.). – Т. X. – Ч. 1. Законы Гражданские. – СПб., 1857.

**Особенности государственной дальневосточной политики
в обеспечении трудовыми ресурсами строительства
Амурской железной дороги (1906–1916 гг.)**

Поражение в русско-японской войне заставило правительство пересмотреть свои взгляды на Дальний Восток. Появляется проект строительства Амурской железной дороги. Он был необходим для решения военно-стратегических, экономических и национальных задач. Обсуждение проекта сопровождалось спорами на страницах периодических изданий и в ученых обществах, разгораются дискуссии в народном представительстве. В статье приведены различные аргументы сторонников и противников строительства на этой территории железной дороги. После принятия Государственной Думой, законопроект был передан на утверждение в Государственный Совет (где так же имелись его противники, например, С.Ю. Витте).

6 июля 1908 года законопроект был Высочайше утвержден. Строительство, несмотря на значительные государственные субсидии, шло сложно и медленно. В статье показаны сложности, возникающие из-за запрета использовать иностранную рабочую силу и отсутствия у подрядчиков местного рынка рабочей силы. Следствием возникших проблем становится создание Комитета по заселению Дальнего Востока, разрешение привлекать к строительству иностранных рабочих и другие меры. В статье рассмотрены вопросы привлечения к работам арестантов и возникшие в связи с этим проблемы.

The defeat in the Russian-Japanese War forced the government to reconsider its views on the Far East. As a result, a project for the construction of the Amur Railway appears. It was proposed by the Government to solve the military-strategic, economic and national problems. Discussion of the project was accompanied by disputes on the pages of periodical press and academic societies, the discussion is in the national representation too. The article gives the arguments of supporters and opponents of the railway in this territory. After the State Duma passed the bill it was given to the State Council for adoption (there also were its opponents, for example, S.Y. Witte).

* **Яковлева Ольга Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

July 6, 1908 the bill was approved by supreme. Construction, despite significant government subsidies, was difficult and slow. The article shows the difficulties because of the prohibition on using foreign labor and the lack of local labor market. The consequence of the problems was a creation of the Committee of the Far East settlement and the resolution to bring foreign workers to the construction and other measures. The article describes the questions of attraction of prisoners to workers and other problems.

Ключевые слова: Амурская железная дорога, Совет Министров, П.А. Столыпин, С.Ю. Витте, Государственный Совет, III Государственная Дума, русско-японская война, министр финансов В.Н. Коковцов.

Key words: the Amur Railway, Cabinet Council, P.A. Stolypin, S.Y. Witte, the State Council, the 3rd State Duma, the Russo-Japanese War, Minister of Finance V.N. Kokovtsov.

Поражение в русско-японской войне (1904–1905) заставило правительство и российское общество существенно пересмотреть свои взгляды на Дальний Восток и его роль в государственной политике. Стало очевидным, что непродуманная и во многом авантюрная деятельность в Китае и Корее в конце XIX – начале XX вв. не принесла ожидаемых результатов. Россия оказалась вынужденной вернуться к прежней модели региональной политики в Приамурском крае, в основе которой оставалась континентальная доктрина – приращение территории путём крестьянской колонизации, развитие коммуникаций и экономической интеграции, сохранение государственной целостности.

В изменившихся исторических условиях новое звучание приобрёл лозунг «единой и неделимой России», нашедший своё отражение в дальневосточной политике. Особую роль в реализации правительственного курса должна была сыграть Амурская железная дорога, призванная решать не только военно-стратегические и экономические, но и национальные задачи, т. е. способствовать русской колонизации отдалённого региона, превращению его в неотъемлемую часть Великой России. Особенностью строительства являлось то, что его предполагалось осуществлять по российской территории с применением труда исключительно русских рабочих.

Последнее положение было особенно значимым. Утверждение «русского дела», т. е. укоренение российского населения, создание необходимых условий для его жизни, занятий земледелием, промыслами, торговлей – в противоположность растущей стихийной экономической миграции населения соседних азиатских стран, стало важнейшей правительственной задачей.

Необходимость быстрее заселения Приамурья и Приморья русским населением, способным стать надёжной опорой государства, укрепление границ, освоение новых территорий стали приоритетными направлениями и приобрели общегосударственное значение.

В 1905 г. началось явное оживление обсуждения в правительственных сферах решения проблемы завершения Транссибирской магистрали. В июне и октябре 1905 г. Комиссия о новых железных дорогах дважды рассматривала предложения о сооружении Амурской железной дороги. Предлагалось строительство дороги на частные капиталы с правительственной гарантией облигационной части строительного капитала дороги. Но комиссия отклонила это предложение, мотивируя отказ тем, что дорога будет проходить по пустынной местности и еще долгое время будет убыточной и дефицитной. Она указала, что, если по общегосударственным соображениям будет решено приступить к строительству Амурского участка Сибирской магистрали, то целесообразнее стало бы его осуществление за счет средств казны. [1. Оп.3. Д. 949. Л. 252–253] После продолжительных дискуссий Комиссия отложила решение вопроса.

Следует напомнить, что в рассматриваемый период произошли существенные изменения в политической жизни страны. В российской законодательной системе власти появилось новое звено – Государственная Дума и реформированный Государственный Совет, без одобрения которых реализация правительственных планов стала невозможна. Кроме того, с образованием политических партий и развивающейся свободой прессы значительно возросли роль и значение общественного мнения, усилилось его влияние на правительственную политику. Таким образом, дальнейшая работа по сбору

дополнительной информации, её анализу с последующей разработкой проекта строительства Амурской железной дороги проходили в принципиально новых исторических условиях.

По представленным результатам в июне 1906 г. состоялось заседание Совета Министров, на котором удалось прийти к соглашению по наиболее спорным вопросам. В итоге было принято решение о начале строительства дороги и о проведении срочных изысканий по железнодорожной линии Сретенск-Хабаровск и об ассигновании на эти работы 700 тыс. руб. Утверждая это решение, император Николай II собственноручно написал резолюцию: «Настоятельно необходимо скорее приступить к сооружению Амурской железной дороги» [1. Оп.3. Д. 949. Л. 260].

К концу 1906 г. основные «изыскательные» работы завершились. К составленной расценочной ведомости прилагался теоретический отчет о будущем строительстве и его перспективах. Снова встал вопрос о финансировании проекта. В правительстве России возникли серьезные разногласия: возможно ли прибегнуть к помощи частных предпринимателей, либо следует осуществлять строительство за счет казны. Но осложнившиеся дипломатические отношения с Японией заставили правительство склониться ко второму варианту. На заседании Совета Министров 3 и 8 января 1907 г. было принято решение о внесении соответствующего законопроекта на рассмотрение II Государственной Думы не позднее 1 марта 1907 г. [1. Оп.3. Д. 952. Л. 20]. Однако из-за последовавшего 3 июня 1907 г. роспуска Думы законопроект остался нерассмотренным в общем законодательном порядке и не получил санкции народного представительства. 5 июня 1907 г. министр путей сообщения Н. К. Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауффус выступил с докладом в Совете Министров «О приступе к сооружению Амурской железной дороги». В нем оговаривались основные задачи строительства, пропускная способность дороги и целый ряд технических моментов. Министр просил разрешения Совета начать работы до утверждения законопроекта новой Государственной Думой, объясняя это срочностью и стратегической необходимостью строительства. [2. Оп. 2. Д. 750. Л. 3].

26 июня 1907 г. решение о начале строительства Амурской железной дороги получило Высочайшее Утверждение в порядке 87 ст. Основных Государственных Законов [1. Оп. 3. Д. 954. Л. 10]. Военное министерство обратилось в Совет Министров с предложением об осуществлении строительства своими силами (железнодорожными, саперными частями), но поддержки не получило.

7 июля 1907 г. в газете «Приамурские ведомости» было опубликовано краткое сообщение: «Сегодня в Нерчинске состоялась закладка головного конца западного участка Амурской железной дороги» [3. 1907. 7 июн.].

Лишь 9 ноября 1907 г. в III Государственную Думу министром путей сообщения было внесено соответствующее представление. В народном представительстве разгорелись жаркие дискуссии. Многие депутаты негативно отнеслись к правительственному законопроекту, который активно поддерживали правые и октябристы. В рамках возникших дебатов получили развитие многие дальневосточные проблемы.

Обсуждение проекта сопровождалось спорами не только в комиссиях и фракциях Думы, но и на страницах периодических изданий, и в ученых обществах. Наблюдался повышенный интерес общественности к будущему законопроекту. Ставились вопросы: нужна ли вообще Амурская железная дорога и не будет ли она такой же авантюрой, как ее предшественница КВЖД [4. 1908. 12 июл.] – если правые единодушно, а октябристы с оговорками поддерживали необходимость строительства, то в либеральном лагере наметился раскол. Большинство оппозиции настаивало на ненужности этой магистрали для России, объясняя свою точку зрения тем, что дорога должна пройти по «безлюдной, а по мнению некоторых исследователей совершенно невыгодной для колонизации местности» [4. 1908. 20 мар.]. Меньшинство с такой же энергией приводило свои аргументы в защиту необходимости строительства.

Подводя общие итоги обсуждения в Думе, следует отметить численный перевес противников законопроекта, которые правительственный проект называли «случайным», «непродуманным», направленным против «народной пользы». Их главный довод

выражался в том, что постройка дороги потребует колоссальных средств, она будет убыточной и после поражения в русско-японской войне Россия не может пойти на «такую жертву» [4. 1908. 28 мар.]. Стало очевидным, что принятие законопроекта находилось под угрозой. После ряда резких выступлений противников Амурской дороги в ходе 45 заседания слово взял премьер-министр П. А. Столыпин. Он сказал: «Вопрос о сооружении Амурской железной дороги казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть прений по этому вопросу... Теперь я вижу, что дело стоит иначе – вопрос о необходимости дороги вызывает серьезные сомнения, и само решение правительства кажется многим большой политической ошибкой. Вследствие этого я нахожу, что и правительство должно более подробно развить свою точку зрения на этот вопрос, т. к. именно в этом существенном вопросе, казалось бы мне, между правительством и большинством народного представительства не должно быть разногласия» [5, с. 163]. Он сообщил членам Думы, что на основании статьи 87 Основных Законов Российской империи законопроект уже приведен в исполнение. Это решение Столыпин подтвердил цитатой Екатерины II «Управлять – значит предвидеть». П. А. Столыпин напомнил депутатам: «Отдаленная суровая наша окраина богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культурного развития. При таких обстоятельствах, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной». П. А. Столыпин считал, что на Дальний Восток «просочится чужестранец», если раньше не придет туда русский. Он сказал: «Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и, когда мы проснемся, может быть, он останется русским только по названию». Затем он еще раз отметил важность скорейшего заселения, которое возможно лишь при развитых путях сообщения. В заключение премьер-министр высказал утверждение о том, что Амурская дорога должна строиться русскими руками без привлечения иностранного наемного труда [5, с. 165].

Речь П. А. Столыпина, носившая, безусловно, декларативный характер, не оставляла шансов противникам законопроекта, хотя последние и продолжали еще свои выступления. Но ссылка на 87-ю статью Основных Законов объясняла депутатам, что они обсуждают уже решенное дело. Речь могла идти лишь о частичных изменениях или дополнениях в законопроекте.

3 апреля 1908 г. Дума приняла законопроект «О приступе к сооружению Амурской железной дороги распоряжением казны и за ее счет».

В соответствии с процедурой законодательной деятельности законопроект был передан на утверждение в Государственный Совет. Однако и здесь его судьба складывалась непросто. Образовались две противоборствующие группировки: сторонников и противников законопроекта. В числе противников оказался и граф С. Ю. Витте, считавший строительство ненужной и опасной правительственной авантюрой, которая потребует громадных средств. В своих мемуарах В. Н. Коковцов вспоминал эмоциональное выступление С. Ю. Витте, закончившего словами: «<министерство финансов – О.Я.> идет навстречу случайному настроению Думы, вместо того, чтобы восстать всей силой своего авторитета против совершенно ненужных трат». [5, с. 323–324]. 10 членов Государственного Совета придерживались того же мнения: проект неудачен, экономических выгод России дорога не принесет, финансовые расходы чрезмерно велики.

Сложилась парадоксальная ситуация: Государственный Совет, как правило, поддерживавший правительственный курс и сдерживавший чересчур радикальные законопроекты, предлагаемые Думой, в данном случае выступил вполне самостоятельно. Более того, некоторые его члены обвинили Думу в поспешном и необдуманном принятии правительственного проекта.

Министр финансов В. Н. Коковцов, выступая на заседании Государственного Совета, попытался найти компромиссное решение, однако его позиция не встретила понимания. Тогда правительство было вынуждено изменить тактику. Снова был оказан нажим на противников проекта, в результате чего законопроект, переданный из

Государственной Думы, был принят без изменений большинством голосов членов Соединенной комиссии Государственного Совета и Высочайше утвержден 6 июля 1908 года. [5, с. 326].

Весьма существенное осложнение внесло в дело требование о недопущении к выполнению строительных работ китайцев, корейцев и японцев. Договоры и подряды были заключены еще до рассмотрения вопроса в Думе. Поэтому подрядчики в значительной степени обеспечили себя китайскими рабочими, как более дешевой рабочей силой. Но уже летом 1908 г. пришло распоряжение из Санкт-Петербурга о «недопущении на работы по постройке дороги иностранных подданных». В середине августа из Приамурья сообщали, что несмотря на понесенные предпринимателями убытки, «ни одного рабочего китайца на линии уже не было» [3. 1908. 28 авг.]. Возможно, местные власти выдавали желаемое за действительное, но в крае на самом деле проводилась планомерная работа по обеспечению строительства исключительно русскими рабочими. Газета «Приамурские ведомости» 28 августа 1908 г. сообщила о том, что «иностранные рабочие... с начала августа 1908 г. никакого участия в строительстве не принимают» [5. 1908. 1 сент.].

Однако, несмотря на значительные государственные субсидии, строительство Амурского участка, общей протяженностью более 2000 км, шло сложно, медленными темпами и требовало внесения корректив в правительственную политику. Следует напомнить, что трасса пролегла по совершенно безлюдной территории, по болотистым «марям» и топям, пересекала многочисленные скальные образования и реки, частично проходила в условиях вечной мерзлоты. Климатические условия также были крайне тяжёлыми. Все эти и многие другие трудности значительно осложняли обеспечение строительства русской рабочей силой без привлечения иностранного наёмного труда. Уже к 1909 г. возникли серьёзные проблемы из-за осуществления большей части строительных работ подрядным способом. Подрядчики оказались в сложной ситуации вследствие полного отсутствия местного рынка рабочей силы и необходимости везти её из центральных губерний, что было вызвано решением законодательных органов о привлечении к работам только представителей русского населения.

В Европейской России стали открываться многочисленные пункты «вербовки» добровольцев-строителей. Им предлагались различные льготы: бесплатный проезд до места работ вместе с семьями и обратно, предоставление надела земли в размере 15 десятин на мужскую душу, усадебная земля при дороге и т. д. Но природно-климатические, санитарно-бытовые условия и объёмы работ, оказывались настолько тяжелыми, что большинство рабочих после одного рабочего сезона уезжали обратно. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что на строительство далёкой «Амурки» отправлялись беднейшие слои населения в надежде на улучшение своего материального положения и проблемы, связанные с тем, что «Дальний Восток должен быть русским и только для русских» [9, с. 1] их не особенно волновали. Таким образом, многие рабочие, надеявшиеся на большие заработки, оказались обманутыми. На строительстве неоднократно вспыхивали забастовки, а в 1910 г. на западном участке сотни рабочих побежали из тайги, стали силой брать пароходы и т. д., стремясь сбежать с ненавистного строительства. В ответ подрядчики неоднократно повышали заработную плату, что приводило к новым расходам, значительно превышающим договорные.

Правительство, обеспокоенное сложившимся положением, пыталось стабилизировать ситуацию. В конце 1909 г. министр финансов В. Н. Коковцов провёл переговоры с частными банками о предоставлении кредита подрядчикам в размере от 10 до 15 % от заподряженной суммы их работ. Банки согласились поддержать министра и выделили средства, но и это мероприятие не смогло кардинально улучшить ситуацию. Тем не менее благодаря активной правительственной политике подрядчикам удавалось вербовать тысячи рабочих на Дальний Восток: в 1911 г. прибыло 48,8 тыс. человек, а в 1912 – 80, 8 тыс. [10, с. 310]. Но даже это количество рабочих не могло обеспечить возрастающие потребности громадного строительства.

Стала очевидной необходимость привлечения к работам более дешевой рабочей силы. В 1910 г. в прессе неоднократно поднимался вопрос о том, что без китайских и корейских рабочих осуществить

грандиозный проект не удастся. Но правительство не считало целесообразным изменять свое начальное решение: дорога должна строиться исключительно трудом русских рабочих. Следует отметить, что в это время вопросы, связанные с русской колонизацией дальневосточных земель снова оказались в центре внимания правительства и общественности. В 1909 г. был создан Комитет по заселению Дальнего Востока под председательством П.А. Столыпина, подготовивший обширную программу первоочередных мер по освоению дальневосточного региона. Одним из положений программы стало создание экспедиционного исследования территорий, прилегающих к строящейся Амурской магистрали. Возглавить Амурскую экспедицию поручалось Томскому губернатору Н.Л. Гондатти, много лет проработавшему до этого на российском Дальнем Востоке и прекрасно изучившему суровый край. Перед Амурской экспедицией были поставлены следующие задачи: 1) изучить местность, прилегающую к линии постройки Амурской железной дороги с целью определения пригодности её для заселения; 2) разработать предложения об устройстве новых и улучшении уже существующих на этой территории путей сообщения; 3) выяснить возможности развития станций Амурской магистрали и других поселений в посёлки городского типа; 4) составить предложения о дальнейших мерах по колонизации территории в районе прохождения Амурской железной дороги и развитию здесь промышленно-экономической жизни [11, с. 40].

В ходе работы экспедиции Н. Л. Гондатти неоднократно высказывался о необходимости обеспечения прочного положения дальневосточной окраины, укрепления её связи с Центральной Россией, о недопущении чужеземного труда не только на строительство Амурской магистрали, но в край в целом. В телеграмме на имя председателя Комитета по заселению Дальнего Востока, касаясь рабочего вопроса на Амурской железной дороге, начальник Амурской экспедиции высказался против допущения труда выходцев из соседних азиатских стран и предлагал решить вопрос путем привлечения к работам самой дешевой силы – арестантов, доведя их численность до 7–8 тысяч человек. Согласившись с мнением

Н.Л. Гондатти, Комитет по заселению Дальнего Востока вынес следующее решение:

«1. Разрешить допуск к работам по постройке Амурской железной дороги иностранных специалистов по тоннельным и каменотесным работам.

2. Разрешить строительной администрации Амурской железной дороги наем рабочих-корейцев, русских поданных, принявших подданство до 21 июня 1910 г.

3. Просить министра юстиции разработать представление о возможно широком привлечении ссыльно-поселенцев и арестантов исправительно-арестантских поселений на постройке Амурской железной дороги» [11, с. 42].

В скором времени министром юстиции был подготовлен и представлен на рассмотрение Государственной Думы соответствующий законопроект и доклад, в котором отдельно оговаривалась его спешность.

В докладе министр юстиции доказывал необходимость привлечения арестантского труда, его пользу для общего дела. Сообщалось о том, что в связи с прекращением высылки ссыльно-каторжных на о. Сахалин у тюремного ведомства возникли серьезные проблемы с размещением арестантов, а проводимое большое железнодорожное строительство могло решить сразу две проблемы: размещения и наделения работой ссыльно-каторжных и обеспечения казне наименьших затрат путем применения самой дешевой рабочей силы. Тем более, отмечалось в докладе, предыдущий опыт показал, что с мая 1910 г. на строительстве уже использовался труд арестантов из тюрем Европейской России и Александровской каторжной тюрьмы и результаты были обнадеживающими. Также, говорилось в докладе, после окончания работ по строительству колесной дороги вдоль Амура силами арестантов стало возможным их привлечение на строительство Амурской железной дороги. В течение лета 1910 г. строительство посетили начальник управления по сооружению железной дороги Вурцель и начальник Амурской экспедиции Л. Н. Гондатти, отметившие успешную постановку дела. С весны 1911 г., по соглашению Главного Тю-

ремного Управления с Управлением по сооружению дороги, было принято решение об усилении состава арестантских рабочих команд на западном участке дороги до 2 500 человек. Численность арестантских команд, занятых на строительстве средней части дороги, также должна быть доведена до 2 500 человек. А в дальнейшем планировалось предоставить работу еще 3 000 арестантов. Далее в докладе объяснялась причина того, что «общий состав арестантской рабочей силы не может превышать 8 000 чел.: во-первых, на тяжелые земляные работы можно назначать совершенно здоровых людей, а, во-вторых, на важное государственное строительство можно допускать лиц, зарекомендовавших себя хорошим поведением и не склонных к побегам». По предварительным подсчетам Главного Тюремного Управления из общего числа каторжных, содержащихся в тюрьмах Европейской России, необходимым требованиям соответствовали около 5 000 человек.

Также планировалось направить около 1000 человек долгосрочных арестантов исправительных отделений. В заключение указывалось, что из-за увеличения числа арестантов следует создать новые органы управления. Лишь сильные, работоспособные службы смогут обеспечить порядок и качественное осуществление работ, а также смогут предупредить побег и массовые беспорядки среди арестантов. Предполагалось увеличить жалование воинским чинам на 333 000 руб.; увеличить число нижних чинов для сопровождения арестантов при выходе на работу, каждую тысячу арестантов должны были охранять 165 представителей нижних чинов.

После обсуждения в комиссии законодательных предложений, законопроект был рассмотрен в общем собрании Думы, где получил одобрение. Окончательное утверждение закон об установлении временных правил о заведовании арестантами, привлеченными к работам по сооружению Амурской железной дороги, получил 28 мая 1911 года [12, с. 1411–1420]. После этого, вплоть до 1914 года, на строительстве применялся труд арестантов в широких масштабах. Несмотря на его высокую оценку Вурцелем и Л. Н. Гондатти, не следует забывать о том, какой ценой добивалось начальство высокой производительности труда. Свидетельством жестокого обраще-

ния с арестантами стали их частые побеги с работ, забастовки. Летом 1911 года Дальний Восток посетил член Государственной Думы А. И. Гучков. Тяжелое положение каторжан его поразило. Он был возмущен тем, в каких условиях содержались арестанты, не мог понять смысл чрезмерной жестокости в обращении с ними [13. 1911. 2 сент.].

Во многих периодических изданиях рассматриваемого периода содержалась информация о бедственном положении арестантов [13. 1911. 12 сент.]. Однако, реальные меры по улучшению санитарных и жилищных условий рабочих приняты не были.

Следует отметить, что наряду с рассмотренным законопроектом, были внесены и другие проекты, затрагивавшие проблемы Амурской дороги. В частности, они касались отпуска кредитов на организацию в районе средней части дороги почтово-телеграфных учреждений, на усиление воинской охраны восточной части дороги, на содержание малых арестантских помещений («каталажек») на средней части дороги... [1. Оп. 2. Д. 236. Л. 2–4]. Эта группа законопроектов объяснялась обеспокоенностью правительства участвующими на работах беспорядками и опасениями, вызванными широким применением труда арестантов. Эти законопроекты были внесены на рассмотрение Думы единым блоком и, с учетом заявленной правительством спешности, получили ее одобрение. Следует отметить, что никакие возникающие проблемы, связанные с применением арестантского труда не вносили тени сомнения в вопрос эффективности его широкого использования.

В 1911 г. Приамурским генерал-губернатором стал Н. Л. Гондатти. Он продолжал активную деятельность по обеспечению правительственного курса и укреплению «русского дела» на Дальнем Востоке. Генерал-губернатор нес личную ответственность перед императором за то, чтобы Амурская железная дорога продолжала сооружаться преимущественно трудом русских рабочих и арестантов. Однако осуществлять это становилось всё труднее. Амурская дорога являлась «своего рода магнитом, привлекающим китайцев в наши дальневосточные владения» [11, с. 88]. Было очевидно, что приток китайских мигрантов усиливался, а местные вла-

сти оказывались не в состоянии не только их контролировать, но даже организовать элементарный учёт. На состоявшемся междо-домственном совещании, было принято решение считать применение иностранного труда «недопустимым не только по экономическим, но и в силу политических причин, так как дорога эта имеет серьёзное стратегическое значение» [11, с. 90]. Даже приня-тый 21 июня 1910 г. иммиграционный закон, по которому Приамур-ский генерал-губернатор получал право облагать китайцев и корейцев особым сбором, а также ограничивать наём иностранных рабочих существенных изменений не принёс.

Первая мировая война внесла серьёзные изменения в дальне-восточную политику. Внимание правительства и общественности оказалось отвлечено от проблем далёкой окраины. Произошло со-кращение инвестиций, существенно сократилась численность рус-ских переселенцев и наёмных рабочих из Европейской России. Но именно в это время произошло окончание строительства великой Транссибирской магистрали. Интересно, что даже в конце 1916 г. Н. Л. Гондатти не отступил от своих убеждений, о чём свидетельст-вует его обращение к начальнику Главного тюремного управления с просьбой выделить на достройку восточной части дороги на 1917 г. до трёх тысяч арестантов «ввиду отсутствия русских рабочих и до-казанных жизнью преимуществ и выгод арестантского труда в срав-нении с трудом военнопленных или китайцев» [11, с. 99]. Однако жизнь внесла свои серьёзные коррективы в планы последнего При-амурского генерал-губернатора.

Период «думской монархии» хронологически совпадает с но-вым особым периодом дальневосточной политики. После пораже-ния в русско-японской войне вместо военно-стратегических и экспансионистских задач, особое значение приобрели охранитель-ные и колонизационные. В рамках концепции «единой и неделимой России», пришло осознание необходимости сохранения огромных дальневосточных территорий, ограждения от влияния сопредельных государств и превращения его в полноценную составную часть Рос-сийской империи. Важнейшая роль в этом историческом процессе отводилась Амурской железной дороге. Один из наиболее убеждён-

ных и последовательных проводников этой политики П. А. Столыпин отмечал: «...насушной для России потребностью является соединение этих дальних владений железным путём с метрополией» [6, с. 166].

Немногочисленное российское население на Дальнем Востоке нуждалось в защите и поддержке государства. В этих условиях идея «сделать край русским» объединяла не только центральную и местную власть, но и общественное мнение Европейской России и далёкой окраины. Реализация «русского дела» в ходе строительства Амурской железной дороги представляется вполне закономерной и оправданной в тех конкретных исторических условиях, когда осуществлялось строительство стратегически значимой Амурской железной дороги.

Действительно, значение этого строительства было велико – между Центральной Россией и Тихим океаном установилось прямое сообщение. Железнодорожное строительство способствовало оживлению далёкой окраины, ее заселению и развитию. Дальний Восток постепенно начал утрачивать свою территориальную замкнутость, стали укрепляться связи с центральными районами страны.

Список литературы

1. РГИА. Ф.268
2. РГИА ДВ. Ф. 702..
3. Приамурские ведомости.
4. Далёкая окраина.
5. Приамурье.
6. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... / Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. – 1906 – 1911. – М., 1991.
7. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. – Т. 1. – Париж, 1933.
8. Приамурские ведомости.
9. Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487.
10. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М., 1991.
11. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. – Хабаровск, 1997.
12. Стенографический отчёт Государственной Думы. Третий созыв. – Ч. 1.
13. Дальний Восток.

А. Л. Никифоров *

**Пути и средства официального идеологического
воздействия на сознание советских граждан
в первые послевоенные годы (1945–1953)**

Массовое сознание граждан общества является одним из факторов стабильности государства. Поэтому обладание рычагами контроля и воздействия на сознание людей является одной из насущных задач любого политического режима. В связи с этим, в политическом руководстве Советского Союза уделяли большое внимание воздействию на массовое сознание через органы официальной пропаганды.

The masses consciousness of society is one of the factors of state's stability. That's why the holding of control and consciousness influence levels is one of the vital task of any political regime. Because of it, in political leadership of Soviet Union important attention was given on consciousness influence by bodies of official popularization.

Ключевые слова: официальная пропаганда; массовое сознание; идеологическая работа; обыденное сознание; образ вождя.

Key words: official popularization (propaganda), masses consciousness, ideological work, ordinary consciousness, image of leader.

В советской политической системе особое значение принадлежало официальной идеологии. Ее влияние на сознание советских людей было определяющим по нескольким причинам:

во-первых, основные идеологические постулаты были понятны и близки интересам народа;

во-вторых, государство обладало монополией на источники массовой информации, а альтернативными каналами информации для советских граждан являлись лишь распространенные слухи и домыслы;

* **Никифоров Анатолий Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

в-третьих, в советском обществе отсутствовали демократические традиции политической жизни, а уровень политической культуры большинства советских граждан препятствовал выходу за рамки официальной точки зрения в осмыслении действительности;

в-четвертых, использовались разнообразные формы и методы пропагандистско-агитационного воздействия на сознание людей.

Широкая идеологическая работа партийных и государственных органов в послевоенном советском обществе, как и прежде характеризовалась многообразием направлений и методов, осуществлявшихся многочисленным аппаратом сотрудников. Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) – КПСС формировало научно-теоретическую и информационную базу, составлявшую содержательную сторону пропагандистской работы, регулировало деятельность органов официальной пропаганды и координировало работу республиканских, краевых, областных, районных и городских отделов пропаганды и агитации.

Практическая реализация идеологических установок осуществлялась следующими путями:

– средствами массовой информации (периодическая печать, радиовещание, кинофотодокументалистика);

– в процессе партийно-агитационной работы с населением, осуществлявшейся пропагандистами и другими партийными работниками;

– посредством широкого использования жанров массового искусства (кинофильмы, произведения художественной литературы, театральные постановки, музыкальное творчество, живопись и пр.).

Например, о масштабах этой работы в Ленинграде дает представление докладная записка секретариата Ленинградского Городского комитета ВКП(б) «О результатах партийно-пропагандистской работы ЛГК ВКП(б) за 1948 год»: «...в 1948 году в Ленинграде функционировали и вели просветительскую работу с населением 11 районных отделов пропаганды и агитации, 56 агитационных бригад, 1156 производственных агитаторов, 96 лекторов. Вышло в свет около 11 млн экземпляров центральных, городских и производственных изданий, посвященных вопросам партийной жизни, 844 кандидата в

члены ВКП(б) в текущем году были приняты в партию...» [6. Ф. 25. Оп. 10. Д. 5. Л. 13].

В первые послевоенные годы для населения самым доступным источником официальной информации являлось центральное радиовещание, а сами индивидуальные радиоточки стали неотъемлемым атрибутом домашнего быта в советских семьях. Характер работы Внутрисоюзного радиовещания позволяет определить его содержание как одну из форм агитационно-пропагандистской деятельности среди населения страны. Радиопередачи были наполнены разнообразной информацией, ориентированной на самую широкую аудиторию слушателей.

Данные фонда Центрального Комитета Внутрисоюзного Радиовещания в Государственном Архиве Российской Федерации констатируют, что среди показателей программной насыщенности 18-часового центрального радиовещания около 30 % ежедневного радиовещания занимали блоки информационных новостей, 30 % отводилось для музыкального и литературного эфира, 15 % занимали репортажи с производства, еще 15 % эфира были посвящены знакомству с отдельными персонажами (передовики производства, деятели науки и искусства) и около 10 % занимали передачи, рассчитанные на детскую и юношескую аудиторию [4, с. 70].

Центральный Комитет Внутрисоюзного Радиовещания организационно был подконтролен Управлению пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) – КПСС. В силу этого, содержание текущей работы центрального радиовещания характеризовалось широкой пропагандистской направленностью, эмоциональностью и категоричностью, которые ориентировали людей на усвоение информации, а не на ее критическое осмысление. Поэтому в рассматриваемый период радиовещание, как массовый и наиболее доступный источник официальной информации, следует рассматривать в качестве одного из самых влиятельных каналов официальной пропаганды.

Особым, но не столь широко распространенным средством агитационно-пропагандистской работы являлась целенаправленная демонстрация материалов документальной кинофотохроники, освещавшей различные аспекты жизни советского общества. Наличие

подобной продукции в репертуаре любого кинотеатра или сельского клуба считалось обязательным. По объективным причинам документальная кинофотохроника не отражала целостную картину окружающей действительности, она была избирательной по содержанию и пропагандистской по своей направленности и при этом оказывала большое влияние на сознание людей.

В структуре Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) существовал особый отдел кино- и фотохроники, занимавшийся созданием и распространением документальных материалов среди специализированных учреждений. Как правило, материалы кинофотохроники выходили в свет накануне знаменательных дат, вследствие чего содержание демонстрировавшегося материала отличалось высокой патетикой и эмоциональностью. Всего за первое послевоенное десятилетие из недр отдела кино- и фотохроники в свет вышло 164 документальных фильма и около 90 тематических сборников фотоматериалов, освещавших процесс поступательного развития страны [5, с. 122].

Документальная кинофотохроника, как форма агитационно-пропагандистской работы характеризовалась большим потенциалом влияния на сознание масс. Однако использование материалов кинофотохроники являлось лишь вспомогательным средством пропаганды по сравнению с более массовыми источниками официальной информации, каким являлась, например, периодическая печать 1940–1950 гг.

В указанный период одним из наиболее доступных источников официальной информации для народа являлась периодическая печать – газеты и журналы, брошюры, информационные листы. При этом печатные издания использовали различные формы подачи информации для населения: статьи и фельетоны, информационные сообщения и стихотворный слог, научные и публицистические материалы, жанр карикатуры и политического плаката, применялись лозунги, девизы и фотодокументы.

Характерной особенностью советской периодической печати являлась обратная связь с читателями в виде ответов и комментариев редакций на присылаемые читателями письма, обращения,

жалобы. Во многих газетных и журнальных изданиях постоянно велись рубрики: «вопрос – ответ», «письма в редакцию», «нам пишут – мы отвечаем», которые курировались заместителями главного редактора. Тем самым осуществлялся контакт с читательской аудиторией и у советских граждан поддерживался интерес к конкретному изданию [4, с. 144].

Сжатая, доступная и эмоциональная по форме информация – стиль ведущих советских периодических изданий послевоенной поры. Материал преподносился читателю для усвоения, а не для анализа фактов. Идеологические штампы, «новояз» как проявление официальной лексики, наполняли печатные материалы. Категоричность и эмоциональность печатного слога не звали читателя к размышлению, а, напротив, преподносили информацию, уже содержащую выводы и оценки, которые необходимо было усвоить.

Одной из причин эффективности пропагандистской деятельности среди советских граждан являлось широкое использование органами официальной пропаганды популярных в народе жанров искусства: кино, музыкального творчества, живописи, скульптуры, театральной драматургии. В каждом из жанров творческой деятельности присутствовали сюжеты идеологического характера. При этом наиболее популярным и вполне доступным жанром искусства для советских людей в послевоенную эпоху оставалось кино, точнее, художественные кинофильмы.

По сравнению с довоенным уровнем в советском кинематографе 1940–1950 гг. были достигнуты большие успехи. Произошел постепенный переход от преобладания идеологической подоплеки к проявлению художественной ценности. Однако наивность и идейность оставались в основе большинства советских кинофильмов тех лет. Всего творческими киностудиями за период 1945–1954 гг. было выпущено 164 полнометражных художественных фильма. Советские кинофильмы послевоенной поры снискали себе народную любовь, прежде всего, потому, что зрители видели на экранах то, чего так не хватало в повседневной жизни – достаток, нормальные условия труда, доброту человеческих отношений [3, с. 226].

При этом творчество советских кинорежиссеров в рассматриваемый период жестко регламентировалось со стороны партийных и общественных организаций Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Союзом кинематографистов СССР.

Наряду с киноискусством, заметный вклад в укрепление официальной идеологии внесла советская литература 1940–1950 гг. В изучаемый период литературное творчество заметно оживилось. Осмысление событий Великой Отечественной войны и путей решения насущных задач в деле возрождения страны вызвало широкий резонанс в советской литературе.

С одной стороны, официальные власти поддерживали проявление активной гражданской позиции среди советских поэтов и писателей, своим творчеством укреплявших моральные силы советских людей в послевоенные годы. С другой стороны, творчество литераторов по-прежнему регламентировалось со стороны партийных органов, в первую очередь, через контроль за Союзом писателей СССР.

Наиболее характерными сюжетами советской литературы конца 1940 – начала 1950-х годов стало отражение героического труда советского народа, утверждение мощи и нерушимости социалистического государства, ожидание начала «эры коммунизма», воспевание подвига армии и народа в ходе Великой Отечественной войны. В этой связи следует отметить творчество крупных советских поэтов и писателей тех лет: А. Фадеева, И. Эренбурга, С. Чиковани, А. Твардовского, М. Шолохова, К. Симонова и др.

В послевоенное десятилетие официальная пропаганда находила свое отражение и в музыкальном творчестве. Советские композиторы, инструментальные и вокальные коллективы, певцы в качестве обязательного элемента своего репертуара имели произведения идеологической направленности.

«...Каждый исполнитель, – вспоминал знаменитый певец В. Козин, – должен был иметь в своем репертуаре целый перечень произведений, рекомендованных к исполнению партийными деятелями от искусства. Тогда это воспринималось как нечто естествен-

ное, но циркулярность и некомпетентность в действиях чиновников отравляли творчество артистов...» [2, с. 331].

Эмоциональная насыщенность, торжественность и высокая идейность содержания характеризовали советское музыкальное искусство послевоенной поры. Союз композиторов СССР в те годы включал в свои ряды прославленные имена В.Соловьева-Седова, С. Прокофьева, Е. Александрова, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна. Творчество этих и других советских композиторов снискало всенародную любовь и признание, но при этом оно не могло не отражать атмосферу идеологической заданности. Новые симфонии, концерты ведущих оркестровых и хоровых коллективов часто имели посвящения идеологического плана, что, тем не менее, не заслоняло их художественной ценности.

Пристальное внимание со стороны органов официальной пропаганды уделялось театральному искусству. Театр не являлся разновидностью массового искусства в Советском Союзе 1940–1950 годов, и потому оказываемое им влияние распространялось на весьма ограниченный круг людей. Однако театральная драматургия обладала свойством концентрировать в себе проявления общественной мысли и по этой причине являлась объектом особого внимания со стороны официальных властей.

«...Театральная жизнь в советском обществе первых послевоенных лет – явление противоречивое, – отмечает искусствовед А.Баранович-Поливанова, – с одной стороны, в послевоенные годы повысился интерес публики к театру, опере и балету. С другой стороны, именно эти годы были отмечены парализующей несвободой творчества и непомерной идеологизированностью данного жанра искусства. Несмотря на это, за период 1946–1953 годов, 116 ведущих театральных коллектива Советского Союза осуществили постановку 634 новых спектаклей...» [1, с. 143].

Театральное искусство тех лет оказалось восприимчивым к официальным идеологическим постулатам, распространявшимся на жизнь творческих коллективов.

Особое направление агитационно-пропагандистской работы периода послевоенного «сталинского» десятилетия было связано с

использованием таких жанров искусства, как живопись и скульптура. Плеяда талантливых мастеров оставила большой вклад в развитие советской скульптуры и живописи 1940–1950 годов: В. Мухина, М. Нестеров, А. Герасимов, Ф. Решетников и др. Многочисленные и разнообразные сюжеты, отражавшие достижения советского общества, изображались на картинах и воплощались в скульптурах. Их главное назначение в процессе пропагандистской работы – формирование образного восприятия информации.

Среди многообразия художественных и скульптурных сюжетов, в рассматриваемый период, выделялся главный – образ И.В. Сталина. Величественная фигура вождя, его сосредоточенный и целеустремленный взгляд, торжественность позы составляли негласные каноны в изображении И.В. Сталина на портретах и в скульптурных композициях. Творческий замысел художников и скульпторов был рассчитан, в первую очередь, на эмоциональное восприятие зрителей, большинство из которых получали сильное впечатление от художественных воплощений образа вождя.

Наконец, наибольшая эффективность в пропагандистской деятельности обеспечивалась использованием практических форм подобной работы: устойчивым контактом партийных органов с самым широким кругом населения. В рассматриваемый период официальные власти придавали особое значение организации агитационно-пропагандистской деятельности партийных работников среди населения.

Повседневная работа партийных работников с гражданами осуществлялась на всех уровнях: на производстве, по месту службы, учебы, в ходе культмассовой работы, на уровне общественных организаций. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. структура партийных учреждений пронизывала все уровни государственной власти и, что особенно важно, была широко представлена на местах. Тем самым, обеспечивался максимальный охват населения партийно-пропагандистской работой.

По данным докладной записки заведующего организационно-инструкторским отделом Ленинградского Областного Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): «...в 1949 году

ЛОК ВКП(б) с удовлетворением констатировал полное завершение восстановительного периода в работе районных и поселковых партийных организаций. Во всех двадцати двух районах Ленинградской области полностью возобновили партийно-просветительскую и агитационную работу 314 районных, поселковых и производственных партийных организаций, штатными сотрудниками которых являются 836 опытных партийных работников...» [б. Ф. 24. Оп. 21. Д. 3. Л. 6].

Основой деятельности пропагандистов и агитаторов выступала повседневная работа по поддержанию тесного контакта с населением, как необходимого условия для партийно-просветительской работы среди советских граждан. Формы подобной деятельности были различными: партийные собрания, митинги, вступления агитационных бригад, лекционная работа, информационные собрания, торжественные мероприятия.

Таким образом, на протяжении 1945–1953 гг. в Советском Союзе существовала, развивалась и активно работала многоуровневая система органов официальной пропаганды, которая с высокой степенью эффективности влияла на формирование массового сознания советских граждан и во многом определяла их общественно-политические взгляды. Следует признать, что разнообразие форм и методов идеологического воздействия на послевоенное советское общество позволили органам официальной пропаганды сохранить контроль и влияние на массовые настроения советских граждан.

Список литературы

1. Баранович-Поливанова, А.П. Впечатления послевоенной поры. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
2. Гринберг, П.К. Из воспоминаний деятелей советской эстрады. – СПб.: Эпоха, 2008.
3. Дегтярев, Е.Е. Интеллигенция и власть. – М.: Терра, 2007.
4. Кожин, В.В. Россия. Век XX (1939–1964): опыт беспристрастного исследования. – М.: Алгоритм, 2005.
5. Центральный государственный архив историко-политических документации (ЦГАИПД).

**Пропаганда – это всегда пропаганда заблуждений
и предрассудков (история районной газеты «Красное знамя»)**

Статья посвящена истории газеты «Красное знамя», печатного органа Конобеевского (Рязанской области) райкома ВКП(б) – КПСС и райсовета депутатов трудящихся, выходившей в 1944–1956 гг. В статье раскрываются цели и задачи, которые ставила коммунистическая партия перед районной печатью. Рассматривается состав материалов газеты и ее рубрики; исследуются формы и методы, с помощью которых на страницах газеты создавалась мифическая картина советской действительности и осуществлялось манипулирование общественным мнением. Значительное место в статье занимает анализ газеты как источника по истории Конобеевского района в 40–50-х гг.

The article is dedicated to the history of the regional newspaper «The Red Znamia», the printed authority of Knobeevsky raikom (Razanskaya region) of VKP(b) –KPSS and the regional council of deputates and labour workers, that was published in 1944-1956 years. The article exposes the aims and tasks of Communist Party for the regional press. Examined the contents of newspaper materials and its columns. The article researches the forms and methods, with the help of which on the pages of newspaper was created the mythical picture of the soviet reality and was done the manipulation over the social opinion. The significant place in the article takes the analysis of newspaper as the source on the history of Knobeevsky region in 40-50-es years.

Ключевые слова: поздний сталинизм; сельское хозяйство; манипулирование общественным мнением; районная газета.

Key words: late Stalinism, the agriculture, the manipulation over the social opinion, the regional newspaper.

Для советского государства пропагандистская деятельность всегда являлась приоритетным направлением государственной политики. Советское тоталитарное государство создало специальный

* **Молчанов Леонид Алексеевич**, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

организационно-идеологический аппарат пропаганды. Главной целью агитационно-пропагандистской деятельности являлось целенаправленное воздействие на сознание советских людей для манипулирования их социальным поведением в нужном направлении. В СССР была создана мощная индустрия политической пропаганды, перед которой была поставлена задача «навсегда уничтожить возможность независимой мысли» [29, с. 181] в советском обществе. Для того чтобы пропагандистские установки проникали в сознание больших групп советских людей и становились там устойчивыми, воздействие было длительным и массированным. Эту задачу решали советские газеты. Среди них особо выделялись районные газеты, агитировавшие на жизненных примерах, хорошо известных читательской аудитории.

В 1944 г. часть Шацкого района Рязанской губернии была реорганизована в новый район с центром в селе Лесное Конобеево и в районе начала выходить газета «Красное знамя» – орган Конобеевского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. В это время советская журналистика утвердилась в формах, способствующих тотальной идеологизации общества. Были выработаны механизмы воздействия на читателя в условиях жесткой централизации и массовых репрессий. Первый период деятельности газеты с 1944 по 1953 гг. связан с периодом, когда сталинский тоталитарный режим достиг своего апогея. В СССР сложилась политическая система, охватывающая «все средства производства, все достижения человеческого интеллекта, все формы жизни и деятельности людей в целом» [39, с. 114]. Этот период советской истории отличает, как писал И. Ильин, «тотальное порабощение» человека государственной властью [15, с. 31].

Первый номер «Красного знамени» вышел 21 мая 1944 г. Последний – 29 марта 1956 г. С 1946 по 1949 гг. выходило от 52 до 59 номеров. С 1950 г. тиражи газеты стали расти. В 1952–1955 гг. ежегодно издавалось по 104 номера. Всего было издано 890 номеров газеты. Тираж газеты колебался от 1400 до 1830 экз. Объем газеты составлял две страницы. С 1944 по 1946 гг. ответственным редактором газеты был А. Кудрявцев. В дальнейшем ответственными редакторами газеты являлись: В. Еремин, И. Конов, В. Кречетов, А. Синякин и др.

Целевые установки властных структур должны были с помощью массированного влияния прессы predetermined систему ценностей, политическую ориентацию общества и поведение людей. Во время Великой Отечественной войны «Красное знамя» пропагандировала необходимость успешного проведения уборки урожая и выполнение планов заготовок сельскохозяйственных продуктов. Редакция подчеркивала, что это является «одной из важнейших военно-хозяйственных задач всех советских и партийных организаций, колхозов, совхозов и МТС» [24, с. 546].

В годы войны произошла определенная стихийная десталинизация общественного сознания. Хотя победа над фашизмом в сознании советских людей была тесно связана с его именем, культ Сталина в пропаганде и в общественном сознании несколько смягчился, осмысление действий властей, стало более критическим. После окончания войны руководящие органы ВКП(б) начали усиливать идеологический диктат над обществом, используя газеты как одно из действенных средств в идейном обеспечении своих программ. Руководство коммунистической партии ставило перед редакциями задачу всемерно способствовать утверждению сталинской модели строительства социализма. Особое влияние на работу «Красного знамени» оказали решения XIX съезда ВКП(б), постановления ЦК «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», «О недостатках работы Рязанского обкома ВКП(б) по распространению периодической печати» (1947) и др.

Большую роль в истории газеты сыграло постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению районных газет», принятое 24 января 1952 года. Главное содержание постановления заключалось в укреплении идеологического и организационного руководства партийных комитетов над районной прессой. ЦК ВКП(б) обязывал райкомы, обкомы, крайкомы ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик принять меры к «серьезному» улучшению районной печати [28, с. 623].

Второй период деятельности газеты начался после смерти Сталина и начала хрущевских реформ (1953–1956) В это время совет-

ская пресса по-прежнему оставалась идеологической структурой партийного директивного аппарата. В первую очередь это было связано с тем, что период хрущевской «оттепели» характеризовался авторитарным правлением, в рамках которого руководство страны по-прежнему стремилось сохранить контроль над всеми сферами жизни общества и человека. Реформаторские усилия этой эпохи были направлены на некоторое обновление советского общества, чтобы справиться «с опустошительным наследием сталинизма» [47, с. 152]. Хрущев стремился в рамках советской авторитарной системы модернизировать механизмы, которые пробуксовывали. Реформы проводились без посягательства на основы общественно-политического строя СССР.

Газета «Красное знамя», будучи встроена в единый информационно-пропагандистский комплекс страны, внедряла в жизнь общества идеологические установки нового партийного руководства. В газете широко пропагандировались постановления XX съезда КПСС, решения сентябрьского 1953 г., мартовского и июньского 1954 г. пленумов ЦК КПСС. В ходе этой пропагандистской кампании газета широко освещала «практику работы партийных и советских органов по руководству сельским хозяйством» [14, с. 657]. Выступая в январе 1954 г., на пленуме райкома партии главный редактор газеты В. Еремин говорил о необходимости перестроить работу газеты в соответствии с новыми требованиями партии, чтобы она лучше освещала «положительные изменения», происходившие в районе [33, с. 1].

Однако в указанный период в советской деревне произошли заметные перемены. В колхозной системе начали создаваться некоторые реальные стимулы для труда колхозников в общественном хозяйстве. Были изменены критерии планирования. Теперь колхозы получали только обязательные задания по заготовкам вместо жесткой регламентации своей деятельности. Впервые они могли сами решать, как использовать собственные ресурсы и организовать производство. Были снижены сельхозналог и нормы обязательных поставок с личного подсобного хозяйства. С крестьянских хозяйств были списаны недоимки. Под влиянием реформ в настроениях лю-

дей появились определенные надежды на улучшение жизни. Эти настроения необходимо было популяризировать на страницах газет, так как они создавали благоприятный идеологический климат для повышения авторитета КПСС в период реформ. Поэтому с началом 50-х годов в «Красном знамени» были значительно расширены рубрики, где помещались письма читателей газеты: «Письмо в редакцию», «Нам пишут», «Ответы на вопросы читателей» и др.

В партийных документах жестко определялась содержательная структура районных газет с детальной конкретизацией по рубрикам. У читателей «Красного знамени» система представлений об окружающей действительности складывалась из материалов рубрик: «Партийная жизнь», «По Советскому Союзу», «Международный обзор», «Соревнование колхозов», «По нашему району», «На фронтах Великой Отечественной войны» и др. Ряд рубрик оформлялись в виде специальных «страничек». Информация в рубриках подавалась только в обработанном и скомбинированном виде, при котором «непопулярные идеи заглушаются, неудобные факты замалчиваются» [30, с. 141]. Факты отбирались преимущественно положительные, способные, по мнению редакции, внести элемент социальной активности в жизнь советской деревни.

Предметом пропаганды в газете являлась не сама жизнь, а ее трансформация в массовых идеологических процессах, основанных на мифотворчестве. О том, как формировать идеологические мифы, какими средствами вести агитационно-массовую работу редакция «Красного знамени» писала в рубриках: «Беседы агитатора», «В помощь агитатору», «В помощь редколлегиям стенных газет» и т. п.

Применяя жесткие тоталитарные методы самоутверждения, партийная номенклатура стремились обеспечить их пропагандистское подкрепление и обоснование. На страницах «Красного знамени» декларировалась система ограничений и запретов, принятых в советском обществе. Это было одним из средств воздействия на сознание читателей. В людях культивировался страх как определяющий побудительный мотив поведения. До 1953 г. постоянной рубрикой газеты была рубрика «Из зала суда», где публиковались материалы о судебных репрессиях в отношении сельских тружеников.

Качество газетной пропаганды во многом зависело от состава материалов на страницах газеты. В «Красном знамени» состав материалов был очень широким и включал в себя все жанры советской газетной публицистики. На страницах «Красного знамени» были представлены статьи, обзоры, комментарии, репортажи, фельетоны, очерки и т. д. В газете публиковались приказы, доклады и интервью Сталина, выступления руководителей коммунистической партии и советского государства [25, с. 1]. В «Красном знамени» помещались постановления ЦК ВКП(б) – КПСС, указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления СНК СССР, законы СССР, решения Рязанского облисполкома и обкома [35, с. 1]. В газете давались отчеты о работе XIX и XX съезда КПСС [52, с. 1–2]. Широко публиковались отчеты о районных партийных и комсомольских конференциях Конобеевского района, сессиях районного совета, заседаниях пленума райкома и райисполкома [49, с. 1–2].

Газета оказывала целенаправленное модифицирующее воздействие на читателей. Статьи и сообщения о положении в СССР и за рубежом редакция брала из бюллетеней ТАСС, материалов пресс-бюро «Правды», центральных и областных газет. Для освещения жизни района редакция «Красного знамени» привлекала к участию в газете передовиков производства, партийный, комсомольский и советский актив деревни, сотрудников правоохранительных органов, учителей, агрономов, председателей колхозов, воспитательниц детских садов, учителей школ района, сотрудников библиотек, врачей районной больницы и др.

«Красное знамя» транслировала идеологические ориентиры руководства страны. Практически в каждом номере газеты печатались статьи и заметки о достижениях стран «народной демократии» и Китая, о победах национально-освободительного движения в колониальных странах [4, с. 2]. Редакция газеты публиковала статьи, обзоры и информацию на общие внешнеполитические темы о политическом, экономическом и правовом положении трудящихся за рубежом, о борьбе народов «за мир и демократию, против происков международной реакции», об укреплении международных связей рабочего класса. Газета разоблачала «поджигателей новой войны».

Пропагандируя классовую ненависть, газета «Красное знамя» становилась орудием массового устрашения, что являлось одной из основных характеристик советской газетной прессы.

Путем насаждения социальных стереотипов газета стремилась способствовать делу воспитания человека «коммунистического будущего». Из номера в номер редакция газета проводила мысль, что советская промышленность и сельское хозяйство добиваются больших успехов. Редакция показывала задачи IV, V и VI пятилеток и «роль трудящихся в развертывании социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение хозяйственных планов». Газета стремилась провести мысль, что «любовь к Родине, забота об укреплении ее могущества вдохновляет весь советский народ, который «с большим воодушевлением» встречает «цифры великого плана новой сталинской пятилетки» [43, с. 1].

В целях управления социальным поведением советских людей требовалась пропаганда идеологического обоснования исторически сложившегося режима. Через прессу большевистские идеологи убеждали массы в законности форм своего правления и утверждали, что только таким путем можно прийти к победе коммунизма и построить новое общество. В «Красном знамени» публиковались статьи по истории коммунистической партии, Октябрьской революции, статьи о руководящих советских партийных государственных деятелях [1, с. 2]. В газете постоянно говорилось, что успехи СССР, прежде всего, связаны с тем, что коммунистическая партия является руководящей и направляющей силой советского общества. В передовых статьях, заметках корреспонденциях подчеркивалось, что в СССР советский человек привык «себя чувствовать свободным гражданином», а «сталинская конституция» обеспечивает советским людям «равноправную, свободную и счастливую жизнь» [44, с. 2].

Выполняя партийные постановления, газета популяризировала идеологический постулат о том, что партия постоянно заботится о дальнейшем улучшении жизни граждан советского общества. Редакция «Красного знамени» подчеркивала, что главная задача коммунистической партии и советского государства заключается в «максимальном удовлетворении постоянно растущих потребно-

стей» советских людей. В статьях подчеркивалось, что партия и правительство делают все возможное, чтобы создать в СССР «обилие предметов народного потребления». Данная проблематика особенно активно пропагандировалась в период «оттепели». Газета писала, что по всей стране начался подъем материального благополучия колхозников. В 1956 г. на страницах «Красного знамени» широко пропагандировалась работа XX съезда КПСС. В газете были помещены материалы, в которых говорилось, что проект директив XX съезда партии по шестой пятилетке – «это величайшая программа дальнейшего нашего продвижения вперед, к светлому будущему, к строительству коммунизма» [42, с. 1].

Освещая работу XX съезда, редакция газеты не могла пройти мимо инициативы первого секретаря Рязанского обкома КПСС А. Н. Ларионова, озвученной на XX съезде партии. Выступая на съезде, Ларионов сказал, что в 1956 г. «в ответ на огромную помощь партии и правительства» рязанские колхозники взяли на себя обязательства в текущем году удвоить производство мяса, картофеля, молока, овощей и «задания, предусмотренные в проекте директив, выполнить в один год, то есть в 1956 году» [53, с. 247].

4 марта редакция «Красного знамени» рассказала об этой инициативе Ларионова. 18 марта в газете была опубликована информация о том, что, одобряя инициативу Ларионова, труженики Конобеевского района взяли на себя обязательства: «Удвоить производство мяса, молока, картофеля и овощей в один год» [17, с. 1]. А директор совхоза им. Розы Люксембург И. Курсенко со страниц «Красного знамени», заявил, что работники совхоза «с большим интересом и вниманием» приступили к тщательному изучению материалов XX съезда. По сообщению директора, работники совхоза выражали готовность «бороться за досрочное осуществление мероприятий, намеченных партией» [10, с. 1].

Пропагандистские кампании на страницах «Красного знамени» преследовали цель сформировать сознание, отличавшееся крайним догматизмом и непримиримостью к любым отклонениям от официальной идеологии. Поэтому в газете нельзя найти обстоятельной и углубленной характеристики колхозного строя. Редакция не могла

писать, что колхозно-совхозная экономика не в состоянии удовлетворить потребности общества, что обстоятельства, которые обуславливали стагнацию аграрного производства в стране и задерживали его развитие, лежали, прежде всего, в социально-экономическом положении колхозов. Колхозная система, исходившая в основе не из интересов самих колхозов, а из интересов сиюминутного достижения высокой индустриальной мощи государства, не имела достаточно импульсов для развития. Чтобы поддерживать развитие колхозного производства, необходимо было усиливать постоянное давление на сельских тружеников со стороны аппарата власти. Но во второй половине 40-х годов этот нажим уже не помогал. Сельское хозяйство СССР прочно втягивалось в полосу тяжелого кризиса. К 1953 г. сельская экономика СССР не достигла довоенного уровня. Лишь в 1958 г. стране удалось превысить уровень 1928 г. по поголовью скота [12, с. 35].

Газета «Красное знамя», полностью находясь в зоне партийного идеологического контроля, не писала, что государство полностью подчинило себе колхозы, выхолостив из них все кооперативное, но не способно ими эффективно управлять. Известный социолог фон Мизес писал, что «полный государственный контроль» над всеми видами экономической деятельности экономически неэффективен, так как государство не обладает «необходимым интеллектуальным инструментом экономического планирования и проектирования – экономическим расчетом». В социалистическом хозяйстве «центральный орган управления производством» оказывается «беспомощным перед лицом тех проблем, которые он должен решать» [21, с. 88]. Для советской колхозной экономики были характерны огромные потери зерна, картофеля, овощей, бесхозяйственность, плохая дисциплина труда, текучесть руководящих колхозных кадров. Газета не писала, что гонка вооружений, командные принципы управления хозяйственной жизнью, диспропорции в экономическом развитии тормозили рост жизненного уровня сельского населения.

Конечно, редакция газеты не сообщала читателям, что в послевоенные годы среди колхозников распространялись слухи о том, что колхозы распустят, и что в ряде районов колхозники даже стали

требовать возврата обобщественного имущества. А между тем такие настроения были распространены во многих местах. В информационной записке Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) на имя Г. М. Маленкова от 3 марта 1945 г. говорилось о том, что в колхозах Псковской, Пензенской, Воронежской, Ростовской и Днепропетровской областей после окончания войны «усилились провокационные слухи о, якобы, предстоящем роспуске колхозов» [41, с. 77].

Оставаясь инструментом социально-политического управления обществом, редакторы газеты вынуждены были сочетать на своих страницах пропаганду идеологических установок и материалов, подававшихся с учетом реальных интересов аудитории. Социолог Р. Мертон писал, что агитацию и пропаганду необходимо вести только на основе широко известных достоверных фактов. Население не будет «ассимилировать пропагандистские установки», если они не согласуются с накопленным им опытом. Такую пропаганду общество будет «с чистым сердцем» отвергать [20, с. 731].

Мифическая картина советской действительности на страницах газет должна была быть правдоподобной и сочетать реальные факты и вымысел, подлинные события и пропагандистские штампы. Поэтому идеологические органы партии призывали «смело бичевать пережитки, мешающие советским людям идти вперед». Редакции газет не должны были вставать «на путь некритического, хвалебного освещения деятельности» и подвергать «принципиальной критике» недостатки в работе [27, с. 517–519].

Поэтому на страницах «Красного знамени» публиковались критические материалы, в которых показывалось действительное положение дел в экономике района. Эти недостатки наглядно показывали крупные провалы в аграрной и промышленной экономике региона. Согласно свидетельствам газеты, с 1944 по 1956 гг. колхозы, совхоз им. Р. Люксембург и МТС района работали плохо. Плановые задания систематически не выполнялись. Исключением был колхоз имени Сталина. Остальные колхозы района не выполняли плановых показателей даже во время Великой Отечественной войны. Выступая в марте 1945 г. на пленуме райкома ВКП(б), секретарь райкома С. С. Артемьев отметил, что коллективные хозяйства

Конобеевского района в целом не выполнили задач, поставленных ЦК ВКП(б), и установок обкома партии об обеспечении своевременного выполнения планов «сева и урожайности сельскохозяйственных культур». К весне 1945 г. по району план хлебазаготовок был выполнен только на 54 %, а план заготовок картофеля – на 72 %. Для колхозной экономики района был характерен падеж скота, нехватка семян, низкая урожайность сельскохозяйственных культур, слабая работа МТС по подготовке сельхозтехники к весеннему севу [33, с. 2].

После окончания войны ситуация в экономике района оставалась очень сложной и не менялась в лучшую сторону. Пленумы райкома партии и сессии районного совета констатировали, что посевные площади в районе сокращались, плановые задания колхозами выполнялись неудовлетворительно, семян не хватало, техника ремонтировалась слабо, уход за посевами был плохой, падеж скота продолжался [32, с. 2]. В начале 50-х годов в целом аграрная экономика СССР была в плачевном состоянии. Выступая на декабрьском пленуме КПСС в 1958 г., Хрущев подчеркнул, что уровень сельскохозяйственного производства в СССР в начале 50-х годов не мог удовлетворить потребностей страны, рост сельскохозяйственного производства затормозился, не увеличивались валовые сборы и заготовки зерна, производство молока не росло, «а среднегодовое производство мяса было ниже того уровня, которого страна достигла перед войной» [16: 1].

С началом «оттепели» в сельской экономике района мало что изменилось. В отчете о шестой районной партийной конференции Конобеевского района, состоявшейся 17 января 1954 г., в выступлении секретаря РК КПСС С. П. Осипова подчеркивалось, что в 1953 г. плановые показатели развития сельского хозяйства района выполнены не были, агрономические мероприятия в колхозах выполнялись «совершенно неудовлетворительно», был допущен значительный падеж скота, Кермисинская МТС из 52 видов тракторных работ выполнила только 8 [49, с. 1].

Очень сложная ситуация в сельском хозяйстве была характерна для страны в целом. Об этом говорится в обращении участников

Всероссийского совещания передовиков сельского хозяйства, созванного ЦК КПСС, Советом Министров СССР и Советом Министров РСФСР, ко всем колхозникам и колхозницам, работникам МТС и специалистам сельского хозяйства РСФСР, принятом в феврале 1954 г. В обращении отмечалось, что во «многих колхозах урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность животноводства продолжают оставаться низкими» [26, с. 1–2].

В середине 50-х годов в сельской экономике района не произошло никаких решительных перемен. В начале 1956 г. редакция «Красного знамени» отмечала, что в целом уровень развития животноводства и полеводства во многих колхозах района остается «очень низким». Газета подчеркивала, что в районе крайне низка урожайность сельскохозяйственных культур, очень мало производится мяса, яиц и шерсти [23, с. 1]. Положение дел в местной промышленности было несколько лучше, но продукция промышленных предприятий района была очень низкого качества. Как свидетельствовала газета, этому вопросу на предприятиях «совершенно не уделяют внимания» [36, с. 1].

Читая материалы «Красного знамени», становится ясно, что выполнить обещания Ларионова району не удастся. Выступая в марте 1956 г. на собрании актива Конобеевской районной партийной организации, секретарь районной партийной организации С. П. Осипов сообщил, что местная промышленность к концу шестой пятилетки должна увеличить выпуск валовой продукции на 65 %, но в настоящее время плановые показатели местной промышленности провалены. План первых двух месяцев 1956 г. выполнен только на 54,3 %. План заготовок молока и мяса также не выполнен, план зимних агрономических мероприятий сорван. Осипов вынужден был констатировать, что в колхозах района не стремятся выполнять повышенные плановые показатели, о которых на XX съезде говорил Ларионов. Ремонтом сельхозтехники в большинстве колхозов не занимались, в хозяйствах района не было «должной борьбы» за увеличение производства картофеля и овощей» [40, с. 2]. Скорее всего, Ларионов сам знал, что взятые обязательства выполнить не удастся. В своем выступлении на XX съезде он отме-

чал, что экономический потенциал Рязанской области использовался неудовлетворительно. Многие колхозы и совхозы получают низкие урожаи, имеют мало скота и сильно отстают «от передовых областей страны» [53, с. 246]. В 1959 г. на XXI съезде КПСС он еще жестче отозвался о состоянии сельскохозяйственной экономики области в начале 50-х годов. Выступая на съезде, он заявил, что сельское хозяйство Рязанской области «находилось в крайне запущенном состоянии, а общественного животноводства по существу не было» [37, с. 9]. И хотя Ларионов заверял делегатов XX съезда, что он не хочет быть очковтирателем, и область выполнит повышенные задания, данная инициатива являлась типичным очковтирательством. В конечном итоге инициатива Ларионова провалилась, а сам он покончил с собой.

Как подчеркивалось в передовых статьях «Красного знамени», главной причиной провала хозяйственных планов района была слабая трудовая дисциплина в колхозах. Крестьяне, рабочие МТС не хотели работать за ту мизерную зарплату, которую им платили. Своим отношением к работе они протестовали против всего колхозно-совхозного строя, против бедной жизни, Тяжелых условий труда, бесправия, административного нажима государства. Это сопротивление носило в основном пассивный характер. Протест против хозяйственной и репрессивной политики властей принимал формы отказа от выполнения работ, халатного отношения к труду, ухода из колхозов, сокрытие доходов от различных видов индивидуальной деятельности. Даже в военное время, несмотря на уголовные преследования, сельские жители района уклонялись от мобилизаций по заготовке торфа и дров [5, с. 2]. После окончания Великой Отечественной войны положение дел не менялось. Крестьяне района стремились уклониться от трудовой мобилизации, сбегали с трудгужповинности. Колхозники старались уйти на постоянную работу в город, где платили больше. Газета называла таких людей рвачами и дармоедами, уклонявшимися от колхозной работы и разлагавшими трудовую дисциплину. Колхозные собрания их исключали из колхозов с изъятием приусадебных участков и огородов. Но это мало помогало. Работать в колхозах сельские труженики района

не хотели. Несмотря на уголовные и административные преследования, в колхозе им. Кагановича, по данным правления, весной 1948 г., из 679 трудоспособных колхозников на работу выходило не более 60–70 человек [7, с. 2]. Те, кто продолжал работать в колхозах, понимали, что их собственное существование зависит от того, что они получают со своего индивидуального хозяйства. Поэтому крестьяне повсеместно прирезали к своим приусадебным участкам колхозные земли [9, с. 2].

В середине 50-х годов ситуация с трудовой дисциплиной в колхозах продолжала оставаться тяжелой. Колхозники халатно относились к выполнению своих обязанностей. Молодежь стремилась уехать из колхозов и устроиться на работу в городе. Даже бригадиры нарушали трудовую дисциплину, не подчинялись правлениям колхозов, самовольно уезжали в города «по своим личным делам», оставляя бригады без руководства [19, с. 2].

Другой формой сопротивления крестьян тяжелым условиям жизни и работы в колхозах были хищения. В колхозах воровали семена, урожай в поле, собранный урожай, горючее, строительные и смазочные материалы. Злоупотреблениями и хищениями занимались председатели колхозов, бригадиры, кладовщики, продавцы сельпо, рядовые колхозники. Массовым явлением был «обрез колосьев». Обнищавшие колхозники выходили «резать колосья» десятками и сотнями человек. В этом деле принимали участие и взрослые, и подростки. В августе голодного 1947 г. «Красное знамя» в передовой статье сообщало, что в «обрезе колосьев» принимают участие от 50 до 150 взрослых и подростков [2, с. 1]. Хищения колхозного хлеба продолжалось и в конце 40-х и в середине 50-х годов. Охрана не всегда помогала. Нередко сторожа сами воровали колхозный хлеб. Проблема охраны собранного урожая был наиболее острой проблемой. «Только лучшим из лучших членам артели можно поручить одну из самых ответственных работ – охрану хлеба», – подчеркивала газета [31, с. 1].

В ответ на сопротивление колхозников власти усилили меры административно-карательного нажима. Так, в сентябре 1946 г. было принято постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О

мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В 1948 г. Президиум Верховного совета СССР принял указ «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Вслед за постановлениями началась кампания по наведению порядка в колхозах, проводимая в соответствии с советской карательной практикой.

Но эти меры носили чисто бюрократический характер и не приводили к желаемым результатам. Это было связано с тем, что администрация колхозов, партийный, советский и комсомольский актив деревни не проявляли должной энергии в борьбе за повышение трудовой дисциплины и против повсеместной практики воровства. В выступлении секретаря РК КПСС Осипова на шестой районной партийной конференции Конобеевского района в январе 1954 г. отмечалось, что партийные организации колхозов работают плохо, слабо влияют «на политическую и хозяйственную жизнь колхозов, не стоят на страже интересов государства и за строгое соблюдение Устава сельскохозяйственной артели». Многие председатели колхозов скрывали факты о злоупотреблении колхозников и не передавали материалы в суд на колхозников, не выработавших минимума трудодней без уважительной причины, не проводили «повседневного контроля за сохранностью общественных земель» [8, с. 2].

Комсомольские организации Конобеевского района также работали крайне неудовлетворительно. В отчетах районных комсомольских конференций, опубликованных в «Красном знамени» неоднократно подчеркивалось, что райком ВЛКСМ слабо руководит комсомольскими организациями, многие комсомольцы стоят в стороне от «активного трудового участия в колхозном производстве». Среди комсомольцев было немало тех, кто не выработывал необходимого количества трудодней. На VIII районной комсомольской конференции в октябре 1955 г. отмечалось, что в работе районной комсомольской организации «меньше положительного, чем отрицательного» [50, с. 2].

Слабая работа партийных и комсомольских организаций отражалась на уровне агитационно-пропагандистской работы в районе.

Она далеко не всегда достигала задуманных целей и во многих случаях не отвечала требованиям эффективности, оперативности и доходчивости. Секретарь Конобеевского райкома КПСС А. Телегин писал в газете, что организацию и содержание политико-массовой работы среди населения района необходимо улучшить «коренным образом». Только в этом случае она могла повлиять «на воспитание у всех колхозников... социалистического отношения к труду» [45, с. 2]. Как видно из материалов газеты, коммунисты района не верили в пропагандируемые лозунги. Они увивали от политзанятий, плохо посещали агитационные кружки. Редакция «Красного знамени» сетовала, что коммунисты района «не находят времени для занятий» [22, с. 2]. Необходимость усиления политико-воспитательной работы на селе диктовалась ростом религиозных настроений среди жителей Конобеевского района. Осенью 1955 г. в «Красном знамени» была помещена заметка селькора о том, что в колхозе «Новый путь» население с размахом отмечает религиозные праздники, где вместе с рядовыми колхозниками принимают участие «бригадиры полеводческих бригад и почти весь актив села» [13, с. 1].

Анализируя сообщения советской печати, Семен Франк писал, что советское общество в своей основной массе понимает, что советская пропаганда есть «лишь обманчивая, лживая вывеска, за которой скрывается не совпадающая с ней... подлинная реальность жизни», и неприятие пропагандистских лозунгов, «внутреннее уклонение от этих лозунгов под лицемерной видимостью их исповедания» распространено в России чрезвычайно широко [46, с. 248–249].

Анализируя материалы «Красного знамени», видно, что слабая экономика колхозов неблагоприятно сказывалась на работе школ, культурно-просветительских учреждений района и уровне жизни колхозников. Школы Конобеевского района работали в тяжелых условиях. На XII сессии районного совета летом 1947 г. отмечалось, что целом ряде сельсоветов в школах не были созданы условия для «повышения качества учебно-воспитательной работы в них, что отрицательно сказалось на обучении детей». Нередко школы не обеспечены дровами, и занятия проходили в холодных классах. Не выполнялся закон о всеобщем обучении детей. В 1945/46 учебном

году в Конобеевском районе 200 учащихся «не были вовлечены в школы», а 134 ученика отсеялись в процессе учебы. В районе не был выполнен план «по укомплектованию учащихся старших классов средней школы». В этих классах из 160 учащихся по плану обучалось лишь 80 человек [51, с. 1]. Успеваемость учеников была низкой. В Конобеевской средней в первой четверти 1948–1949 учебного года двойки по математике получили 33 ученика, а по русскому языку – 78 учеников [18, с. 2]. В середине 50-х годов проблемы работы школ Конобеевского района оставались прежними. Зимой занятия проходили в плохо отапливаемых помещениях, успеваемость учащихся была низкой. В 1953/54 учебном году 442 ученика не сдали весенние экзамены, и таким образом «не был полностью выполнен закон об обязательном семилетнем обучении» [3, с. 1].

Жизненный уровень колхозников Конобеевского района за вторую половину 40-х – начало 50-х годов значительно снизился. Колхозы находились в запущенном состоянии, получали плохие урожаи и очень мало выдавали колхозникам по трудодням хлеба, картофеля, овощей и других продуктов, а также денег. При этом каждый колхозник должен был уплатить государству сельскохозяйственный налог. Все это привело к тому, что в личном пользовании сельских жителей «сократилось поголовье скота, увеличилось количество бескоровных хозяйств» [11, с. 1]. Такое положение было характерно для всей Рязанской губернии. Хрущев, выступая на митинге в цехе Рязанского станкостроительного завода в феврале 1959 г., говорил, что после XIX съезда партии в 1952 г. жительница Рязанской области написала письмо в ЦК КПСС, где сообщила, что в магазинах города Рязька Рязанской области нет хлеба. Продовольственное положение в СССР было тяжелым. «В действительности в магазинах продавали мало хлеба», – сказал Хрущев [38, с. 1]. Говоря словами Б. П. Вышеславцева, советский тоталитарный режим «погрузил свой класс «трудящихся» в такую нищету и юдоль жизни, какая неведома другим цивилизованным народам» [6, с. 452]. Дж. Оруэлл считал, что, в конечном счете, советское бюрократическое государство «зиждется только на нищете и невежестве» насе-

ления. Для такого государства рост благосостояния населения «есть его гибель». Став зажиточными, «громадная масса людей» научится думать самостоятельно и поймет, что правящее привилегированное «меньшинство не выполняет никакой функции», и люди «выбросят его» [29, с. 177].

Районная газета «Красное знамя» является уникальным источником по истории Конобеевского района в 1940–1950 гг.

Список литературы

1. Андрей Андреевич Жданов // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1949. – 25 авг. – № 34 (281). – С. 2; Великая победа колхозного строя // Там же. – 1951. – 24 мая. – № 27 (391). – С. 2; Ильина А. Что дала советская власть женщине? // Там же. – 1946. – 8 мар. № 13 (90). – С. 1; Ленин и Сталин – вдохновители и организаторы победы Великой Октябрьской социалистической революции // Там же. – 1949. – 7 нояб. - № 45 (292). – С. 1 и др.
2. Бдительно охранять урожай // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1947. – 14 авг. - № 34 (168).
3. Богородицкая З. Через два дня в школу // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1954. – 29 авг. - №. 69 (725).
4. Боровский В. Обострение противоречий между капиталистическими странами // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1953. – 24 мая. – № 43 (595). – С. 2; Датлин С. Рабский труд в Южной Африке // Там же. – 1949. – 16 июн. – № 24 (271). – С. 2; Домогарских М. Успехи великого китайского народа (К четвертой годовщине со дня образования Китайской Народной Республики) // Там же. – 1953. – 1 окт. - № 79 (631). – С. 2; Иран. Справка // Там же. – 1953. – 10 сент. - № 79 (626). – С. 2 и др.
5. В райпрокуратуре // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1944. – 28 мая. – № 2.
6. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. – М., 2006.
7. Гришин А. Вести беспощадную борьбу с лжеколхозниками // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1948. – 21 мая. – № 22 (2160).
8. Гусев. Бдительно охранять общественные земли от разбазаривания // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1944. – 28 мая. – № 2.
9. Гусев. Прекратить разбазаривание общественных земель // Красное знамя (Лесное Конобеево). 1945. – 12 мая. – № 20 (51).
10. Директор совхоза им. Розы Люксембург И. Курсенко. Шестую пятилетку – в три года // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1956. – 1 марта. – № 18 (882).
11. Задачи районной партийной организации // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1954. – 17 янв. – № 5 (661).

12. Зеленин Е.И. Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: док. и материалы в 5 т. – Т. 3. – М., 2001.
13. Из письма селькора. Шумел камыш... // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1955. – 24 нояб. – № 94 (854).
14. Из постановления пленума ЦК КПСС, принятого 7 сентября 1953 г. по докладу тов. Н.С. Хрущева // О партийной и советской печати...
15. Ильин И. Что мы отвергаем // Ильин И. Справедливость или равенство? – М., 2006.
16. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов: докл. тов. Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС // Правда. – 1958. – 16 дек. – № 350 (14744).
17. К новым успехам, товарищи женщины // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1956. – 18 марта. – № 20 (884).
18. Конобеевский А. Укрепить школу достойными учителями // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1948. – 18 нояб. – № 47 (241).
19. Кузьмин В. Колхозу «Новый путь» требуется действенная помощь // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1954. – 5 мая. – № 97 (753).
20. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006.
21. Мизес Л. фон. Бюрократия. – Челябинск, 2006.
22. Муравьев М. Не повышают своих знаний // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1947. – 29 мая. – № 24 (158). – С. 2; Несерьезное отношение к политической учебе // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1947. – 5 июн. – № 25 (159).
23. На высоком уровне провести отчетные и отчетно-перевыборные собрания в колхозах // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1956. – 21 янв. – № 8 (822).
24. Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // О партийной и советской печати: сб. док. – М., 1954.
25. Обращение товарища И.В. Сталина к народу // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1945. – 6 сент. – № 36 (65). – С.1; Приказ Верховного главнокомандующего от 1 мая 1945 г. // Там же. – 1945. – 5 мая. – № 19(50). – С. 1; Ответы Председателя СМ СССР И.А. Булгарина на вопрос корреспондента ТАСС // Там же. – 1955. – 31 мар. – № 26. – С. 1 и др.
26. Обращение участников Всероссийского совещания передовиков сельского хозяйства, созванного ЦК КПСС, Советом Министров СССР и Советом Министров РСФСР ко всем колхозникам и колхозницам, работникам МТС и специалистам сельского хозяйства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1954. – 25 февр. – №16 (672).

27. О мерах по улучшению ведения газеты «Гудок» // О партийной и советской печати...
28. О мерах по улучшению районных газет // О партийной и советской печати...
29. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж., Далош Д. 1984, 1985: Романы. –М., 1991.
30. Оруэлл Дж. Свобода печати // Скотское хозяйство. –М., 2005.
31. Первая заповедь колхозов // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1949. – 21 июля. – № 29 (276).
32. Пленум райкома ВКП(б) // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1947. – 11 июля. – № 29 (163). – С. 2; XIV сессия районного совета трудящихся // Там же. – 1947. – 31 июля. – № 32 (166).
33. Пленум райкома партии // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1945. – 13 мар. – № 11 (42).
34. Пленум райкома партии // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1954. – 3 янв. - № 1 (657).
35. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 9 марта 1955 г. // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1955. – 20 мар. – № 23 (783). – С. 1; Обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям, к рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам, к военнослужащим Красной Армии и Военно-морского флота, к советской интеллигенции // Там же. – 1946. – 6 февр. – № 6(83). – С. 1–2; Социалистические обязательства колхозников и колхозниц, работников МТС и совхоза, агрономов и зоотехников Конобеевского района на 1945 сельскохозяйственный год // Там же. – 1945. – 5 апр. - № 13(44). – С. 2; Заявление руководителей государств-участников Ялтинской встречи в верхах. Конференция руководителей государств-участников Ялтинской встречи в верхах. Конференция руководителей трех союзных держав Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании в Крыму // Там же. – 1945. – 16 февр. – №7 (38). – С. 1–2 и др.
36. Постоянно бороться за качество выпускаемой продукции // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1955. – 25 дек. – № 103 (863).
37. Речь товарища А.Н. Ларионова (Рязанская область) // Правда. – 1959. – 29 янв. – № 29 (14788).
38. Речь товарища Н.С. Хрущева // Правда. – 1959. – 13 февр. - № 44 (14803).
39. Рикер П. Герменевтика, этика, политика. – М., 1995.
40. Собрание актива районной партийной организации // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1956. – 29 мар. – № 26 (890).
41. Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945. –М., 2003.

42. С районного собрания партийного актива // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1956. – 2 февр. – № 10 (874).
43. Сталинский план великих работ // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1946. – 30 мар. – № 16 (93).
44. Такие ли продавцы должны стоять за прилавком // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1948. – 22 июля. – № 30 (224).
45. Телегин А. Улучшать работу агитколлективов // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1954. – 10 апр. – № 25 (682).
46. Франк С. Личная жизнь и социальное строительство // Франк С. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. – М., 2001.
47. Хабермас Ю. Догоняющая революция и потребность в пересмотре идей. Что такое социализм сегодня? // Хабермас Ю. Политические работы. – М., 2005.
48. Шестая районная партийная конференция // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1954. – 24 янв. № 7 (663). – С. 1–2; XIV сессия районного совета трудящихся // Там же. – 1947. – 31 июл. – № 32 (166). – С. 2; VIII районная комсомольская конференция // Там же. – 1955. – 23 окт. - № 85 (845). – С. 2 и др.
49. Шестая районная партийная конференция // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1954. – 24 янв. – № 7 (663).
50. VIII районная комсомольская конференция // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1955. – 23 окт. – № 85 (845).
51. XII сессия районного совета депутатов трудящихся // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1947. – 16 июня. – № 26 (160).
52. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза // Красное знамя (Лесное Конобеево). – 1956. – 16 февр. – № 14 (878). – С. 1; 19 февр. – № 15(879). – С. 1–2; 26 февр. – № 17 (881). – С. 1–2.

УДК 94(47).084.6

Е. В. Цветкова *

ВЛКСМ в жизни молодежи 1930-х гг.

В статье автор рассматривает влияние комсомольской организации на жизнь молодого поколения 1930-х гг. и их сознание. ВЛКСМ была самой многочисленной молодёжной организацией, насчитывавшей в своих рядах миллионы юношей и девушек в возрасте с 15 до 26 лет. Главной её задачей было воспитание «нового человека» и организация членов на помощь партии и государству в деле построения социалистического общества.

* **Цветкова Екатерина Викторовна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

In the article author researches the consciousness of young people und influence on it komsomol in USSR in 1930 s. The study is based on the memories, archives materials und soviet newspapers. The main idea that VLKSM was the biggest organization of new generation und had great influence on them life und consciousness.

Ключевые слова: молодёжь, общественное сознание, ВЛКСМ, единение, государство.

Key words: young people, the consciousness, VLKSM, unity, the state.

В современных исторических условиях государство и общество всё большее внимание уделяет вопросам формирования новой идеологии, воспитания молодёжи, которая должна занимать активную гражданскую позицию и влиять на развитие страны. Актуальным в этой связи является осмысление исторического опыта и извлечение из него как положительных, так и отрицательных сторон для выполнения этой задачи.

Созданный сразу после революции, в 1918 году, с целью идейного и организационного сплочения широких масс передовой молодёжи, ВЛКСМ насчитывал в своих рядах уже миллионы молодых людей в возрасте от 14 до 28 лет. Членов комсомола с каждым годом становилось всё больше. В 1932 году более 62 % всей молодёжи Ленинграда и области являлись членам ВЛКСМ [7, с. 3]. Далее идёт увеличение этого процента. Так если в ленинградской организации в 1937 году состояло 212164 человека, то в 1940 эта цифра увеличилась до 411236 [4, с. 63]. Эти же тенденции прослеживаются и на всесоюзном уровне:

Численность членов ВЛКСМ (на 1 января соответствующего года):

1918 (октябрь) – 22000 чел.;

1927 – 2089951 чел.;

1937 – 4282309 чел.;

1947 – 7700951 чел. [10, с. 107].

Главным делом комсомольцев было участие в индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, укреплении обороноспособности СССР. Так ещё 23 декабря 1929 года ЦК ВКП(б)

принял резолюцию «Об участии комсомола в хозяйственном строительстве». Это решение нашло отражение в жизни. Например, «комсомольская ячейка деревни Марьино-Знаменское единогласно постановила коллективизироваться на 100 процентов. Вызвали на соревнование соседнюю ячейку. Развернули широкую агитацию среди остальных членов семьи» [5].

Но всё же, основной целью было воспитание «нового человека». В программе ВЛКСМ, принятой на X съезде в апреле 1936 г. отмечалось: «...ВЛКСМ имеет своей задачей помощь коммунистической партии (большевиков) в деле воспитания молодёжи и детей в духе коммунизма. Сочувствуя программе ВКП (б), ВЛКСМ помогает партии большевиков и Советскому правительству в выполнении великой исторической задачи – строительство коммунистического общества» [3, с. 529].

Большое внимание уделяли политическому образованию. Систематически и регулярно на разных уровнях комсомольской организации проводились обсуждения и читки постановлений правительства и партии, изучалась история рабочего движения и революционной борьбы. Например, в Ленинградском Государственном университете имени А.А. Жданова в феврале 1935 года обсуждалось закрытое письмо ЦК ВКП(б). На общем собрании в соответствии с наказом партии сделали вывод: «Прения носили характер здоровой самокритики, высокой политической заострённости, направленной на перестройку комсомольской воспитательной работы, на повышение классовой бдительности и на пересмотр рядов всей комсомольской организации истфака» [11, с. 1].

Задача воспитания советской молодёжи состояла в том, чтобы переделывать психологию молодого человека не только «в основном», а до самых мелочей. Никакого личного мнения не могло быть, коль существовало мнение коллектива. Любое суждение, отличное от официального, объявлялось неверным, аполитичным.

Юноши и девушки должны были быть готовы к испытанию трудностями, к беззаветному служению идеалам коммунизма. Комсомольцы тех лет и не помышляли жить своим домом, заводить хозяйство. Жили коммуной, дружно. «Получку, премию – на стол:

каждый берёт сколько хочет. Уйти на гулянку в штанах товарища, оставив его без оных, – ничего особенного. Позор не выйти на ночной комсомольский субботник, но вполне можно не выйти на обычную дневную смену. Вели спор, надо ли бороться с клопами в бараке. Постановили: комсомолец выше мелочей быта» [15, с. 145]. Такие свидетельства членов комсомольской организации не редкость. Они говорят о сплочённости, высокой степени коллективизма в их рядах. Это имеет, несомненно, положительные стороны, но за коллективизмом можно потерять конкретного человека.

Исследователь Барулин В.С. отмечает, что чувство слитности с обществом явилось принципиальным сдвигом в развитии ментальности российского человека в XX веке. И прежде всего это произошло у крестьян и рабочих. Но комплекс слитности российского человека был не только и столько связью, единством равно развивающихся сторон человека и общества, сколько процессом своеобразной растворённости человека-индивида в социуме, поглощённость человека-индивида партийно-государственным социумом [1, с. 270–272]. И как следствие этого процесса можно отметить пассивность, нежелание выделяться из общей массы, имманентная слабость отдельного человека.

Сфера влияния комсомольской организации была обширна: как отмечалось выше, от политического воспитания до личной жизни её членов. Комсомол следил за классовой принадлежностью членов, вникая в семейные проблемы. «Я никогда не думал о скрытии социального происхождения, – отчитывался на комсомольском собрании студент Ленинградского Восточного Института Гуревич, – Отец мой служил, правда имел аптеку. Я думал, что я правильно укажу, что отец мой служащий. Считаю свой поступок не комсомольским» [14, с. 2]. Организация пыталась регулировать и взаимоотношения между девушками и юношами, указывая на то, как себя надо вести, формулировала нормы морали: «Кем является для тебя девушка, что значит нормальное отношение? – Под нормальным отношением я подразумеваю товарищество» [14, с. 42]. Доходило даже до абсурда: «Некоторые активисты неправильно понимают задачи работы с женской молодёжью, поднимают на щит явно надуманные «пробле-

мы». Кое-где договорились до того, что предлагали рекомендовать комсомолкам согласовывать будущего мужа с комсомольской организацией» [8].

Заметный рост численности организации в 1930-е гг. говорит не только о всеобщем порыве молодого поколения организовано влиять на судьбу страны. Как отмечает Бронислава Яковлевна Коган: «Мы все были молодые, все тянулись в комсомол, тянулись к новому. И партийные тянулись к новому. Думали, что вот настает настоящая эра, свобода» [6, с. 215]. Часть видела в этой организации способ лучше устроиться в жизни, получить больше привилегий, и это толкало на вступление в ВЛКСМ.

Изучая архивные материалы комсомольской организации, её историю, складывается впечатление о сплочённости её рядов, о высокой сознательности членов. Но есть свидетельства, указывающие на абсолютно противоположное положение вещей. Например, многие молодые люди пропускали общие собрания, были пассивны, не проявляли должной активности или не платили членские взносы: «Блинов говорит, что комсомол стоит очень дорого и просит, чтобы от него отобрали комсомольский билет; заявлял он это на митинге при всех рабочих» [12, с. 2].

В 30-е годы прослеживается явная тенденция усиления давления комсомола на молодое поколение. И если в 1933 г. его члены могли высказать критику и своё пренебрежение к вопросам организации, то к 1937 г. таких свидетельств практически нет.

Контроль ужесточился к середине 30-х годов в связи с общей тенденцией государства к усилению классовой бдительности, борьбе с внутренними и внешними врагами. Так на ленинградском заводе «Красный металлист» в ходе закрытого собрания первичной комсомольской организации отмечалось: «В условиях нашей организации есть ряд лиц которые ещё до сих пор не выявлены, бывшие зиновьевские оппозиционеры. За последнее время исключены по заводу ряд членов партии за принадлежность, т. е. поддержку зиновьевской линии. Доброхвалов приятель Троцкого вёл подрывную работу в заводе...» [13, с. 2]. Репрессии серьёзно затронули комсо-

мольскую организацию и реакция на них была неоднозначной: «Быть активным – обязанность каждого комсомольца» [9].

ВЛКСМ был не единственной организацией, сплочавшей молодое поколение. Как вспоминает Д. Гранин, «к портрету молодого человека 30-х годов следует, как правило, пририсовать значки. Их висело по нескольку на пиджаке. У каждого свой набор. Значки МОПРа, общества "Друг радио" (ОДР), "Друг детей" (ОДД), "Долой неграмотность" (ОДН). Были даже общество "Долой рукопожатие", "Общество смычки города с деревней"» [2, с. 69]. Юноши и девушки были практически все вовлечены в общественный процесс. Всё это рождало единение поколения, активность жизненной позиции, чувство необходимости людям.

В воспоминаниях И. Эренбурфа о молодёжи 1930-х годов мы отмечаем: «Удивляло меня другое – первые побеги нового сознания, подростки, раскрывающие книгу жизни и захваченные лихорадкой строительства не только фабрик или домов, но и своего сознания» [16, с. 43]. И одну из определяющих ролей в этом играл ВЛКСМ.

Комсомол занимал огромное место в жизни молодого поколения, оказывая прямое влияние на его сознание. Но во второй половине 30-х годов происходит окончательная деформация этой организации в придаток партии, а отсюда утрата самостоятельности, навязывание единомыслия. В рядах комсомола не могло существовать нескольких мнений на политику государства, вопросы общественной жизни. Интенсивным было прославление Сталина. Одновременно комсомол оказывал огромную позитивную роль в деле воспитания, формируя у молодёжи такие качества, как патриотизм, самоотверженность, доблесть, сплочённость, уверенность в будущем.

Список литературы

1. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. – СПб., 2000.
2. Гранин Д. Ленинградский каталог / Тайный знак Петербурга. – СПб.: Логос, 2000.
3. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918–1968). – Т. 1. 1918–1941. – М., 1969.

4. Кузнецова Л.С. Ленинградская партийная организация в предвоенные годы (1938 – июнь 1941) – Л., Ленииздат, 1974.
5. Ленинградский студент. – 1930. – 12 февр.
6. На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х гг. // Нева / под общ. ред. М. Витухновской, 2000.
7. Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. – Л., 1969.
8. Смена. – 1935. – 17 авг.
9. Смена. – 1940. – 22 окт.
10. Страна Советов за 60 лет. Статистические материалы. – М., 1977.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. К-141. Оп.1. Д. 2.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. К 165. Оп.1 Д. 1-б.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. К-281. Оп. 1. Д. 8.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. К-600. Оп. 1. Д. 54.
15. Чёрный М. Юность комсомольская. – Клинцы, 1999.
16. Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. – Т. 1 – М.: Сов. писатель, 1990.

УДК 94(47).084.6

В. О. Левашко *

Сталинская конституция. Тенденции модернизации советского общества

В статье рассматривается опыт модернизации советского общества, начало которому было положено Конституцией СССР 1936 г. Основное внимание сосредоточено на новациях, которые Конституция приносила в советское общество, а также на противоречиях сталинской Конституции.

In this article the experience of the modernization, which began with Constitution of USSR of 1936 is considered. The main attention is concentrated on innovations which the Constitution brought in soviet society and on contradictions of Stalin's Constitution.

Ключевые слова: модернизация, демократизация, советское общество, тенденция, декларация, Конституция СССР.

* **Левашко Вадим Олегович**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Key words: modernization, democratization, contradictoriness, soviet society, tendency, declaration, the Constitution of USSR.

Опыт анализа исторических событий, в том числе и наш собственный, ещё раз подтверждает простую истину: в истории нет и не может быть однозначных трактовок и оценок. Даже самые простые события при серьёзном анализе представляют нам целую гамму интерпретаций, зачастую взаимоисключающих. Что же говорить о явлениях, событиях и процессах, затрагивающих миллионы людей и выходящих по масштабам и последствиям за границы одной страны! Одним из таких масштабных явлений была Конституция СССР 1936 года, получившая в нашей стране название сталинская. На настоящий момент в исторической науке накопилось множество оценок этого документа начиная от самых восторженных, и заканчивая самыми негативными. И те, и другие по-своему правы. Мы сделаем попытку в этой статье рассмотреть те модернизационные тенденции в Конституции 1936 года, которые сделали возможными столь противоречивые оценки.

Действительно, к 1936 году в Советском Союзе произошли огромные, если не сказать – глобальные, изменения как в экономической, так и в политической сферах. Характеризуя СССР в середине 1930-х годов, Бернارد Шоу писал: «Перед лицом всей экономической некомпетентности, политической беспомощности, финансовой несостоятельности Россия гордится своими бюджетными активами в 750 миллионов долларов. Её население занято до последнего мужчины и женщины, её научное сельское хозяйство удваивает и утраивает свои урожаи. Она блистает своими работающими полным ходом фабриками... – атмосферой, которой не знала ни одна цивилизованная страна» [10, с. 58]. Завершение процессов индустриализации и коллективизации, изменение классового состава общества, насущные проблемы межнациональных отношений настойчиво требовали пересмотра основного закона государства. 12 июля 1936 года проект новой Конституции СССР был опубликован для всенародного обсуждения. Материалы широко освещались в печати. Так, 13 октября 1936 года газета «Правда» отмечала: «Сотни и тысячи резолюций, предложений по проекту Конституции стекаются

в Ленинградский облисполком со всех концов области... Свыше 2,5 тысяч дополнений, поправок и предложений уже поступило от трудящихся».

Много дополнений было предложено по статье о службе в Красной Армии. Они сводились к тому, чтобы допустить к службе женщин, ввести для них обязательную санитарную подготовку. Были предложения предоставить гражданам право отзывать народных судей, не оправдавших доверие, установить срок выбора народных судей в 2 года [1, с. 1] По неполным данным, в целом по стране в обсуждении приняли участие 33 663 тысячи человек [6, с. 180].

Не имеет смысла отрицать, что это обсуждение носило во многом организованный характер. Однако сам факт имел большое значение для развития общественного сознания советских людей. Английский писатель Ч. Тревельян писал о советской Конституции 1936 года: «Конституция не была творением Сталина, хотя нет сомнения, он принял участие в основном проекте. Этот проект был первым из всех обсужден и принят Верховным Советом... Таким образом, Конституция была делом всего народа» [3, с. 27]. Едва ли можно безоговорочно согласиться с подобным утверждением. Между тем, несомненно, и то, что пропагандистская кампания, сопровождающая обсуждение, имела большое значение для становления новых, а в сущности – возрождения старых, моральных понятий. Уже в ходе обсуждения на первый план выходит понятие Родины, Социалистического Отечества, советского государства, успехами которого и вызывается к жизни новая Конституция. Таким образом, СССР отходил от ценностей революционных, интернациональных и заявлял о ценностях государственных, патриотических. Показательно, что в это время происходит значительная модернизация внешней политики СССР, замирает деятельность Коминтерна, направленная на подготовку мировой революции, и всемирная коммунистическая организация переориентируется на антифашистское направление.

Эта же тенденция прослеживается и в докладе Сталина на VIII Чрезвычайном Всесоюзном Съезде Советов. Представляя новую Конституцию, И.В. Сталин отмечал крупные успехи в народном хо-

зяйстве социалистического Отечества: «Новые промышленные предприятия давали в 1936 году 75,4 % всей промышленной продукции. Продукция промышленности составила 77,4 % от всей продукции народного хозяйства. К 1937 году в СССР было создано 243,7 тысячи колхозов, объединивших 93 % всех крестьянских хозяйств и 99,1 % посевных площадей. Общая мощность тракторов, полученных сельским хозяйством, достигла 7 млн 580 тысяч лошадиных сил» [2, с. 1].

Изменена классовая структура общества, где остались два неантагонистических класса – рабочих и колхозного крестьянства.

Были ликвидированы такие, по мнению Сталина, пережитки, как вековая отсталость народов и межнациональная вражда. Всё это прочно связывалось с возрождёнными понятиями Отечества и Социалистического государства.

Все эти изменения нашли отражение в проекте новой Конституции. Значительной модернизации подверглось территориальное и национальное деление СССР. Закавказская Федерация, созданная в свое время для «установления и укрепления мира и братства народов» Закавказья, была объявлена изжившей себя, и необходимость ее существования как специального органа укрепления межнационального мира исчезла. Поэтому, по новой Конституции на Кавказе существовали 3 полноправные союзные республики – Армения, Грузия и Азербайджан.

Развитие хозяйства в Средней Азии, решение существовавших там межнациональных проблем привели к превращению Казахской и Киргизской автономных республик в союзные. Подобные трактовки причин принятия новой Конституции, несомненно, были приняты советскими гражданами, способствовали формированию доверия к власти, что чрезвычайно важно для формирования системы духовных ценностей. Следует особо подчеркнуть национальные аспекты Конституции, они были исключительно важны для решения межнациональных и межрелигиозных проблем, что для нашей страны всегда было весьма актуально. Становится ясно, что направление советской Конституции 1936 года это направление государственное.

Следующей тенденцией, которую можно вывести из анализа Конституции 1936 года, является тенденция к определенной модернизации общества. Предусматривалась демократизация системы органов государственной власти, значительное изменение регулирования прав и свобод граждан. Новый избирательный закон провозглашал абсолютно равные выборы, исключив предоставление привилегий рабочему классу перед крестьянством и интеллигенцией, и лишая права голоса лиц, относящихся к эксплуататорским классам и нетрудовым элементам. Многоступенчатые и открытые выборы заменялись прямыми при тайном голосовании. Выборы депутатов во все Советы являлись теперь всеобщими.

Конституция декларировала гражданам СССР всю гамму политических, экономических и социальных прав. Женщины были уравнены в правах с мужчинами. Всем гражданам СССР предоставлялось равное право на труд, образование, материальное обеспечение. Добросовестные западные исследователи особо отмечают этот аспект советского основного закона. Конституция декларировала свободу слова, печати, собраний и митингов, право объединяться в общественные организации, неприкосновенность жилища, тайну переписки, право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, за национально-освободительную борьбу и научную деятельность. Говоря о праве граждан, на объединение в общественные организации, 126 статья Конституции указывала, что наиболее активные и сознательные граждане объединяются во Всесоюзную Коммунистическую Партию большевиков, что объясняется отсутствием в Советской стране антагонистических классов и общностью интересов внутри советского общества.

Впервые права и свободы были закреплены в общесоюзной Конституции, а не в республиканских Основных Законах, как это было ранее, что отвечало укреплению законности в общесоюзном масштабе. Одновременно был значительно расширен перечень прав и свобод граждан. Особенно важно, что впервые в Конституцию внесены не только политические и экономические, но и личные права граждан. Впервые в Конституции были закреплены неприкос-

новенность личности и жилища. Профессор Р.М. Раимов в своей работе указывал, что новая Конституция возложила на граждан СССР серьезные обязанности: исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, защищать Социалистическое Отечество [8, с. 50]. Последняя формулировка еще раз подтверждает ориентацию новой Конституции на формирование патриотизма как основы морально-политического климата советского общества.

Огромное влияние на морально-политическое состояние страны оказала и отмена института «лишенцев» и уравнивание всех граждан в правах. Таким образом, новая Конституция заложила существенную основу для более эффективной работы по формированию более устойчивого морального потенциала общества на исторически сложившихся принципах.

Оценивая Конституцию, американская коммунистка Элла Блур, посетившая СССР в момент выборов Верховного Совета СССР по новому избирательному закону, отмечала: «Выборы явились кульминацией непрерывного демократического процесса, посредством которого весь народ день за днём непосредственно участвует в решении любых задач, которые затрагивают его жизнь» [2, с. 233]. Можно возразить, что и Бернارد Шоу и «мама Блур» были давними друзьями и сторонниками СССР, и ждать от иных оценок вряд ли приходится. Это так! Но правильно и то, что это был взгляд людей посторонних, не подвергавшегося массивной обработке советского пропагандистского аппарата! И если это так, то очень важно, что эти люди, весьма и весьма знакомые с демократическим законодательством и традициями, разглядели в советской Конституции тенденции этой самой демократии.

Но мы должны помнить, что именно Конституция 1936 года стала законодательной основой формирования в СССР тоталитарного общества. Именно Конституция стала основой законодательства второй половины 30-х годов, на основе которого в нашей стране проводились массовые репрессии! В чём причины такого парадокса? Несомненно, в двойственности самой Конституции. Первым фактом мы можем считать явную декларативность большинства по-

ложений Конституции. Эта декларативность была видна невооружённым глазом на фоне набирающей обороты машины репрессий, зажима и уничтожения малейшего, даже кажущегося инакомыслия. Английский исследователь Дж. Хоскинг отмечал, что хотя свободы и были декларированы, но никому бы в СССР не пришло в голову ими воспользоваться [9, с. 220]. Характеризуя первые выборы, проведённые по новой Конституции, современник вспоминал: «Да, это был невообразимо чудесный восход «солнца Сталинской Конституции», торжество симулирующей демократии. Демонстрация единства населения на выборах без выбора. А в действительности – торжество псевдодемократии на фоне чумы репрессий» [8, с. 161]. Это оказывало самое отрицательное воздействие на моральный дух общества, укрепляло в нем семена недоверия к власти и как следствие приводило к становлению в обществе двойной морали.

Ещё одна негативная тенденция Конституции связана с положением ВКП(б), законодательно закреплённом в Основном законе. При первом взгляде на Конституцию эта тенденция была не слишком заметна. Так, уже упоминавшаяся нами Элла Блур, характеризуя роль ВКП(б) на выборах, отмечала, что Коммунистическая партия только: «...поддерживает беспартийных кандидатов как своих собственных» [2, с. 233]. Но при внимательном анализе становится ясно, что «мама Блур» серьёзно ошибалась. Являясь, как это уже было сказано, организацией наиболее сознательной и активной части населения, партия получала законодательное право контролировать все сферы деятельности общества и государства. Это привело к формированию параллельного аппарата, который контролировал всё деятельность государства от отдельных предприятий, где с ещё с 1933 года действовали политотделы, до Центрального Комитета, выносившего решения по основным вопросам государственного строительства. Можно согласиться с В.Л. Петровым, который отмечал: «Принимая на себя хозяйственные, экономические, военные и иные обязанности ВКП(б) окончательно трансформировалась в государственную партию. По сути, в СССР возникло партийное государство» [4, с. 5]. Можно много спорить о значении такого положения для страны в предвоенных и военных условиях, но, с точки зрения государственного права, оно

имело самые негативные последствия, порождая в обществе неверие государству, двойной стандарт мышления и опять-таки двойную мораль. Присутствие этих положений и позволяет нам выделить в весьма демократической по букве Конституции 1936 года явные тенденции тоталитаризма. Лишённая всякой власти, государственная машина, ни в коем случае не могла создать гарантии всех тех благ, которые предписывала Конституция.

Каков же вывод? В начале 1990-х годов в обществе широко обсуждались материалы, опубликованные в двухтомнике «Без ретуши» [1]. На страницах этого издания положение в СССР в период 1930-х годов было подвергнуто серьёзной критике. Но, что удивительно, авторы сборника ни словом не упомянули Сталинскую Конституцию. Почему? Не потому ли, что не смогли дать ей однозначно негативной оценки?

Конституция, как и многое из того, что произошло в нашей стране во второй половине 1930-х годов, представляет собой весьма сложное явление. Да, именно на основании сталинской Конституции в нашей стране было построено тоталитарное общество с его репрессиями, зажимом свободы и т. д. Но Конституция 1936 года ознаменовала собой отказ от перекосов революционных времён, от превалирования ценностей интернациональных над ценностями патриотическими. Именно в результате конституционной модернизации общества в 1936 года были заложены положения государственности, без которых не может существовать ни одно государство, если оно на что-то претендует, если оно хочет видеть себя великим. Теперь Советский Союз и во внешней, и во внутренней политике мог исходить из того, что было прежде всего необходимо стране (как тут не вспомнить, как разорённая и обнищавшая за время Гражданской войны РСФСР оказывала финансовую помощь мировой революции в Германии и других странах Европы). На основе, ценностей патриотизма и государственности советский народ в 1941–1945 гг. сражался за своё Отечество не думая о том какое оно, социалистическое, или какое-нибудь ещё. Это было то самое Отечество, за которое дрались Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, и Пётр Великий, имена, которых, кстати, были реабилитированы и в отечественной науке и в отечественном искусстве именно после принятия Конституции 1936 года.

Список литературы

1. Без ретуши: Страницы советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях. – Л.: Лениздат, 1991.
2. Блур Э. На двадцатой годовщине первого мире социалистического государства. Писатели США о Стране Советов. – Л.: Лениздат, 1983.
3. Время, отлитое в строки. – Л.: Лениздат – 1968 – С. 180.
4. Петров В. Л. Страна готовится к отражению агрессии // Воен.-ист. журнал. – № 6, 1995 г.
5. Правда – 1936 г. 13 окт.
6. Правда – 1936 г. 26 окт.
7. Раимов Р.М. СССР в период проведения Сталинской Конституции, завершение строительства социализма 1935 – 1941/ Р. М. Раимов. – М.: 1953.
8. Стадлер А. Современники ГУЛАГА – Магадан, 1991.
9. Хоскинг Дж. История Советского Союза. – М.: Дрофа, 1994.
10. Шоу Дж. Б. Ответ простакам. Английские писатели о Стране Советов – Л.
11. Hon. Sir Charles Trevelyan. It is democracy. // Soviet Russia Today. – 1944. – Oct. – P. 27.

УДК 94(47)

*Е. Л. Киселева **

Из истории чистки наркомата почт и телеграфов СССР

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть события чистки в Радиуправлении Наркомата почт и телеграфов СССР (НКПТ СССР).

Основным комплексом источников для изучения обозначенного сюжета стали материалы сохранившиеся фондах Центральной комиссии по чистке советского аппарата НК РКИ СССР (Ф. 8341) и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР (Ф. 374), Государственного архива РФ (ГА РФ).

Ставшие доступными для исследования протоколы и стенограммы заседаний центральной комиссии по чистке НКПТ СССР, а также материалы к ним позволяют восстановить события чистки в наркомате и отчасти проследить за судьбами тех, кто прошел через нее.

* **Киселева Екатерина Львовна**, аспирант, Институт Российской Истории Российской академии наук, Москва.

In this article was undertaken an effort to submit the events of cleaning the state Radiomanagement of Narkomat of post-offices and telegraphs of the USSR.

The main group of sources for investigating of this question became the materials, which are kept in the fund of Central commission of the cleaning of the state soviet system of NKPT USSR (F.8341) and Narkomat of labour-peasantry inspection of the USSR (F.374). of the State archive of Russian Federation.

Became accessible the official records and verbatim records of conferences of the Central commission of the cleaning of the state soviet system of NKPT USSR and materials to them let us recreate the events of cleaning in Narkomat and the fates of those people, who went through it.

Ключевые слова: чистка, бюрократизм, НКПТ СССР; компромат, кампания, госаппарат, массовые репрессии, стенограммы.

The key words: the cleaning, the bureaucratism, NKPT USSR, compromat, the company, the state system, mass repressions, the official records.

Широкое «наступление социализма по всему фронту» дало толчок очередной кампании «очищения». На XVI партийной конференции ВКП(б), проходившей в апреле 1929 г., было принято официальное решение провести «генеральную» чистку партии и развернуть широкую борьбу с бюрократизмом путем чистки госаппарата. Чистка государственного аппарата проходила как шумная кампания. Непосредственное руководство и ее проведение было возложено на Центральную комиссию по чистке советского аппарата (ЦКЧСА) НК РКИ СССР под председательством Я.Х. Петерса. В ее основе была идея создания послушного аппарата путем замены «бывших» специалистов «выдвиженцами» от станка, причем такая замена, по замыслу, должна была осуществляться уже в ходе чистки из активистов рабочих бригад, ее проводящих.

Начало «генеральной чистке» госаппарата 1929–1932 гг. было положено постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1929 г. «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций», согласно которому органам РКИ предоставлялось право выносить постановления о запрещении службы лицам, чья деятельность «безусловно вредит интересам рабочего класса», обязательные для всех учреждений, кооперативных и общественных организаций [6. ст. 313]. Задачи чистки, порядок, мето-

ды и сроки ее проведения определялись «Инструкцией НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата», утвержденной на объединенном заседании Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ СССР и РСФСР в начале мая 1929 года и одобренной СНК СССР [4. Оп. 1. Д. 79. Л. 73]. В инструкции были выделены три категории для лиц, подлежащих «вычистке» из аппарата.

К первой категории относились те лица, оценка работы которых показывала «абсолютную невозможность их исправления». Они лишались права работать в советском аппарате, права на выходное пособие, пособие по безработице и права на пенсию, а также ставились биржами труда на особый учет.

Ко второй категории были отнесены те, «кто еще может исправиться, но которых вредно оставить в данном учреждении». На практике для работников центрального аппарата это означало смену места жительства и работу на периферии.

Третью категорию составляли те, кого по мнению комиссии, «нецелесообразно использовать на ответственных должностях» [5. Оп. 1. Д. 79. Л. 9]. Предполагалось, что «вычищенные» начальники, обладающие опытом и знаниями, останутся в аппарате на технической работе при выдвиженцах.

Чистка центральных учреждений союзного значения началась в июне 1929 г. с Наркомата финансов СССР, Наркомата труда СССР. Синхронно проходила чистка соответствующих республиканских наркоматов.

1930 год был решающим годом чистки. В течение этого года была проведена чистка четырех союзных наркоматах – ВСНХ СССР, НКПС СССР, НКПТ СССР и НКТорга СССР.

Чистка касалась в основном руководителей среднего звена и рядовых сотрудников учреждений. Персональные дела наркомов, замнаркомов и членов коллегий наркоматов при необходимости заслушивались на заседаниях Президиума ЦКК ВКП(б)

Наркомат почт и телеграфов СССР (НКПТ СССР) был образован 6 июля 1923 г., являясь, по сути, правопреемником Наркомпочтеля РСФСР. Как учреждение общесоюзной компетенции, он осуществлял руководство и технический надзор за всеми видами и

средствами связи, занимался вопросами разработки законодательства в области связи. В 1928 г. в связи с ликвидацией АО «Радиопередача» в ведение НКПТ было передано радиовещание, а в его составе образовано Радиоуправление. Один из сотрудников, выступая на заседании комиссии по чистке, образно назвал наркомат «конторской фабрикой», где соединялись воедино техническая, коммерческая части и искусство [2. Оп. 1. Д.379. Л. 129].

Следует отметить, что аппарат НКПТ СССР в отличие от других наркоматов выступал активным сторонником чрезвычайных мероприятий советской власти. Достаточно показательными являются следующие два факта, о которых упоминалось в документах комиссии по чистке наркомата. В начале 1929 г. актив Радиоуправления выступил с обращением к крестьянскому населению: «Там, где будут сняты колокола, там пройдет радиофикация». Осенью 1929 г. заведующий Отделом массовой работы Радиоуправления Д.И. Аристархов вместе с другими сотрудниками отдела отправился в командировку на Северный Кавказ «на заготовки кулаков» для организации суда в Радиотеатре НКПТ СССР. Однако мероприятие было запрещено Наркомюстом РСФСР [2. Оп.1. Д. 383. Л. 6, 74].

К началу чистки штат наркомата составлял 1419 человек, а штат Радиоуправления – 516 [2. Оп.1. Д.383. Л. 10].

С самого первого дня, как свидетельствуют протоколы заседаний Центральной комиссии по чистке НКПТ СССР, возникли трудности с привлечением рабочих в состав подкомиссий и рабочих бригад. Так, например, никак не удавалось собрать достаточное количество рабочих завода «Мосэлектрик». Вопрос о подкомиссии по чистке Радиоуправления фактически оставался открытым до начала марта. Вызваны они были страхом членов комиссии привлечь рабочих от станка к чистке творческих работников, которых в Радиоуправлении было большинство, с одной стороны, нежеланием или боязнью самих рабочих принимать участие в чистке Радиоуправления, с другой. В результате было принято решение о «докомплектовании подкомиссии из списка свободных выдвиженцев» [2. Оп.1. Д.383. Л. 10]. Член рабочей бригады по чистке Радиоуправления работница Зародова на одном из заседаний комиссии по чистке Отде-

ла искусств Радиоправления позже вспоминала: «В Радиоправлении получилась очень нехорошая штука, я, когда только шла туда на чистку, товарищ Мусатов мне по дороге говорил, что давайте нам головастых ребят, что скажут работники искусства и ученые. Они скажут: Вы ни черта не понимаете в искусстве. Когда я шла НКПТ, у меня было такое предчувствие, что это нам скажут» [2. Оп. 1. Д. 378. Л. 20].

С марта 1930 г. рабочие бригады приступили к изучению работы. Они заняли отдельные помещения, куда приносились документы проверяемого подразделения, которые требовали первоочередной проверки. Периодически сотрудники вызывались бригадами для дачи пояснений по тем или иным вопросам. Беседы и допросы сотрудников в рабочей бригаде зачастую затягивались до поздней ночи. Внешне идеально работала схема постепенного «овладения рабочих госаппаратом», пропагандируемая в периодической печати тех лет. Однако отношения между членами рабочих бригад, сотрудниками и руководителями структурных подразделений, как и в других наркоматах, складывались непросто. Зачастую возникали конфликты, разрешение которых требовало вмешательства самого председателя комиссии. Так, конфликт возник вокруг бригадира одной из рабочих бригад по чистке Радиоправления – Ермакова, который активно вмешивался в творческий процесс, о чем будет рассказано ниже.

Итогом деятельности рабочих бригад были списки сотрудников для «персональной чистки». В этих списках указывалась мера наказания, которой, по мнению бригады, должен быть подвергнут тот или иной сотрудник. Всего, согласно сохранившимся протоколам, в НКПТ через «публичное чистилище» прошли 205 человек. Инициативой и нововведением Центральной комиссии по чистке НКПТ были открытые общие собрания в духе традиционных для того времени публичных судебных процессов в Центральном доме связи или Радиотеатре. На такие собрания удавалось собрать от 400 до 800 человек, и проходили они, как правило, до поздней ночи [2. Оп. 1. Д. 379. Л. 53].

Радиоуправление было тем структурным подразделением, где в ходе чистки столкнулись две идеологии – уходящего в прошлое нэпа и набирающей силу идеологии административно-командной системы.

Бурное развитие радио и те широкие возможности воздействия на массовое сознание, которые оно открывало, стали благодатной почвой, как для идеологической борьбы, так и для разного рода местных конфликтов. Ликвидация АО «Радиопередача» и создание Радиоуправления в составе НКПТ СССР было ни чем иным, как идеологическим наступлением административно-командной системы на свободы, дарованные нэпом. Как уже упоминалось выше, ситуация в Радиоуправлении была объектом особого внимания со стороны органов партийного и государственного контроля. Характеризуя ситуацию внутри Радиоуправления, замнаркома Н.И. Смирнов образно сравнил ее с атмосферой в банке с пауками, пожирающими друг друга [1. Оп. 28. Д. 3584. Л. 76]. Начавшаяся чистка послужила своеобразным катализатором, который вскрыл и обострил идущие процессы. Подкомиссия по чистке Радиоуправления в поисках классового врага на идеологическом фронте активно вмешивалась в творческую работу сотрудников. Как и в других структурных подразделениях наркомата, здесь рабочие бригады совершали «налеты» на письменные столы сотрудников и изымали все хранящиеся там бумаги. Однако если изъятие технических заданий и проектов из столов сотрудников, например, Отдела сооружений наркомата, могло рассматриваться как поиски «следов» бюрократизма, то изучение текстов радиопередач с точки зрения их соответствия задачам социалистического строительства было не чем иным, как наступлением на идеологические свободы, привнесенные нэпом, что вызывало активный протест со стороны сотрудников.

В фонде НК РКИ СССР сохранилось заявление руководителя Отдела искусств Радиоуправления М. Логинова наркомму НКПТ СССР Н.К. Антипову и зам. наркома НКПТ СССР Н.И. Смирнову от 8 августа 1930 г.: «В самом начале чистки из стола т. Лопашова – зав. оперной труппой – исчезла рукопись Адуева «Крещение Руси». В настоящее время эта рукопись найдена в делах комиссии по чист-

ке. Довожу до Вашего сведения о том, что за время моей службы это уже второй случай кражи документов для передачи контролирующими органами. Прошу Вашего распоряжения о расследовании этого дела» [1. Оп. 28. Д. 3584. Л. 112–111].

Имя бригадира Ермакова в Отделе искусств стало нарицательным. О методах работы бригады красноречиво свидетельствует его выступление на заседании комиссии 20 марта 1930г. В качестве иллюстрации приведем лишь один фрагмент: «Мы пошли на передачу, я повторяю, мы сами присутствовали с бригадой. Это был день 8-го марта. День посвященный работнице. Передаются песенки Шумана. Правда, может быть это очень известный композитор, но такие передачи не для дня работницы. Дальше поет артистка. Голосок ничего, но цикл совсем неподходящий. Она, например, поет песенку, как молодая женщина обручилась с молодым человеком, любит его и т. д. В этом жизнь женщины. Нужны ли такие песенки в день 8-го марта, день международной работницы?! Мы говорим, что это плохой политический подход. Плохо дело обстоит с руководством. К следующему дню работницы нужно составить более подходящую программу, более политически выдержанную» [2. Оп. 1. Д. 378. Л. 7].

В отличие от выдвиженца Ермакова, который с октября 1929 г. работал в Радиоуправлении и, судя по выступлениям, «знал» как следует оценивать работу его сотрудников, другие бригадиры и члены рабочих бригад, впервые оказавшись в среде творческих работников, не имели об этом никакого представления. Об этом свидетельствует высказывание бригадира Савельева, которое цитировал руководитель Отдела искусств М. Логинов в своем письме на имя Я.Х. Петерса [1. Оп. 28. Д. 3584. Л. 49]. Непонимание порождало конфликты. В.С. Калашников как председатель комиссии по сведениям сохранившихся источников делал отчаянные и безуспешные попытки их локализации. В результате решением Центральной комиссии по чистке НКПТ СССР от 10 мая 1930 г. подкомиссия по чистке Радиоуправления была ликвидирована, а дела по персональной чистке стали рассматриваться непосредственно на заседаниях центральной комиссии [2. Оп.1. Д. 376. Л. 45].

Всего по данным сохранившихся протоколов заседаний Центральной комиссии по чистке НКПТ СССР через персональную чистку прошли 60 сотрудников Радиоуправления, из которых по 1 категории был снят один человек; вторую категорию получили – 3 человека; третья категория была применена к 10 сотрудникам. Без категории было снято с должности или уволены из аппарата наркомата 14 человек; получили административные взыскания – 18 человек. Было решено «считать проверенными» 12 сотрудников, подвергнутых персональной чистке, а окончательное решение в отношении двух сотрудников было отложено до получения результатов дополнительного расследования.

К сожалению, нам не удалось обнаружить протокол по чистке сотрудника Радиоуправления И.Р. Франца, уволенного из НКПТ по 1 категории. По данным сохранившихся источников можно лишь догадываться о содержании предъявленных ему обвинений. В докладной записке об итогах чистки в НКПТ СССР на имя наркома НК РКИ СССР Г. К. Орджоникидзе, многочисленные проекты и версии которой сохранились в фонде Центральной комиссии по чистке советского аппарата, указывалось, что уполномоченный по радиофикации И. Р. Франц в официальном письме о причинах срыва радиофикации на селе предлагал «взрывать с низов закостенелый бюрократический аппарат ВСНХ» [2. Оп. 1. Д.383. Л. 5]. Из текста сохранившихся протоколов видно, что окончательное решение по делу И. Р. Франца откладывалось комиссией, поскольку «сверху» поступали обращения о пересмотре дела [2. Оп. 1. Д. 3584. Л. 42]. О том было ли пересмотрено решение комиссии в отношении И.Р. Франца, документов обнаружить не удалось. Можно лишь предположить, что на момент подведения итогов чистки оно еще оставалось в силе [2. Оп. 1. Д. 3584. Л. 42].

В вышеупомянутой докладной записке сообщалось, что в ходе проверки радиовещания были выявлены нередкие случаи включения в эфир музыки «мистической, чуждого нам пафоса», поэтому один из основных «ударов» чистки был направлен на сотрудников Отдела искусств. По второй категории были уволены: помощник режиссера Отдела Искусств Б. И. Толмачевский, как «негодный для

строительства новой оперы», С.Н. Исаев – музыкант Отдела искусств, как «лжеспециалист», с запрещением занимать штатные музыкальные должности и В.М. Степанов – трубач симфонического оркестра с запрещением работать в Москве, Ленинграде и Харькове в течение трех лет [2. Оп. 1. Д. 3584. Л. 42]. Все трое подавали апелляцию в Центральную комиссию по чистке НКПТ СССР, но решение было оставлено в силе. В числе 10 человек, вычищенных по 3 категории, было 5 сотрудников Отдела искусств: оркестрант С.В. Евдокимов, музыкант В.Н. Кнушевицкий, администратор-актер И.И. Смуров, руководитель оперно-опереточной группы С.А. Лопашев и инспектор оркестров А. А. Сибрава. Три сотрудника: музыкальный консультант В. В. Держановский, пианист А. Д. Равдель и музыкант П.Л. Рогожников были сняты из аппарата наркомата без категории.

В заключениях комиссии в отношении сотрудников Отдела искусств крайне редко можно было встретить обвинения связанные с профессиональной деятельностью. Задача рабочих бригад и комиссии заключалась прежде всего в том, чтобы собрать убедительные доказательства того, что эти люди являются «носителями чуждой идеологии». Так, например, в заключении о работе В.В. Держановского приводилась цитата из высказываний одного из членов комиссии: «ГПУ характеризует как не нашего человека» [2. Оп. 1. Д. 376. Л. 44]. В случае же, если таких доказательств найти не удавалось, использовали стандартные формулировки типа «нарушение трудовой дисциплины» или же просто предлагали администрации заменить другим сотрудником [2. Оп. 1. Д. 376 Л. 30, 55, 70, 80]. Замнаркома Н.И. Смирнов и руководитель Отдела искусств М. Логинов активно защищали своих сотрудников и добивались от комиссии пересмотра или отмены решений [2. Оп. 1. Д. 3584. Л. 47]. Так Н. И. Смирнову удалось добиться пересмотра категории для С. А. Лопашова и отмены категории для А. А. Сибравы [4, с. 3]. По завершении работы комиссии по чистке администрация НКПТ СССР не торопилась выполнять ее решения: слишком трудно было найти замену редким специалистам.

Работавшая в мае-июне 1931 г. комиссия по проверке исполнения при НКПТ СССР установила, что штат Радиоуправления не только не был сокращен, но по состоянию на 1 мая 1931 г. составлял 1184 человека [2. Оп. 1. Д. 382 Л. б\н]. Значительная часть сотрудников снятых из аппарата комиссией по чистке остались на прежних рабочих местах или работали в качестве внештатных сотрудников, а некоторые получили даже повышение по службе.

Так, редактор провинциальной и иностранной информации «Рабочей радиогазеты» Б. А. Бобылев уволенный комиссией по чистке «за поддержание связи с корреспондентом-лишенцем» работал в качестве внештатного сотрудника в Политотделе Радиоуправления. Снятый комиссией с должности председателя правления Дедовского радиоклуба Ш. А. Васканьян продолжал свою работу до 9 апреля 1931 г. Заведующий отделом массовой работы Д. И. Аристархов, отправленный комиссией на низовую работу за «заготовки кулаков» на Северном Кавказе был повышен в должности, став председателем Центрального Радиосовета.

Всего по данным сохранившихся протоколов из 205 человек прошедших персональную чистку по данным на 20 июня 1930 г. по первой категории было вычищено 6 человек. Вторую категорию получили 27 сотрудников. Третья категория была применена к 42 сотрудникам. Различные административные взыскания получили 70 сотрудников. Были отправлены на доследование и принятие окончательного решения дела четырех сотрудников. Прошли чистку без замечаний и взысканий 19 человек. По завершении работы центральной комиссии по чистке НКПТ СССР отдельные ее решения были пересмотрены в Центральной комиссии по чистке советского аппарата, о чем свидетельствуют статистические данные о ходе чистки в центральных учреждениях датируемые августом 1930 г. согласно которым: по первой категории было вычищено 6 человек; по второй категории – 25 человек; по третьей категории – 40. Снято из аппарата без категорий – 41 человек; получили административные взыскания – 62 человека [2. Оп. 1. Д. 227. Л. 6–7; 2. Оп. 1. Д. 383. Л. 11].

Из шести центральных союзных наркоматов, где в период с июня 1929 г. по август 1930 г. прошла чистка государственного аппарата, в процентном соотношении общего числа «вычищенных» к общему числу сотрудников, НКПТ, где это число составляло 8 %, занимал последнее место.

Трудно себе представить, что увольнение из наркомата или снятие с должности 112 сотрудников могло победить бюрократизм в аппарате. Кроме того, зачастую выяснялось, что заменить «вычищенных» сотрудников просто нечем. В особенности это касалось, как уже говорилось выше, специалистов Радиоуправления. Именно поэтому администрация не торопилась выполнять решение комиссии.

Оправдал ли себя метод «генерального очищения» государственного аппарата? Удалось ли в ходе развернутой компании решить поставленные задачи?

По данным ЦКЧСА НК РКИ СССР на апрель 1931 г. всего в результате чистки государственного аппарата было вычищено 151857 работников. Чистка послужила орудием для удаления из аппарата бюрократов «старой формации», дав мощный толчок для формирования новой советской бюрократии сталинского образца. Во многом благодаря чистке, на наш взгляд, удалось создать чиновника, который успешно существовал в условиях административно-командной системы и достаточно чутко реагировал на ее потребности, в том числе в сфере идеологии и культуры.

Список литературы

1. ГА РФ. Ф.374.
2. ГА РФ. Ф.8341.
3. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения ноябрь 1917. – декабрь 1917. – М.: РГГУ, 1994.
4. Лившиц М.Ю. Все начиналось с джаза // По Ярославке. – № 27. – 2002. – 2 авг.
5. РГАСПИ. Ф. 613.
6. СЗ СССР. 1929.

Реформы и институциональные изменения в условиях трансформации российской экономики

Институты формируют связи между людьми, стирают различия в индивидуальном поведении и, что самое главное, делают поведение индивида понятным и предсказуемым для других. Кроме того, если в биологических системах эти параметры не меняются на протяжении всей жизни организма, то в экономических системах они могут периодически пересматриваться и корректироваться по мере развития производительных сил, производственных отношений, научно-технической революции, а также изменений в конъюнктуре мирового хозяйства и отдельных его сегментов. Таким образом, институты не являются чем-то заданным. Они также подвержены эволюции. Но в ходе эволюции, в том числе хозяйственной системы, проявляются если не общие, то близкие законы.

The summary: the institutes form communications between people, erase distinctions in individual behavior and, that most important, make behavior of the individual clear and predicted for others. Besides if in biological systems these parameters do not vary during all life of the organism, in economic systems they can periodically be reconsidered and be corrected in process of development of productive forces, industrial attitudes, scientific and technical revolution, and also changes in a conjuncture of a world facilities and its separate segments. Thus, the institutes are not something given. They also are subject to evolution. But in a course of evolution, including economic system, are shown if not general, the close laws.

Ключевые слова: социальная, культурная, политическая и природная среда; институт; переходная экономика.

Key words: social, cultural, political and natural environment; institute; transitive economy.

По мере формирования условий функционирования смешанной рыночной системы меняется и сам механизм саморегулирование,

* **Бойков Анатолий Иванович**, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова.

модернизируется роль государства, изменяется и общественная оценка эффективности государственного управления. В немалой степени новые явления связаны с изменением и эволюцией соответствующих институтов смешанной рыночной системы. Иначе, для формирования механизма саморегулирования, и его взаимосвязи с государственным регулированием, принципиальное значение имеет подход к институциональным изменениям в условиях трансформаций экономической системы.

Анализ функционирования стран в периоды нестабильности показал, на любой нециклический перелом в экономическом развитии можно рассматривать как разрыв привычных закономерностей общественного воспроизводства. По силе и продолжительности переломы можно подразделять на системные и шоковые. В такие периоды общество как бы теряет ориентацию, слабеют регуляционные механизмы, которые в нормальных условиях обеспечивают поддержание темпов и уровня расширенного воспроизводства в определенных, обычно присущих данной стране пределах. Состояние слабости механизмов развития растерянности, и дезориентация экономических агентов сохраняются с более или менее продолжительного времени, до тех пор, пока не возникнут «новые институты», способные преобразовать индивидуальные импульсы к лучшей жизни в эффективное общественное движение производства обмена, распределение и потребления. Это состояние между двумя способами регуляции и обозначается обычно термином «переходная экономика».

В этой связи необходимо сфокусировать положение новой институциональной теории в отношении понятия институт, так как для данной главы это имеет принципиальное значение.

Во-первых, «старый» институционализм связан с именем Т. Веблена, который под «институтами» понимал «привычки и стереотипы мышления, разделяемые большинством членов общества» [6, с. 237]. Таким образом, первоначально институты возникают на базе человеческих инстинктов и простейших потребностей. Способствуя их удовлетворению, они приобретают самоподдерживающий характер по принципу обратной связи и формируют стереотипы

мышления. Наиболее прочные и социально целесообразные институты фиксируются в традициях, неформальных нормах, а затем в письменном праве. На этой основе, в свою очередь, возникают социальные организации.

Институты не столько ограничивают, сколько направляют, облегчают и поощряют человеческую деятельность. Хотя институты могут устареть, приобретая «архаичный» и «церемониальный характер», в целом они создают ту социокультурную ткань, без которой деятельность человека и функционирование общества невозможны.

Институты формируют связи между людьми, стирают различия в индивидуальном поведении и, что самое главное, делают поведение индивида понятным и предсказуемым для других. Акцент на роли институтов в экономических источниках с начала XX века связан с критикой общепринятой экономической теории, игнорировавшей неэкономическую среду, в которой индивиды, принимают решения. В 60–80 гг. прошлого столетия к институционализму относили свои позиции Дж. Гэлбрейт, Г. Мюрдаль, Я. Корнай.

В настоящее время ведущим специалистом в области институциональной экономики является американский учёный, лауреат Нобелевской премии по экономике (1993) профессор Вашингтонского университета Дуглас и такие специалисты, как О. Уильямсон, К. Менар, Р. Познер, Г. Демсец, М. Олсон и др., которые выводят за рамки анализа основной предмет институционализма – культурные, и психологические привычки и стереотипы. Основное внимание концентрируется на анализе институтов как наборе норм и неформальных правил, жёстко направляющих экономическое поведение индивида (в первую очередь – в соответствии с неоклассической традицией) и организаций.

Так Дуглас Норт полагает, что «институты представляют собой структуры, которые люди накладывают на свои взаимоотношения, определив, каким образом, стимулы и ограничения, очерчивающие границы выбора, а они в свою очередь, задают рамки функционирования экономики и общества в течение того или иного периода времени» [4, с. 6].

Во-вторых, в экономической теории широко рассматривается эволюция институтов. При этом используется термин «экономический метаболизм», подход впервые использовал А. Маршалл, подчёркивая связь упорядочения экономических процессов (хозяйственной сферы) и живой природы. Подобную аналогию в XVIII веке проводили известные экономисты Т. Мальтус, Б. Мандвиль, Д. Юм и др. [2].

Практика подтвердила возможность использования подобных аналогий, общество и экономика создаётся людьми, которые под-сознательно отдают структуры, подобные своей собственной организации, вместе с тем необходимо учитывать принципиальную разницу между логическими и экономическими процессами. В отличие от биологических организмов, где основные параметры нормального функционирования организма устанавливаются генетически, в экономике параметры динамизма и устойчивости системы возникают в процессе эволюции институтов и рыночных механизмов. Кроме того, если в биологических системах эти параметры не меняются на протяжении всей жизни организма, то в экономических системах они могут периодически пересматриваться и корректироваться по мере развития производительных сил, производственных отношений, научно-технической революции, а также изменений в конъюнктуре мирового хозяйства и отдельных его сегментов.

Таким образом, институты не являются чем-то заданным. Они также подвержены эволюции. Но в ходе эволюции, в том числе хозяйственной системы, проявляются если не общие, то близкие законы.

Как известно, дарвинская теория опирается на три основных принципа: наследственность, изменчивость, естественный отбор.

Любая наука, в том числе и экономическая, воспринимающая эти принципы, должна ответить на вопросы: каковы механизмы и критерии отбора.

Согласно Т. Веблену, институт по своей природе обладает свойствами «непрерывности», то есть наследственности, поскольку представляет собой самоподдерживающийся, самовоспроизводящийся социальный феномен. Биологический ген, как известно, является

структурой, передающий наследственную информацию. Передача информации посредством институтов и в экономической среде осуществляется путём имитации и обучения, понимаемого в широком смысле. С этим и связано то огромное значение, которое все институционалисты придают социокультурной среде.

Институты обладают изменчивостью, при этом они менее устойчивы, чем биологические гены. Отсюда невысокая стабильность институтов. Они могут реагировать на изменения социальной, культурной, политической и природной среды. Институты могут мутировать под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, включая целенаправленное действие индивидов. В отличие от биологических генов, институты сохраняют и передают «благоприобретенные» признаки.

Что касается естественного отбора, то в процессе эволюции институтов постепенно оставались наиболее жизнеспособные, регулирующие экономические процессы, институты, которые в конечном счёте и привели к формированию и развитию механизмов саморегуляции системы в современном рыночном хозяйстве смешанного типа.

В-третьих, встаёт вопрос: «На какой основе обеспечивается упорядоченность в таких системах?» Ответ на него даёт Фрид Хайек [6, с. 32], сформулировав теорию «спонтанных порядков»; Р. Коуз, О. Уильямсон, создав теорию трансакционных издержек и теорию прав собственности. Сущность спонтанных порядков Ф. Хайека состоит в том, что они образуются эволюционным путем как непреднамеренный, бессознательный результат сознательных действий множества людей, преследующих свои частные цели [6, с. 36].

Упорядоченность в таких системах достигается не управлением из центра, а регулярностью во взаимоотношениях между составными элементами структуры. Такие социальные институты занимают как бы промежуточное положение между миром природных объектов, рожденных его волей и интеллектом. В этом смысле «спонтанный порядок» можно назвать продуктом родочеловеческого действия, но не продуктом человеческого разума. Р. Коуз объясняет стабильность экономической системы через теорему, которую в ли-

тературе называют теоремой Коуза [1]. В теореме Коуза соединены воедино права собственности и трансакционные издержки. Для реформируемой российской экономики это чрезвычайно важно. Так в общем виде теорема Коуза трактуется следующим образом: «Если права собственности чётко специфицированы и трансакционные издержки равны нулю, то структура производства будет оставаться неизменной, независимо от изменений в распределении прав собственности, если отвлечься от факта дохода».

Из данного положения, если отвлечься от трансакционных издержек, можно сделать важный вывод. В условиях реформирования экономики России на первом её этапе непринципиально, кто получил право владения собственностью: трудовой коллектив, администрация или предприятия, госкомимущество или банковская структура. Главное, в конечном счёте, это право получит тот, кто будет эффективным собственником. И эта позиция уже получает сегодня поддержку в обществе.

Однако, чтобы законодательно закреплённые и реальные права собственности совпали, необходима правовая среда, создающая основу перегруппировки активов. Иначе говоря, на первый план должны выйти формальные институты права, которые бы обеспечили возможность хеджирования и распределение рисков.

Работы новых институционалистов Д. Старка и Б. Шаванса помогают понять реальность распределения полномочий в акционерных обществах, созданных путем преобразования государственной формы собственности через такие термины, как «рекомбинированная» (Д. Старк) [5] или «переплетенная» (Б. Шаванс) собственность. Под рекомбинированной (recombinant) собственностью: понимается несовпадение законодательно закреплённой и реальной собственности, «размытость» механизмов контроля и организационных границ предприятия. Термин «переплетенная» [5, с. 13–19] (interwoven) собственность обращает внимание на тот факт, что, помимо законодательно закреплённых обладателей права владения – администрации и внешних инвесторов – функции контроля за дея-

тельностью предприятия осуществляют его смежники, основные поставщики, сбытовые фирмы и потребители. Главный смысл возникновения подобных форм собственности заключается в том, что в случае возникновения угрозы банкротства предприятие легко находит ресурсы для выполнения обязательств, перегруппируя активы.

Почему же законодательно закрепленная структура собственности не отражает реальной ситуации, где право владения распределено между многими экономическими субъектами? Рекомбинированная собственность предполагает быстроту и оперативность перераспределения правомочий между администрацией, внешним собственником, смежниками и трудовым коллективом [3, с. 50]. Сегодня реальность такова, что процесс перераспределения прав собственности продолжается.

В-четвертых, новая теория О. Уильямсона разделила всю экономическую теорию на «технологическую» и «институциональную» парадигмы. Если технологическая парадигма (включая неоклассическую теорию) рассматривает фирму через призму производственных функций и взаимосвязей, то институциональная парадигма видит в фирме институт, организацию или сеть контрактов. В частности, в настоящее время в рамках институциональной парадигмы, выделяется институциональная среда или социальные, юридические и политические правила игры (теория общественного выбора Дж. Бьюкенена и Дж. Таллока, и теории прав собственности Р. Коуза и Р. Познера) и организация (институт) как внутренняя» система контрактов (теория трансакционных издержек Уильямсона и теория агентства Дж. Стиглица).

Приведенные данные подтверждают важность обоснования в новой институциональной теории «института собственности», поскольку именно институт влияет на экономическую деятельность, во многом определяя наряду с технологией трансакционные и производственные (трансформациональные) издержки. С одной стороны, институты включают в себя такие формализованные понятия, как законы, письменные контракты, рыночные сделки, организационно-

правовые структуры, а с другой – неформальные правила поведения, обычаи, этические и идеологические нормы и др.

В-пятых, принято различать такие понятия, как «институциональное соглашение» и «институциональная структура». Под термином «институциональное соглашение» понимается определенный набор поведенческих правил, которые управляют поведением в специфической конкретной сфере. «Институциональная структура» – это вся совокупность «институциональных соглашений» в экономике, включая её организации, законодательство, обычаи и идеологию. Когда термин «институт» используется экономистом, обычно речь идёт об «институциональных соглашениях». Также понятие «институциональные изменения» обычно используется применительно к изменениям в каком-либо конкретном «институциональном соглашении», как правило, никогда применительно ко всей «институциональной структуре».

Важную роль призвана играть разработка детальной системы взаимодействия государственного аппарата и хозяйственных субъектов, возможно, более полный переход от разрешительного к регистрационному порядку получения прав на ту или иную деятельность, широкое применение системы открытых аукционов конкурсов при выделении лицензий, выдаче выгодных кредитов, предоставления льгот. Конечно же, необходимо и ужесточение мер ответственности за действия государственных управленческих структур и работников государственного аппарата.

Российский рынок по-прежнему остаётся рынком крупных институциональных интересов, оперирующих значительными средствами и крупными пакетами акций. Хотя ограничения для мелких инвесторов препятствуют ликвидности, рынок крупных профессионалов более стабилен.

Проведенный нами анализ показал, что в смешанной экономике развитого типа сформировался симбиоз саморегулирования и государственного регулирования, который мы называем комплексным механизмом регулирования экономической системы (КМРЭС).

Именно такой механизм обеспечивает устойчивость модели экономического развития, гуманизацию экономического роста, социальную ориентацию всей системы, приводит к правильному соотношению спроса и предложения, сбережений и инвестиций, расходов и доходов, экспорта и импорта и т. д. Таким образом обеспечивается устойчивость всей экономической системы через минимизацию затрат на её управление (транзакционные издержки).

Функционирование комплексного механизма регулирования, экономической системы становится возможным только на определенном этапе развития общества. Появление такого КМРЭС стало возможным лишь в связи с бурным развитием средств связи, телекоммуникаций и электронно-вычислительной техники, которые позволяют оперативно получать информацию о положении на внутреннем и внешнем рынках, анализировать её и готовить варианты принятия тех или иных решений. Поэтому функционирование комплексного механизма регулирования базируется на взаимосвязи локальных механизмов, вбирающих базу данных по горизонтали и вертикали управления. Таким образом, формируется единая информационная сеть, выступающая основой для функционирования комплексной системы регулирования. Это превращает рыночное хозяйство в саморазвивающуюся систему, в которой «свободная рука» существенно модифицировалась, но не исчезла.

Именно симбиоз саморегулирования и государственного регулирования обеспечивает устойчивость и динамизм развития, что явилось результатом «роста» и «развития» смешанной системы. Иначе говоря, когда что-либо «растёт», оно становится больше количественно, когда что-то «развивается», оно становится качественно иным. Количественный рост и качественные изменения подчиняются различным законам. Поэтому появление и развитие в рыночной экономике КМРЭС свидетельствует о качественном изменении институтов, что может поднять процесс регулирования экономического развития на принципиально иной уровень. Кроме того, по законам системного анализа, появление в экономике механизмов

саморегуляции, которые являются составной частью всего комплексного механизма регулирования, ведет к оптимизации многих экономических процессов, о чём наглядно свидетельствует создание Европейского союза, единой европейской валюты и т. д.

Следует подчеркнуть особую роль социальных регуляторов, которые обеспечивают социальную направленность всего КМРЭС. Их формирование идёт под воздействием слагаемых гуманизации экономического роста. Иначе говоря, функция благосостояния требует максимизации ВВП. Социальные регуляторы обеспечивают социальную направленность, но в то же время выступают ограничителями экономического роста, охраняя окружающую среду, ставя преграды влиянию отрицательных экстерналий.

На формирование комплексного механизма регулирования экономической системы оказали существенное влияние взгляды представителей новой институциональной теории. Именно в этой связи А. Печчеи, Э. Пестель и другие члены «Римского клуба» полагают, что в условиях научно-технической революции главные усилия должны быть сконцентрированы не просто на развитии способностей индивида как условия экономического роста, а на «человеческой революции». Она призвана радикально обновить и даже заменить ценности и мотивации, ранее казавшиеся незыблемыми, на новые.

Анализируя регулирование рыночных систем, институционализм подчёркивает необходимость усиления роли государства. Основанием для этого остаётся принцип неоднородности, который увязывает жизнеспособность с наличием в ней элементов различной природы. Однако с позиций современных реалий и экономического развития роль государства в рыночной экономике должна трактоваться не в кейнсианской и тем более не в марксистской традиции. Государство должно активно влиять на формирование институциональной среды, создавая условия для зарождения и развития комплексного механизма регулирования, который должен

обеспечить равновесное состояние экономики. При этом саморегулирование должно стать его составным элементом.

Активизация государства необходима и при становлении рыночных институтов. Дело в том, что спонтанная селекция институтов, как убедительно показывает эволюционная теория, далеко не всегда отбирает лучшие, оптимальные варианты. Напротив, она может укрепить такие институты, которые противоречат интересам общества. В частности, об этом наглядно свидетельствует экономическая история Советского Союза и непродуманные, спонтанные экономические реформы в современной России.

Список литературы

1. Кроуза Р. Федеральная комиссия по связи. – 1959, Проблема социальных издержек. – 1960.
2. Лузина И.А., Сафаров Т.А., Зимин И.Д. История экономических учений. – Уфа, 1999.
3. Неформальный сектор в российской экономике: формы существования, роль и масштабы. – М.: NCAP, 1998.
4. Норт Д.. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопр. экономики. – № 3. – 1997.
5. Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопр. Экономики. – 1996. – № 6.
6. Hayek F.A. Rules and Order. – London, 1993.

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(470.22).084.8

*Н. Ю. Иванченко **

Особенности содержания гражданского населения в концентрационных лагерях Карелии в период ее оккупации немецко-финскими оккупационными властями (1941–1944)

В статье рассматриваются особенности содержания гражданского населения в концентрационных лагерях Карелии в период ее оккупации немецко-финскими оккупационными властями в 1941–1944 гг. Финское правительство вопреки существовавшим международным договорам, объявило все русское население, оставшееся на захваченной территории, «пленными» и заключило советских людей в созданные немецкими властями концентрационные лагеря вне зависимости от возраста. Администрация лагерей морила голодом согнанных в концентрационные лагеря «пленных» мирных советских граждан, в результате чего большое число советских людей умерло в этих лагерях. Особое внимание уделено проблемам содержания, питания, условиям жизни пленных в концентрационных лагерях.

The article exposes the peculiarities of maintenance of the civil population in the concentration camps Karelia during it's occupation by german-finnish occupational authorities in 1941–1944 years. The Finnish government in spite of international pacts that existed declared all the Russian population, that was left on the occupied territory the “prisoners” and maintained soviet people in created by german occupational authorities concentration camps, despite of the age.

The occupational administration starved “prisoners” – the civil soviet people maintained in the concentration camps, as the result, a lot of soviet people died in this concentration camps. The special attention is paid to the problems of maintenance of soviet prisoners, the food supplying organization, living conditions of soviet prisoners in concentration camps.

* **Иванченко Нелли Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Ключевые слова: оккупационная администрация, концентрационные лагеря, продовольственное обеспечение, трудовые ресурсы, трудовая повинность, национальная политика, паек, нормирование продовольствия, заключенные.

The key words: the occupational administration, concentration camps, the ensuring with provision, the labour resources, the labour obligation, the national politics, the ration, the rate settings of the provision, the prisoners.

Изучение истории жизни населения на оккупированной фашистами территории Карелии на реальных примерах, дает возможность увидеть суть “нового порядка”, который захватчики хотели установить на захваченной территории страны.

Немецко-финские власти и военное командование с первых дней временной оккупации части территории Карелии проводили открытую политику рабского подчинения оставшихся и захваченных мирных советских граждан. Документальные материалы – приказы, распоряжения, инструкции и многочисленные свидетельские показания, добытые за время войны, подтверждают преднамеренность действий финских правящих кругов по заранее разработанным ими планам.

В своем опубликованном на Карельском языке “Обращении к Карельскому населению” Маннергейм прямо объявил всех жителей занятой территории КФ ССР оседлыми рабами, которые не имели никаких прав и обязаны были только работать на сельскохозяйственных, дорожных и других работах. Малейшая помощь советским войскам со стороны мирных граждан считалась шпионажем, выступления их с оружием в руках против белофиннов разбойничьими актами. Все виновные лица в обоих случаях карались смертной казнью.

Директивы Маннергейма неуклонно выполнялись командованием военного управления восточной Карелии во главе с подполковником В.А. Котилайнен.

Белофинские захватчики в г. Петрозаводске и других населенных пунктах установили политику рабства против русских мирных жителей. Так все оставшиеся на занятой территории русские, кроме предателей родины, сразу же были загнаны в специально созданные лагеря на окраинах города и содержались там под вооруженной охраной.

В отличие от финнов, карел и вепсов каждому русскому человеку приказано было носить на левом рукаве красную повязку. Русским и людям других национальностей выдавалось вдвое меньше продовольствия и заработка.

Содержавшимся в лагерях никакого заработка не выплачивалось. Все эти меры были рассчитаны на открытое оскорбление чести и национального достоинства русского человека насилием сведенного на положение раба.

В приказе № 1 командующий Военного управления Восточной Карелии предписывает: «...изъять из употребления названия "колхоз" и "совхоз", заменить их первый словами "общее хозяйство", второй "государственное хозяйство"» [1. Оп. 26. Д. 560. Л. 1]. В соответствии с этим приказом колхозы и совхозы были переданы в частные руки, а сами колхозники белофинскими оккупантами были превращены в рабов.

Приказом № 2 в разделе 7 по военному Управлению восточной Карелии был определен порядок выдачи «прав пребывания», т. е. удостоверения личности, где указано, что эти документы выдаются: «всем лицам, достигшим 15-летнего возраста, кроме относящихся к оборонным силам Финляндии». «Финнам, карелам и вепсам выдаются "права пребывания" зеленого цвета, а русским – красного. Эти права позволяют населению проживать только в одной определенной деревне или группе деревень, временно или строго указанный срок» [1. Оп. 26. Д. 560. Л. 1-об].

Бесправные, привязанные к одному месту, советские мирные люди вынуждены были влачить жалкое существование, заниматься все время каторжным трудом. В вестнике приказов № 8 Военного управления Восточной Карелии по этому поводу прямо говорится: «Предлагается всем организациям работ действовать так, чтобы большинство населения работало столько часов в сутки, сколько требуется для их существования, без выдачи пособия из фонда призрения бедных». Общая картина невыносимых условий для советского мирного населения дополняется целым рядом фактов издевательств со стороны оккупантов.

Беломорское командование своими директивами комендантам на временно занятой советской территории всеми средствами и способами разыскивало оставшихся мирных граждан. Всех задержанных рассматривали военнопленными наравне с политическими комиссарами и передавали их в руки военной полиции.

Финское правительство вопреки существовавшим международным договорам, объявило все русское население, оставшееся на захваченной территории, «пленными» и заключило советских людей в концентрационные лагеря вне зависимости от возраста. Администрация лагерей по-прежнему указанию финского правительства Рютти-Маннергейма морило голодом согнанных в концентрационные лагеря «пленных» мирных советских граждан, в результате чего большое число советских людей умерло в этих лагерях [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 1]. Не удивительно, что в брошюре «Восточные карелы и мы» в разделе «как нужно относиться к населению Восточной Карелии», финны пишут: «Вопрос о Восточной Карелии стал вопросом о существовании павшего народа» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 6].

Столица Карелии – г. Петрозаводск был захвачен финскими оккупантами 2 октября 1941 г. и освобожден красной Армией 28 июня 1944 года. Ворвавшись в город, финско-фашистские захватчики согнали оставшееся население в концентрационные лагеря, а их имущество разграбила и разворовала финская армия. Финны создали на окраинах города лагеря, в которых томились ни в чем неповинные мирные советские граждане, в том числе более 60% стариков, женщин и детей.

В Петрозаводске финны создали сеть лагерей для русского населения, все они были опутаны колючей проволокой и в них содержалось более 30 000 русских женщин, мужчин, детей, стариков. В каждом лагере были построены специальные тюремные карцеры, в которых избивались и содержались русские люди. В тюремных карцерах лагеря № 2 сохранились надписи обреченных: «Сидим вдвоем. Ждем плеток», «На этой койке спали. Ждем плеток», «Это бьют Зловина. 30.01.1944 г.», «Это сидит Колесников. Ожидает того-же» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 28, 29].

В начале войны большинство гражданского населения, проживавшего в районах, подвергшихся оккупации финскими войсками было, как пленники согнано в гражданские лагеря. Финские власти сделали все возможное, чтобы систематическими утонченными издевательствами, голодным пайком, изнурительной работой моральный дух советских людей, покорить его и сопротивлявшихся уничтожить.

Для достижения своей цели финские власти использовали тюрьмы, концлагеря, штрафные лагеря, розги, запугивание, подкуп и разные другие приемы.

Лагерь № 1 находился на южной окраине города (Кукковка), где содержалось свыше 1000 человек, размещенных в бараках этого поселка. Лагерь № 2 был расположен в рабочем поселке “Северная точка”. Этот лагерь был штрафным. В нем содержалось более 3000 человек “провинившихся” советских граждан. Лагерь № 3 находился на территории лыжной фабрики, где было заключено также свыше 3000 человек. Лагерь № 4 размещался в рабочем поселке Онегзавода, по улице Калинина, в нем было около 3000 человек. Лагерь № 5, расположенный на территории рабочих поселков Кировской железной дороги. Этот лагерь был одним из крупнейших лагерей города, в нем находилось 7000–8000 человек. И наконец, лагерь № 6, в помещении “Перевалочной биржи”, с количеством заключенных до 3000 человек советских граждан [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 12].

Все эти лагеря были обнесены высокими заборами из колючей проволоки, и никто из пленных не мог уйти из зоны лагеря. В лагерях финны установили жесточайший режим. На работу и с работы заключенных водили под конвоем военной охраны лагерей. Все население лагерей: мужчины, женщины, старики и дети в 7 часов финны уже выгоняли на различные работы, не считаясь ни с какими жалобами больных, престарелых и детей, которые не в состоянии были производить какие-либо работы. Свидетель Борисов И.А., содержащийся в 5-м лагере рассказывал: «Режим в лагерях был установлен такой – на работу нас выводили в 7 часов утра, а кончали в 6 часов вечера. В 1941 и 1942 гг. нам за работу ничего не платили, а потом стали платить по 7 финских марок в день. Ходили мы сво-

бодно только в черте лагеря, обнесенного колючей проволокой. За попытку выйти за черту лагеря финская охрана стреляла без предупреждения. Заключенное в лагерь советское население было размещено чрезвычайно скученно – в комнате – 15–20 метров находилось по 20–24 человека. В результате скученности в лагерях быстро распространялись различные инфекционные болезни: дизентерия, сыпной тиф и т. д.» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 13].

Свидетельница Лахина Е.В., находившаяся в лагере № 5 тоже рассказала о своем пребывании в одном из лагерей: «Жилищно-бытовые условия в Лагере № 5 были невыносимы. В комнате 15–20 метров проживало по 6–7 семей, т. е. по 20–25 человек. Бани и прачечной в лагере не было, воду брали из непроточной канавы, в которой валялись человеческие трупы, оставшиеся после боев. Мыла совершенно не выдавали. У всех пленных была исключительная вшивость. Невыносимые, нечеловеческие условия жизни в лагере повлекли за собой массовые заболевания. На почве истощения и эпидемических заболеваний в лагерях ежедневно умирали десятки советских людей. Трупы умерших партиями по 20–25 гробов 2, 3 раза в неделю свозились на кладбище "Пески", где и хоронились в заранее вырытых траншеях...» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 13].

В 1942 г. 2 финна кожаной плеткой избили подростка Суворова Г. за то, что он на 5 минут опоздал запрячь лошадь. Второй раз Суворов был избит зимой 1944 г. за то, что не дал себя ударить финскому охраннику лопатой: Суворова привели в штаб, допросили, после чего приказали ему раздеться догола, положили его на стол, обернули мокрой соленой тряпкой и били его палками до потери сознания. Такому же избиению вместе с Суворовым подвергнулся пленный Богданов М. Роль палача выполнял конвоир лагеря Пирронен [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 18].

В сентябре месяце 1943 г. 10-летний мальчик – Зуев Леня, содержащийся в лагере № 2, хотел перелезть через проволочный забор. Финский охранник заметив Зуева без всякого предупреждения выстрелил в него и ранил мальчика в ногу. Когда Зуев свалился, финн выстрелил в него вторично, а Зуев ползком дополз до зоны лагеря.

Свидетель Тюбиев рассказывает об убийстве финнами его детей следующее. 9 февраля 1943 г. мои дети, Тюбиева Наталья 1934 г. р. и сын Тюбиев Егор 1939 г. р., в 9 часов утра пошли в школу. Когда они отошли от лагеря метров 300, финский часовой в лагере № 6 начал стрелять в детей и 2 выстрелами убил их наповал. Такие же злодеяния творили финские фашистские изверги и в других лагерях над пленными и военнопленными советскими людьми [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 19].

Страшная картина наблюдалась и в лагере № 8, организованном финско-фашистскими захватчиками в Ильинском лесозаводе в 20 км от города Олонцы в сентябре 1941 г. для гражданского населения. В лагерь финские захватчики согнали свыше 3200 мирных советских граждан, среди них были старики, дети и женщины. Питание на «пленных» было скудное, им выдавалось 100–200 гр. недоброкачественного хлеба в день и нерегулярно по 200 гр. мороженого картофеля. Пленные без различия возраста были заняты на тяжелых работах на лесосплаве и на заготовке леса. Рабочий день для пленных был установлен администрацией лагеря – 10 часов зимой и 12 часов летом, причем работа, выполненная пленными не оплачивалась. В результате голода и изнурительного труда в лагере умерло советских граждан около 900 человек. Охраной лагеря практиковалось поголовное истязание и избиение «пленных».

Так, содержащаяся около двух лет в лагере бывший бухгалтер ГЭС Федорова А.Н., рассказывала, как были избиты начальником лагеря беременная Баранова Любовь, у которой на следующий день начались преждевременные роды; Поташев Федор был избит за то, что не поздоровался с комендантом лагеря; Курыншина Мария, 37 лет, была избита «за несвоевременную уборку снега». Били за невыполнение норм выработки, за неправильную укладку дров в поленницу, истязали без всякого повода, не считаясь с возрастом [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 22]. Не вынес зверского режима заключенный в лагерь учитель Кондушской школы Машарин Н.О. 60 лет В декабре 1941 г. он повесился на территории лагеря.

Особенно тяжелый режим был введен финскими властями в Кутимском и Кинносваарском лагерях. В последний помещали граж-

дан, которые оказывали сопротивление финским властям и являлись наиболее опасными для них.

Очевидцы, посетившие в финских лагерях гражданских пленных, рассказывали о жутких бесчинствах, которым они подвергались. Так побывавший в Кутижмском лагере гражданин Назаров Сергей Ефимович, 1924 г. р., уроженец Ленинградской области, Солецкого района, дер. Уитник на допросе 09. 076. 1944 г. показал: «В Кутижмском лагере содержались финнами советские гражданские пленные, около 450 человек. Условия жизни в лагере были очень тяжелые, питание пленных состояло из недоброкачественных продуктов – отбросов – причем и их не хватало. На завтрак пленному давали хлеб, 3 кусочка сахара и кипяток, в обед баландно-мучная вода, в ужин суп из гнилого турнепса, норма хлеба в сутки была положена 350 грамм, но как правило полностью на руки его не выдавали. Изнурительная работа, плохое питание, отсутствие необходимой обуви и одежды и плохая постановка санитарно-медицинской службы приводили к большой смертности среди пленных. Ежедневно в лагере умирало 3–4 человека. Если больной обращался за медицинской помощью к лагерному врачу (финну по национальности), то он выслушав больного избивал его. Однажды я заболел и обратился к врачу. Последний выслушав меня, вложил в мой рот 4 таблетки. Дал несколько подзатыльников и отправил на работу. Больные и здоровые пленные содержались в одном помещении. Врач часто под предлогом проветривания помещения – зимой на несколько часов – открывал двери и форточки и простуживал и морозил пленных.

Всех больных независимо от состояния здоровья врач выводил на улицу и под издевательским предлогом, что необходимо разогнать кровь, продолжительное время заставлял бегать по двору. Я видел пленного Маклеонова Федора, который в течение часа бегал по улице, подгоняемый палкой врача. Маклеонов несколько раз, обессилев падал, а врач ударами палкой снова поднимал его.

Работа, на которой использовались пленные являлась изнурительной и тяжелой. Были случаи, когда пленные умирали на работе» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 36, 36-об].

Тот же свидетель Назаров показал: «В мае месяце 1942 г. один пленный, фамилии не помню, вышедший на распиловку дров окончательно обессилел. Подошедший финский конвоир потребовал дальнейшей работы, при этом, ударил его несколько раз прикладом винтовки. Пленный вынужден был снова приступить к работе, но норму ему выполнить все же не удалось. По окончании работы все вышли на дорогу, он ослабленный идти не мог. Конвоир, несмотря на это, толкал его в спину прикладом и приказывал идти. Дойдя до дороги пленный упал, конвоир продолжал над ним издеваться. Тогда подошли к нему пленные и взяли его под руки. Пройдя примерно около трех километров, пленный скончался на дороге. Многие пленные не выносили изнурительной работы и в целях избежания ее лишали себя трудоспособности, отрезанием конечностей рук. Один пленный, фамилии его не помню, отрубил себе указательный палец на правой руке, после того, как его, несмотря на это стали по-прежнему гонять на работу, он на той же руке отрубил еще 2 пальца. Врач от лечения его руки отказался и при каждом посещении его избивал» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 36-об.].

Тяжелые лагерные условия и издевательства переносили и несовершеннолетние лица, вот что показывает свидетель, томившийся в Кутижмском лагере, Макшуков Александр Егорович, проживавший в Ленинградской области: «По пленению меня разлучили с матерью, сестренкой и 2 братиками и отправили в Кутижмский лагерь. Было мне тогда 14 лет. В лагере разместили меня в одной комнатке, где было уже 100 человек пленных. 3 февраля 1942 г. нас погнали на работу заготавливать дрова. На пару давали норму 3 кубических метра дров. В лагере эту норму выполняли, а потом истощали и даже не могли ходить. Над нами стали издеваться финны. Вот как то раз я вышел на работу, не доходя до места работы, я от истощения и изнурения свалился в снег, дальше идти я не мог. Тогда, подошел ко мне солдат финн и начал бить меня ногами. До тех пор бил, пока не упал. Финн ушел от меня, а я остался один лежать на снегу. Вскоре подъехали пленные на лошади и увезли меня в лазарет.. Подошедший ко мне финский врач начал на меня кричать вставай, а я конечно и вставать не могу. Тогда врач

начал бить меня палкой по чему попало, бил до тех пор, пока я не потерял сознания. Очнулся я утром, меня нельзя было узнать. Так я лечился у этого врача 4 дня. В день врач приходил 3 раза и все 3 раза бил. Так же зверско обращались со мной и в Кинносваарском лагере. Однажды уставший я сел отдохнуть. Ко мне подошел начальник лагеря. Заметив это он березовой палкой 3 раза ударил меня по спине, повредил позвоночник и со смехом ушел от меня» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 37].

Такое варварское отношение к пленным, содержащимся в Кутижмском лагере, подтверждает свидетель, побывавший в нем, Янкин Владимир Васильевич – 1925 г.р., уроженец Ленинградской области, Новгородского района станции Шимск. Еще более тяжелые условия, утонченные издевательства, унижения пленных были в финском лагере советских пленных, расположенном в поселке Кинносваара. Это был своеобразный застенок, созданный финскими палачами для постепенного умерщвления советских граждан. очевидцы побывавшие в нем, не могут без содрогания вспомнить о жутких кошмарах, которые чинились администрацией лагеря над пленными.

Освобожденный гражданский пленный продолжительное время находившийся в этом лагере, Федоров Василий Александрович, 1912 г.р., уроженец г. Порхов Ленинградской области показал: «В августе 1943 г. Терновский Андрей Филиппович подвергся зверскому избиению за то, что по своему состоянию здоровья не смог выйти на работу.

Двое финских солдат вошли в помещение, где лежал Терновский и приказали ему встать, но так как подняться он был не в состоянии, его начали избивать палками и прикладами, затем вытащили из помещения и избиение продолжили на улице, не успокоившись на этом, солдаты подтащили Терновского к реке и сбросили его в реку. Затем вытянули его на берег и снова избивали. Это повторялось несколько раз. Избитый Терновский лежал без движения и без всяких признаков жизни».

В июле месяце того же, 1943 г., пленный Шалопников Иван, по состоянию здоровья был официально освобожден от работы лагерным врачом. Он был помещен в отдельную комнату. Узнав об этом помощник начальника лагеря сержант Вихора вошел в помещение больного, выгнал врача и ударами палки убил Шалопникова. Питания в лагере пленным не хватало, на лагерной пище можно было только передвигать себя, не говоря уже о работе, для которой сил не хватало. Пленные вынуждены были прибегать к различным способам добычи дополнительного питания: к хищению продуктов на складах, хищению зерна, овощей на полях и огородах, но за это администрация лагеря жестко наказывала «виновных» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 38].

В Петрозаводском лагере № 5 свидетель Ферапонтов показал: «Голодный паек, постоянное недоедание заставляли пленных заниматься хищением продуктов. Виновников хищения подвергали жестокому наказанию. Однажды Романов Федор Трофимовичи Борщевец Федор из финской кладовой взяли немного продуктов. Администрация лагеря узнав об этом долго избивала их, а затем посадили в не отапливаемый холодный карцер. Поскольку это было зимой, в феврале месяце, Борщевец не выдержал холода и на 7-е сутки потерял сознание. Пленный же Романов в камере просидел 23 суток. От холода, голода, издевательств и антисанитарных условий в лагере еженедельно умирало более 60 человек. В комнате, где я жил, размещалось 12 человек, в течение апреля 1942 г. из 12 человек умерло 5. Зверским обращением в Петрозаводском лагере № 5 прославился комендант лагеря Люботынский Виктор Иванович» [1. Оп. 95. Д. 200. Л. 39, 39 -об.].

Таким образом, для того, чтобы в полной мере раскрыть особенности оккупационной политики на территории Карелии необходимо помнить, что жертвами оккупантов в первую очередь стали мирные граждане: женщины, старики и дети. Уроки истории учат нас не забывать прошлое, чтоб его ошибки не повторялись в будущем.

Список литературы

ГАРФ. Ф. – 7021.

Этические нормы в Ленинграде в 1941–1942 гг.: симптомы распада

В статье рассматриваются особенности распада нравственных норм поведения у представителей некоторых слоев блокадного Ленинграда: обман, воровство, грабеж и мародерство.

Обвешивали в булочных и магазинах. Часто манипулировали с карточками в больницах и госпиталях. Встречались единичные случаи «объедания» детей в детдомах. Не редкими были хищения в общественных и ведомственных столовых. Еще одним симптомом распада стали грабежи квартир и имущества горожан. Чаще всего в этом были виновны: управдомы, дворники, соседи.

Самым страшным правонарушением (по своим последствиям) являлась кража продовольственных «карточек». Их воровали в толпе, отнимали, хватили с прилавков и т. д. Пойманных воров избивали. По возможности, передавали милиции. Частью блокадной повседневности было мародерство. Особое внимание уделено описанию конкретных примеров, приводимых из дневников блокадников – очевидцев событий.

Peculiarity of nomism distegration among certain groups in blockade Leningrad (deception, theft, robbery) is considered in the article.

Swindle in bakeries prospered. Tampering with cards in hospitals were frequent. Sometimes someone was a burden to children in children's home. Thefts in public dining hall weren't rare. Robberies were one more symptom of disintegration.

Theft of food cards was fearful breaking. Marauding was a part of blockade routine. It is described certain examples taken from diaries of eyewitnesses.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, голод, общественные столовые, преступность. Продовольственное обеспечение, обеспечение госпиталей, хищение имущества, мародерство.

Key words: blockade Leningrad, fear, public dining hall, criminality, food provision, supply of hospitals, theft of property, marauding.

* **Яров Сергей Викторович**, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный университет имени А.И. Герцена.

Самыми характерными приметам распада нравственных норм в «смертное время» являлись обман, воровство, грабеж и мародерство. Чаще всего обманывали на импровизированных рынках [19, с. 263; 41, с. 24]. Схема обмана была традиционной: предлагались на продажу или обмен суррогаты, по внешнему виду похожие на натуральные продукты. Так, вместо масла могли продать олифу, вместо манной крупы — «состав, из которого делался клей»; «химический продукт», по выражению одного из блокадников, был, собственно главным объектом этих мошеннических операций [22, с. 77; 41, с. 24; 22, с. 74]. Впрочем, варианты могли быть самыми неожиданными — о них сообщалось даже в сводке германской службы СД, составленной весной 1942 г. [15, с. 182].

Были и более запутанные и драматические истории. В. Инбер рассказывала, как одна «аферистка», выследив мать и дочь в очереди, познакомилась с ними, «втерлась в доверие» и обещала устроить дочь судомойкой в военном госпитале: «Взяла у девочки обе карточки, ее и матери, за весь месяц и сорок пять рублей денег, взятые матерью у кого-то взаймы. Все это якобы для выкупа продуктов. И тут же в темноте исчезла» [15, с. 191]. Это, видимо, было последнее, что они имели [15, с. 191], и «аферистка», выманивая и жалкие по тогдашним меркам 45 рублей, несомненно, знала об этом.

Существовали и более легальные «формы» обмана, например, обвешивание в булочных и магазинах. Продавцам быстрее удавалось обмануть покупателей, когда хлеб выдавался сразу по нескольким карточкам и хищение его было не так заметно [1, с. 93]. В. Базанова, не раз обличавшая в своем дневнике махинации продавцов [5, с. 128], подчеркивала, что и ее домработницу, получавшую в день 125 г хлеба, «все время обвешивают грамм на 40, а то и на 80» [5, с. 129] — она обычно выкупала хлеб для всей семьи. Помимо этого, продавцам удавалось и незаметно, пользуясь слабой освещенностью магазинов и полуобморочным состоянием многих блокадников, вырывать из «карточек» при передаче хлеба большее количество талонов, чем это полагалось. Поймать в таком случае за руку их было сложно [4, с. 254].

В чем-то схожими были манипуляции с карточками в больницах и госпиталях. Примечательно, что они обнаруживают столь же простую схему обмана. Так, В. В. Враская, забрав дочь из больницы «в самом заморенном виде» 6 ноября 1941 г., увидела, что из ее «карточки» (она сдавала ее врачам, пока ребенок лечился) хотели вырвать «праздничный» талон для детей за 7 ноября. В. В. Враская добилась справедливости, только дойдя до главного врача [35. Л. 17]. Вообще воровство в больничных учреждениях (здесь уместнее вместо слова «обвешивание» употребить менее литературный термин «объедание») видимо было явлением распространенным. Недаром так сильно желали устроиться в них на любую должность и даже не скрывали (перед домашними, конечно) тех перспектив, которые это сулит в будущем. Во время проверки в феврале 1943 г. выяснилось, что в больницах им. Нахимсона и К. Либкнехта ежедневно «столуются» 6–8 медицинских работников. Схема махинаций тоже была немудреной: своих «карточек» они не сдавали в столовую, а питались за счет больных [28, с. 253]. Стоит предположить, что этот обычай возник не в феврале 1943 г., а ранее. Акты проверки госпиталя № 109 показал, что речь идет не о крохах хлеба и остатках с тарелок. Больные недополучили в декабре 1942 г. 22,7 % жиров, 49 % картофельной смеси, 9 % овощей, 50 % чая [28, с. 253].

Пытались «объедать» даже детей в ДПР и детдомах, хотя, возможно, такие случаи являлись единичными. Прямых свидетельств почти нет, а косвенные (они имеются, хотя их тоже немного) требуют особо осторожного подхода и ряда оговорок. Контроль здесь, очевидно, был более строгим. Как вспоминал Л. Ратнер, достаточно было детям поднять крик, увидев, как «старуха-воспитательница» для себя «с быстротой фокусника стала ложкой сбрасывать что-то с каждой тарелки» [42, с. 149] – как ее уволили: быстро, без шума, без угроз отдать под трибунал и публикаций в газете о расстреле за воровство.

Хищения же в общественных и ведомственных столовых стали притчей во языцех. Даже в столовой Союза писателей и не в очень голодные времена (в сентябре 1941 г.) обнаружилась «панама», по

выражению Э. Голлербаха: «Отпускалось по 100 г хлеба и мясные продукты без карточек, между тем столовая отбирала у обедающих хлебные и мясные талоны» [8, с. 182]. Воровали и в столовых для детей и подростков. В том же сентябре представители прокуратуры Ленинского района проверили бидоны с супом на кухне одной из школ: «Один котел – очень жидкий суп. Другой – бидон – суп для преподавателей (обычный) и другой еще ("чей бидон? – не знаю") суп как каша» [41, с. 15]. В другой столовой, где обслуживались учащиеся 62-го ремесленного училища, был отмечен «ряд фактов обмера, обвеса в хлебе» [49. с. Оп. 1. Д. 78. Л. 5]. О случаях обворовывания посетителей в столовых имеются и другие свидетельства [48. с. Оп. 11. Д. 53. Л. 21]. И это продолжалось и после «смертного времени». В докладе начальника УНКВД ЛО А. А. Жданову 5 сентября 1942 г. говорилось о том, что только за 10 дней было зарегистрировано 10820 сообщений о недовольстве работниками столовых [28, с. 437]. Ввиду улучшения питания ленинградцев счет в хищениях позднее шел на килограммы. В феврале 1943 г. в столовой № 23 Куйбышевского района *каждому* «столующемуся» недодали овощей – 2 кг, белковых дрожжей – 2 кг 250 г., соевых продуктов – 2 кг 350 г. [28, с. 252].

Обмануть в столовых было тем легче, что инструкция, определявшая порядок и нормы выхода готовой пищи, являлась весьма сложной и запутанной. Техника воровства на кухнях в общих чертах была описана в цитировавшейся ранее докладной записке бригады по обследованию работы Главного управления ленинградских столовых и кафе: «Каша вязкой консистенции должна иметь привар 350, полужидкая – 510 %. Лишнее добавление воды, особенно при большой пропускной способности, проходит совершенно незаметно и позволяет работникам столовых, не обвешивая, оставлять себе продукты килограммами» [1, с. 267]. Случаи обвешивания скрыть было труднее, но они также не являлись исключением – особенно в столовых школ и детсадов, не говоря уж о яслях. Официальные проверки, вероятно, обнаруживали лишь верхушку айсберга. Проводились они не каждый день, не всегда скрупулезно и далеко не во всех столовых. И, скажем прямо, бывало, что проверяющих кормили на

тех же обследуемых ими кухнях. С этим злом бороться было тем сложнее, что многие, в том числе люди, горячо протестовавшие против хищений, честные и порядочные, готовые помочь в беде другим, не всегда могли устоять перед соблазном получить лишнюю порцию, если им ее предлагали. Один из них, например, пытался через знакомую работницу столовой приобрести съестное: «...Вчера было очень удачно. Я все же дипломат. Хотя не Литвинов, но...» [48. Оп. 11. Д. 59. Л. 13 об]. Другую блокадницу назначили заведующей стационаром, где питались «дистрофики»: «Может быть, что-нибудь выйдет в части подкормления» [29, с. 54]. И так было везде. Почти каждый, в той или иной мере, был хотя бы однажды кем-то облагодетельствован – военнослужащими, работниками столовых, госпиталей, больниц, партийных и комсомольских комитетов и государственных органов, детских учреждений, складов, пекарней, булочных, кондитерских и табачных фабрик. Брали, не спрашивая себя, откуда это взялось – то оправдываясь, что еда нужна для детей и истощенных родных, а то и без всяких извинений, потому, что не могли дальше терпеть голод.

Еще одним симптомом распада являлись грабежи квартир и имущества горожан. Это облегчалось тем, что многие из них пустовали – их хозяева либо эвакуировались, либо все погибли. Грабежи, по свидетельству З. С. Лившиц, приняла чудовищные размеры¹.

Грабили не только чужие квартиры. Случаи воровства отмечались и в общежитиях, институтах; один из рабочих, убравших бомбоубежище, украл из находившегося там сейфа даже «неприкосновенный запас» детского сада – галеты» [9, с. 192; 48. Оп. 11. Д. 35. Л. 33 об.; 41, с. 47]. Перечень похищенного имущества нередко определялся нищенским блокадным бытом. Воровали, конечно, и ценные вещи, и одежду, но чаще всего дрова [47, с. 205]. Расхищали и личные библиотеки, иногда прямо на развалинах разбомбленных домов [40, с. 289, 298, 300, 303, 307] – и не только для растопки печей, но также из-за возможности выгодно сбыть книги: спрос на них не исчезал даже во время блокады.

¹ Во многом этому способствовало отсутствие эффективной системы охраны правопорядка зимой 1941—1942 гг.

Виновниками грабежа нередко считали управдомов (управхозов), дворников и соседей, и для этого, видимо, имелись основания. Сообщение о том, как начальник отдела милиции при помощи управдома вселился в квартиру погибшего на войне писателя О. Цехновицера и присвоил его вещи, было даже опубликовано в газетах [46, с. 77], но обычно такие действия совершались более осторожно. Управдомы и дворники опечатывали квартиры не только эвакуированных (и здесь было чем поживиться) [27, с. 91], но и умерших – а вот в этих случаях можно было даже обогатиться. В. М. Глинка с присущей ему пластичностью рассказал об одном из таких управдомов: «Это баба с ухватками и словарем кабака в это страшное время, 6 февраля 1942-го, нисколько не похудела, а приобрела еще более начальствующий голос и стала, не стесняясь... никого, ругаться матом. Как-то, когда мне случилось быть свидетелем того, что она выносит из соседней, вымершей начисто квартиры чемоданы и узел, она бросила мне, очевидно, на всякий случай: "В кладовую несу, чтобы в собес сдать". Квартиру опечатали. Ни о каком собесе тогда и речи быть не могло» [7, с. 183]. Иногда, когда скрыть хищения в чужих квартирах было трудно, управдомы делились частью присвоенного имущества с другими жильцами, — тем больше была уверенность, что последние не скажут об этом властям [38, с. 110]. Возможен был и другой вариант: соседи, обворовывавшие чужие квартиры, действовали при попустительстве, едва ли бескорыстном, управдомов [29, с. 54].

Еще одним источником наживы стало утаивание управдомами и дворниками сведений о смерти или эвакуации квартирантов. Это давало им возможность получать по их «карточкам» продукты для себя. Они пользовались и «карточками» тех жильцов, которые, опасаясь наказаний, возвращали их сразу, как только наступала смерть их родных. Иногда управдомы, сговорившись с дворниками, даже получали «карточки» на вымышленных лиц [37, с. 207].

Пожалуй, самым страшным по своим последствиям правонарушением во время блокады являлась кража продовольственных «карточек». Их замена на новые была обставлена громоздкими бюрократическими ритуалами, участвовать в которых истощенные лю-

ди часто просто не могли. Она сопровождалась унижительной проверкой и осуществлялась крайне медленно; о равноценной компенсации за утраченные «карточки» не было и речи. До выдачи новых документов редко кто доживал, если не было возможности еще где-то подкормиться. «Я 10 дней жила без куска хлеба и ела в день только одну тарелку супа, у меня была украдена хлебная карточка», [43: Оп. 1. Д. 5] – рассказывала о постигшем ее горе А. И. Кочетова в письме к матери; но и ей пришлось идти к дальнему родственнику в надежде, что он чем-то поможет.

Часто «карточки» воровали, пользуясь скоплением горожан – обычно в булочных, магазинах, лавках [35. Л. 32 об]. У некоторых похищали «карточки» не один раз [44, с. 38] – возможно, высматривали в толпе наиболее изможденных, еле передвигавшихся людей. У одного из блокадников даже украли карточки, когда он упал в блочной в обморок [35. Д. 7. Л. 92]. При этом иногда действовали очень дерзко – как вспоминал Е. С. Коц, «вытаскивали чуть ли не на глазах... все карточки, мои, мамины... все столовые талоны» [24, с. 191]. Воровали и продукты, особенно во время эвакуации, при посадке в вагон, когда в страшной давке нельзя было усмотреть за всей поклажей, вывозимой из дома [14, с. 183].

Симптомом усиления распада нравственных норм в «смертное время» стали нападения на обессиленных людей: у них отнимали и «карточки», и продукты [5, с. 55, 62]. Чаще всего это происходило в булочных и магазинах [36. Д. 2. Л. 4], когда видели, что покупатель замешкался, перекладывая хлеб и продукты с прилавка в сумку или пакеты и «карточки» в карманы и рукавицы. Нападали грабители на людей и рядом с магазинами. Нередко голодные горожане выходили оттуда с хлебом в руке, отщипывая от него маленькие кусочки и были поглощены только этим, не обращая внимания на возможные угрозы. Часто отнимали «довесок» к хлебу – его можно было легче выхватить и быстрее съесть [11, с. 544]. Жертвами нападений являлись и дети. У них скорее можно было отнять продукты [5, с. 72].

Грабили иногда столь ловко и профессионально, похитители так внезапно появлялись и быстро исчезали, что можно усомниться, все ли из них являлись дошедшими до крайней степени истощения

«дистрофиками», отчасти это относится и к массовым грабёжам. Какой-то элемент организации, пусть и примитивной, здесь, конечно, отрицать нельзя. Нужно было хотя бы на время сплотить разношерстную толпу, направить ее действия в определенное русло, придать им необходимую жесткость и смелость.

«На нашей машине в 6 часов утра вывозили хлеб с хлебозавода. При выезде из ворот в кузов машины прыгнуло пять человек... Григорьев <шофер. – С. Я.> остановил машину и, как он рассказывает, точно из-под земли выросла толпа человек в пятьдесят, которая набросилась на хлеб... Успели растащить около 100 кг хлеба», – записывала в дневнике 20 января 1942 г. И. Д. Зеленская [48. Оп. 11. Д. 35. Л. 56]. По тому же, весьма простому сценарию, осуществлялись и другие массовые грабежи [5, с. 60]. Вряд ли шофер мог скрупулезно пересчитать такое количество грабителей (да и не имел он для этого времени) и не исключено, что от него ждали соответствующих оправданий — но слаженность действий нападавших была налицо. Обычно же в коллективных ограблениях всегда проступают черты стихийных импровизаций. И не случайно почти все грабежи произошли в январе 1942 г., особенно во второй его декаде. тогда из-за аварий на трубопроводах (что, кстати, можно было предугадать) прекратилась подача воды на хлебозаводы и они остановились. Попрятавшиеся куда-то в эти дни (12–15 января 1942 г.) «ответственные работники» занимались спасением горожан лишь в той мере, чтобы не выглядело предельно наглым их бездействием во время беспримерной эпидемии массовых смертей.

«Часть хлеба потоптана ногами» – это случилось при разгроме «толпой народа» магазина № 8 Приморского райпищеторга 12 января 1942 г [12, с. 419]. Тогда похитили 50 кг хлеба и арестовали 24 человека [12, с. 419]. Где уж тут говорить об «организации» – этот «потоптанный» хлеб лучше прочих свидетельств воссоздает картину беспорядочного, эмоционального и импульсивного движения доведенных до отчаяния в бесконечных очередях голодных людей, возможно впервые за несколько месяцев державших в руках целую буханку хлеба. В разгромах магазинов № 97 Красногвардейского ППТ и № 12 Ленинского РПТ в январе 1942-г. стихийность за-

метна в самой последовательности действий разъяренной толпы – сломали прилавки, бросали кирпичи, ворвались в кладовую [12, с. 419]. Это не те грабители, которые в мгновение ока хватали с прилавка хлеб и исчезали в темноте. Это те, кто отстояв несколько часов в очереди на лютом морозе, возмущался, увидев пустой магазин, кто требовал выхода заведующих в зал и гневно реагировал их объяснения, кто хотел проверить, не лгут ли они и взламывал подсобные помещения, ища в них хлеб [51, с. 152–153].

Не составляло особого труда взглянуть и в лица многих из тех, кто нападал на покупателей в булочных и магазинах. Истощенные, они не могли далеко уйти. Обычно это были дети и подростки [28, с. 414]. Их родные или погибли, или не могли заботиться о них – а 125-граммовый паек хлеба для детей и иждивенцев означал медленную смерть, если не было возможности что-то продать, обменять или выпросить. Они никому не были нужны. У них не имелось иного пути, как идти к булочным и магазинам. Кто-то просил милостыню, кто-то отчаявшись ее получить и не имея сил больше терпеть, нападал на таких же истощенных прохожих.

Уйти, отняв хлеб, удавалось не всем. «Оба они бежали на ватных ногах» – такими увидел «парнишку лет пятнадцати» и ограбленную им пожилую женщину Л. Разумовский [41, с. 40]. Свидетельницей другой сцены стала В. Б. Враская: «Я шла по Литейному и увидела, что... молодой парень выхватил у женщины кусок хлеба, который та несла в руке» [35. Л. 26]. В. Б. Враская заметила, как он торопился его съесть, поскольку «от побоев уйти он не был в состоянии» »[35. Л. 26].

Хлеб обычно съедали здесь же, на месте [16, с. 243–244], несмотря на начавшееся избиение. Б. Капранов писал в дневнике в декабре 1941 г. о девушке, выхватившей хлеб в магазине: «...Стала в углу жадно есть. Продавщица ее стала ругать и бить. Но она только и отвечала: "Я голодна, я хочу есть"» [21, с. 42]. Другие очевидцы расправ никаких оправданий похитивших продукты не приводят. В жуткой сцене, когда кусок хлеба пытались вырвать из окровавленного рта, им было не до слов. Ни объяснений, ни извинений: крики ограбленных, плач избиваемых. «Мальчишки, особенно страдавшие

от голода... бросались на хлеб и сразу начинали его есть. Они не пытались убежать: только бы съесть побольше, пока не отняли. Они заранее поднимали воротники, ожидая побоев, ложились на хлеб и ели, ели, ели», – вспоминал Д. С. Лихачев» [30, с. 471]. Таких свидетельств много, и не только о подростках, но и людях разного возраста [29, с. 174].

Вот обычная сцена. Кто-то замешкался, получая свой паек. Рядом стояла «щупленькая и изможденная» 12-летняя девочка. Она «буквально коршуном подлетела к прилавку, схватила хлеб... и ментально выскочила на улицу... Девочка, как клещами, вцепилась в хлеб, на ходу отрывая куски и, не жуя их, глотала. С нее сорвали платок, били ее с остервенением, чем попало» [10. Л. 96].

Хлеб был съеден весь, неостановимо, с лихорадочной быстротой. Похоже, она даже не чувствовала побоев [10. Л. 29–30] – лишь бы не отняли, лишь бы удалось отщипнуть одну, вторую крошку... Вероятно, боль, стыд от унижения, страх побоев пришли позднее, когда на миг ослабело это жуткое, давящее чувство голода: «Девочка каким-то маленьким комочком повалилась на мокрую мостовую и безутешно заплакала» [10. Л. 30]. Так, свернувшись «комочком», было легче сносить новые удары. Так, слезами, можно было вызвать жалость у избивавших ее.

«Толпа разошлась» – этот последний эпизод сцены передан сухо, отрывисто, словно все совершалось молча. Может, кто-то здесь и ощутил раскаяние и стыд – нашлись ведь в толпе те, кто пытался пресечь «бесполезное и безобразное избиение» [10. Л. 30]. О случаях самосудов с летальным исходом сведений нет. Порядок восстанавливался быстро, и, когда это было возможно, похитителей передавали милиции [21, с. 244]. Избиение не являлось каким-то актом методично осуществляемой мести. Хотели только вернуть себе часть вырванного хлеба, не разбирая при этом средств и не держась цивилизованных приемов. Ставкой была жизнь. Действуя иначе, рисковали остаться без крошки и такого хлеба – окровавленного сырого месива. Один из блокадников сообщал, как убежавшего с чужим хлебом подростка женщины из стоявшей рядом очереди за мо-

локом избивали бидонами – в хаосе драки брались за все, что под-вернулось под руку.

Но и здесь мы видим тех, кто пытался защитить избитых. Они, услышав крик: «Бейте, чтобы он в следующий раз так не делал», просили: «Не бейте» [18, с. 81]. Может быть их и не было много, но требовалась смелость, чтобы заступиться, да еще когда рядом плачет ограбленная женщина. Вот еще одно свидетельство, вдвойне ценное тем, что принадлежало блокаднице, у которой мальчик вырвал ее паек. Она побежала за ним вместе с милиционером и заметила, где мальчик спрятался и как, плача, ел ее хлеб. Она пожалела его – толкнула за дверь. Он, ожидавший, возможно, худшего, даже укусил ее. Милиционер ушел, а мальчик, увидев, как женщина плачет, вернул ей хлеб [25, с. 102–103].

На первый взгляд этот рассказ может показаться даже приукрашенным и отражающим нормы этики более позднего времени. Но приведенные в нем подробности события, не нужные для «выстраивания» идеализированных авторских самохарактеристик, побуждают отнестись к нему с должным доверием. Чувство сострадания в позднейших рассказах о блокаде, вероятно, проступало более рельефно – это заметно при сравнении с дневниками военных лет. Но, даже допуская и поправку на время, стоит предположить, что этот след милосердия остался в памяти людей не случайно. Обратим внимание на использование в мемуарах Д. С. Лихачева и в В. Петерсона в одном предложении трех одинаковых слов при описании избиения: «ел, ел, ел», «жевал, жевал, жевал». Это признак особого переживания человеческой трагедии – для того, чтобы передать эмоциональное напряжение, одного слова кажется мало. Страшные картины блокадной повседневности вбиты, будто гвоздями, в сознание ее свидетелей такими однообразными, как звук метронома, глаголами. «Как бедную... девушку били за хлеб... Мне было... жалко, я не знала, как мне помочь ей. Бьют, отняла у кого-то хлебушек то... Ее бьют! Ногами, я не могла смотреть! Она не выпустила... хлеб, пока не съела, как бы ее не били» [19, с. 62].

И все-таки в рассказах об избиении тех, кто отнимал хлеб, мало сочувствия. Они обычно сдержанны, хотя редко кто из очевидцев

расправ не обращал внимания на истощенность доведенных до отчаяния людей. Последних можно понять, но каково было их жертвам. И у них оставались такие же истощенные, все время просившие есть дети, не имевшие сил встать с постелей их родные и близкие. Возьмите любой блокадный дневник и увидите, с каким нетерпением ждали возвращения из булочных с хлебом. Рассчитывали, на сколько маленьких частей его надо поделить, чтобы дожить до следующего дня, как добавить к нему «черной хряпки» (гнилых капустных листьев), студня из клея и из ремней и сделать их сытнее, как обменять кусок хлеба на витамины для опухших беззубых от цинги людей, как с выгодой отдать его за граммовую порцию масла или стакан молока для угасающего ребенка.

Блокадник М. Пелевин вспоминал о семье Клеваничевых. Никто в ней не получал больше 125 г, кроме старшей сестры Аллы. Она, чем могла, поддерживала своих маленьких сестер. «Что было бы с этими малютками, если бы не Алла... Когда Алла встает <чтобы идти в булочную. – С. Я.>, то даже еле слышные ее шаги не оставляют никого в покое. Все просыпаются и молча провожают ее в путь. Вот дверь за ней закрывается и наступает напряженное ожидание» [39. Ф. 1273. Д. 36. Л. 30–31].

Вырвут у нее кусок хлеба – и куда ей идти, кого просить, как смотреть в глаза тем, кто доверил ей «карточки», что говорить голодным плачущим детям.

Еще одна скорбная деталь блокадного быта, мимо которой нельзя пройти – мародерство. Мародерство даже на городских улицах, в т. ч. центральных, а не только в глухих дворах, стало частью блокадной повседневности. «...Стаскивают с покойников шапки, сапоги, выворачивают карманы, воруют карточки продуктовые и все имеющиеся ценности» – этот фрагмент письма В. А. Заветновского дочери содержит с исчерпывающей полнотой перечень обычных тогда мародерских действий [35. Л. 3 об.].

Ценнее всего были в это время продовольственные «карточки» и отчасти деньги. Очевидцы тех дней не раз обращали внимание на неестественно разведенные, заломленные руки умерших. Возможно, рылись в одежде еще живых людей, тела которых позднее око-

ченели на лютом морозе. Г. Кулагин увидел, что даже на сборном заводском пункте, куда приносили мертвых, у них были вывернуты карманы [26, с. 161].

«Почти все разуты» – такой деталью заканчивает он свое описание [26, с. 161]; ее отмечают и другие блокадники [31, с. 160]. Снимали, скорее всего, валенки [4, с. 250] – для тех, кто месяцами жил в промерзших домах, они имели большую ценность. Весной 1942 г., когда валенками стали реже пользоваться, брали и туфли [43. Оп. 1р. Д. 140. Л. 24], помимо обуви, снимали с мертвых и одежду, причем сообщавший об этом Б. Михайлов отметил, что воровали и те покрывала, в которых покойников выносили (вернее, выбрасывали) на улицу [48. оп. 11. Д. 53. Л. 10].

Более всего примечательна скорость, с которой нередко действовали мародеры. Так, М. И. Воробьева вспоминала: «Однажды я заняла очередь за хлебом, его долго не везли и я ходила домой греться. Возле тропинки лежала мертвая женщина, вначале она была полностью одета – теплый платок, пальто, валенки, но по мере моего хождения туда и обратно ее постепенно раздевали. Сначала сняли валенки, потом пальто и юбку» [6, с. 77]. О таком же случае говорит и М. Н. Котлярова [1, с. 127]. В различных районах, на разных улицах – один и тот же лейтмотив действий. Это определенно указывает на их неслучайность, хотя мы и лишены возможности оценить их масштаб. Какая-то не знающая осечки готовность без промедления, не стесняясь ничем, начать грабежи, говорит о многом. Сомнительно, чтобы этим занимался один и тот же человек, кем-то спугнутый и затаившийся – при всех обстоятельствах он бы управился все-таки быстрее. Чем больше одежды снимали с умершего, тем быстрее преодолевались и моральные табу, и тем, возможно, прочнее осознавали безнаказанность и обыденность совершаемого поступка. Может, кому-то трудно было оказаться здесь первым, но не исключено, что ставшее предельно открытым зрелище неостановимого мародерства для кого-то делало участие в нем менее отталкивающим и приемлемым.

Не всегда ясно, обворовывали ли людей умерших или еще находившихся в состоянии агонии, и быть может даже кратковремен-

ного голодного обморока. Мародеры, опасаясь быть застигнутыми врасплох, едва ли имели время, чтобы понять, скончался ли упавший человек. Все требовалось делать быстро, да и вряд ли это могло в ряде случаев кого-то остановить. В. М. Глинка откровенно в своих записках рассказал о том, чему был свидетелем, идя по Арсенальной набережной в декабре 1941 г. Он увидел, что шедший впереди него мужчина упал и не делал никаких движений. «А другой, встречный, остановился около упавшего, опустил на колени, стал расстегивать у лежавшего пуговицы на пальто и полез рукой за борт. Умиравший слабыми толчками отталкивал руки грабителя» [7, с. 178].

В. М. Глинку опередил шедший позади него красноармеец, отбросив мародера. Грабитель и его жертва лежали на снегу, еле шевелясь. Когда через «двадцать шагов» В. М. Глинка обернулся, он увидел, как мародер, словно паук, «опять навалился на умиравшего и роется в его карманах» [7, с. 178–179].

Незаметнее всего было грабить на кладбищах, но до них не всякий, решившийся на мародерство, мог дойти. «Кладбища превратились в многотысячную свалку трупов... Все они ограблены», – записала в дневнике 1 марта 1942 г. И. Д. Зеленская [48. оп. 11. Д. 35. Л. 65 об.], но, вероятно, ей трудно было удержаться от гиперболичности, вызванной сильным эмоциональным потрясением. Едва ли на каждый из этих тысяч трупов ей удалось взглянуть, хотя заметим, что граничившее с цинизмом неуважение к телам погибших вполне могло создать впечатление о процветавшем тут воровстве. Не исключено, что грабили и члены похоронных команд, ко всему быстро привыкавшие. По единичным свидетельствам трудно, правда, понять, считали ли они это мародерством или подготовкой трупов к захоронению. Вероятнее всего, в большинстве случаев грабеж начинался еще до отправки покойных на кладбище. Условия для этого имелись: не охранялись даже места их массовых скоплений в черте города.

Изучая причины мародерства, всегда отмечаешь одно обстоятельство: грабеж мертвых не объяснить только борьбой за жизнь. О продовольственных «карточках» и деньгах нет смысла спорить, – но

так уж ли необходимы были пелены и одеяла с умерших или туфли. Что-то, конечно, несли на рынки для обмена – но много ли хлеба можно было по тогдашней блокадной шкале выменять на чулки или юбку? Возникает ощущение, что все такие действия имеют отношение не столько к военному, сколько к довоенному быту. Есть свидетельства о том, как буквально со стоном решались нести одежду на продажу, как вспоминали при этом, сколько времени копили деньги на пальто или платье и как трудно это далось. Это чувство прошлой нищеты никуда не ушло. Не всякий (далеко не всякий!) мог протянуть руку и снять платок с умершей – но соблазн был, он имел мотивацию, и отрицать его бесполезно, особенно, если учесть, сколь слабой являлась охрана правопорядка в «смертное время». Было, наверное, еще и другое – общее снижение уровня цивилизационных и, вследствие этого, моральных эталонов. И оправдания находили быстрее и легче, и на других, столь же озабоченных выживанием и часто не разбиравших средств, можно было не всегда оглядываться.

В грабежах, воровстве, обмане и мародерстве, являвшихся обычными симптомами распада человеческой этики, принимали участие далеко не все горожане – а если быть точнее и принять во внимание совокупность не только прямых, но и косвенных свидетельств – лишь малая их часть. Сами эти действия не являлись чем-то новым и не вызваны одним только кошмарным блокадным бытом. Правонарушения подобного рода (разве что за исключением мародерства и грабежа хлебных подвод) стали повседневностью и в довоенном и в послевоенном Ленинграде. В мирное время корысть и жадность удавалось подавить угрозами и репрессиями, а что можно было противопоставить стремлению блокадников избежать смерти? Страх наказания той же смертью? Верили, что может быть все сойдет с рук, если оказаться сильнее и проворнее своей жертвы, но точно знали, что умрут, не найдя иных источников пропитания, кроме кладбищенских 125 г.

Признаками распада являются не столько эти правонарушения как таковые, сколько то, что они стали возможны (или не прекратились) во время беспримерных человеческих страданий. Не просто отнимали хлеб, но понимали, что ограбленный ими человек вскоре

умрет, и не могли не понимать этого: путь к любой булочной шел через трупы. Понимали, до какой степени дошли люди, безостановочно отрывающие кусочки от крохотного пайка, выйдя из магазина, понимали, что иначе они могут не дойти до дома. Понимали, что почти у каждого из ограбленных и обворованных имелись голодные родственники. Понимали, что этот шатающийся, бледный ребенок, которого послали в магазин, потому что все его родители слегли, не может оказать никакого сопротивления...

Не менее прискорбны этические последствия таких поступков. Пусть лишь несколько человек решались снять вещи с мертвого, но вид не убранного и за несколько дней трупа с голыми ногами мог снизить порог дозволенности и у многих из тех, кто был очевидцем этого зрелища или слышал о нем. Не участвовали в избиениях, но привыкали к нему, и видели, как ползают в крови, не имея сил встать, исхудавшие дети и подростки – а разве это не способно было вызвать черствость и безразличие.

Можно предположить, что стремление погреть руки на народной беде не было первоначально четко осознаваемой целью и у некоторых продавцов: прежде всего хотели спасти себя и своих близких, конечно, за счет других. Но не могли удержаться, появлялся дух наживы, и акт собственного спасения превращался в акт «цивилизованного» грабежа несчастных, обессиленных, оказавшихся на блокадном дне – грабежа с целью обогащения. Если возможны страшные, невыносимые еще недавно преступления, то не следует ли менее бурно реагировать на мелкие нарушения этики? Следует ли себя считать виноватым, если речь идет не о грабеже, а о том, чтобы отвернуться от упавшего на снег, не ответить на просьбу о помощи? Все это впитывалось человеком, могло им усваиваться даже подсознательно, стало привычной реальностью, задевающей далеко не всех, не требующей эмоционального отклика. Все это не возникло внезапно, но исподволь начинало предопределять мотивы его поведения: с чем-то надо смириться, на что-то не надо тратить слов – не удивляться, не сердиться, не обещать, не спрашивать себя...

Список литературы

1. 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941 –1944 гг. – М.; Л., 1966.
2. Аверкиев И. А. [Стенографическая запись воспоминаний] // Оборона Ленинграда. 1941 –1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968.
3. Базанова В. Вчера было девять тревог // Нева. – 1999. – № 1.
4. Блокадный дневник А. И. Винокурова. 28 февраля 1942 г. // Блокадные дневники и документы.
5. Блокадный дневник Н. П. Горшкова // Блокадные дневники и документы. – СПб., 2004..
6. Воробьева Л. И. Лунные ночи войны // Откуда берется мужество.
7. Глинка В. М. Блокада // Звезда. – 2005. – № 1.
8. Голлербах Э. Из дневника 1941 года // Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе.
9. Горышина Т. Ради жизни // Нева. – 1999. – № 1.
10. Гусарова М. А. Мы не падали духом // Откуда берется мужество.
11. Давидсон А. Б. Первая блокадная зима. Воспоминания // Отечественная история и историческая мысль в России XIX –XX веков. – СПб., 2006.
12. Докладная записка начальника управления продорганами Ленинграда П. С. Попкову. 15 января 1942 г. // Ленинград в осаде..
13. Звезда. – 2005. – № 9.
14. Ильина И. От блокады до победы // Нева. – 2005. – № 5.
15. Инбер В. Собр. соч. Т. 3. – М., 1965.
16. Интервью с А. Г. Усановой // Нестор. – 2003. № 6.
17. Интервью с А. Н. Цамутали // Нестор. – 2003. № 6.
18. Интервью с Л. П. Власовой // Нестор. – 2003. № 6..
19. Интервью с М. В. Васильевой // Нестор. – 2003. № 6.
20. Интервью с С. П. Сухоруковой // Нестор. – 2003. № 6.
21. Капранов Б. Дневник. 15 декабря 1941 г. // Будни подвига.
22. Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград. 1941 –1944. – СПб., 2005.
23. Котов С. Детские дома блокадного Ленинграда.
24. Коц Е. С. Эпизоды, встречи, человеческие судьбы // Публичная библиотека в годы войны.
25. Красюкова З. В. Из дневника памяти // Ленинградская наука в годы Великой отечественной войны. – СПб., 1995.
26. Кулагин Г. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. – Л., 1978.
27. Левина В. Г. Я помню... Заметки ленинградки. – СПб., 2007.

28. Ленинград в осаде: сб. док-тов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. – СПб.
29. Лившиц З. С. Дневник. 22 марта 1942 г. // Будни подвига. Блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. СПб., 2006.
30. Лихачев Д. С. Воспоминания. – СПб., 1997. – С. 456.
31. Люблинский В. С. Бытовые истории уточнения картин блокады. 14 февраля 1942 г. // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. – СПб., 1995.
32. Максимов Т. Воспоминания о ленинградской блокаде. – СПб., 2002.
33. Михайлов Б. На дне войны и блокады. – СПб., 2001.
34. ОР РНБ. Ф. 1037.
35. ОР РНБ. Ф. 1273.
36. ОР РНБ. Ф. 368.
37. Павлов Д. В. Ленинград в блокаде.
38. Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. СПб., 2005.
39. Пелевин М. П. Повесть блокадных дней
40. Публичная библиотека в годы войны. – СПб., 2005.
41. Разумовский Л. Дети блокады // Нева. – 1999. – № 1. – С. 15.
42. Ратнер Л. Вы живы в памяти моей. Воспоминания блокадного мальчика // Нева. – 2002. – № 9.
43. РДФ ГММОБЛ.
44. Ригина Т. Д. Карельское студенческое братство // Откуда берется мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград. – Петрозаводск, 2005.
45. Терентьев-Катанский А. Неразорвавшийся снаряд // Нева. – 2001. – № 1.
46. Три письма из блокады // История Санкт-Петербурга. – 2006. – № 6.
47. Хрусталева Н. Воспоминания о четырехлетней девочке // Нева. – 1999. – № 1.
48. ЦГАИПД. Ф. 4000.
49. ЦГАИПД. Ф. К-118.
50. Чуковский Н. О том, что видел. – М., 2005.
51. Шулькин В. Воспоминания баловня судьбы // Нева. – 1999. – № 1.

**Обучение женщин-бойцов ПВО Ленинграда
владению боевым оружием, военной техникой
и тактикой их применения**

В данной статье рассматривается вопрос обучения мобилизованных женщин Северо-Запада владению боевым оружием и военной техникой. Это было нелегким делом для женщин, не знавшим об этом ничего. Но они делали все возможное, чтобы защитить небо Ленинграда.

In this article the question of mobilized women teaching on territory of north-west is considered. It wasn't easy to study arms drill and military technology for women who knew nothing about it. But they did all possible to defense the sky of Leningrad.

Ключевые слова: всеобщее военное образование, мобилизация, противоздушная оборона, Ленинград, блокада, резерв, патриотизм, владение боевым оружием, военная техника.

Key words: general military education, Mobilization, the air defense, Leningrad, siege, reserve force, patriotism, arms drill, military technology.

Подготовка женщин-военнослужащих ПВО Ленинграда осуществлялось через всеобуч, военное обучение студенток, обучение личного става в учебных центрах, резервных и запасных частях, боевую подготовку в Действующей Армии. Она предусматривала тактическую, огневую, строевую, химическую, санитарную и физическую подготовку, изучение воинских уставов. Проводил занятия средний и младший командный состав запаса, пользовавшийся отсрочкой от призыва по мобилизации, а также наиболее подготовленный рядовой состав старших возрастов, не призванный в армию. Подготовка по системе всеобщего военного обучения проводилось в несколько очередей. В первую очередь было подготовлено

* **Мурадова Гульнара Якубовна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

478 женщин, во вторую, с 15 марта 1942 г. по 30 апреля 1943 г. – 1281 представительниц слабого пола [2, С. 131]. Третья очередь обучения длилась с 5 мая по 20 июня 1943 года было обучено 1157 женщин [2, с. 132]. А в четвертой очереди их число увеличилось в 2,8 раза по сравнению с мужчинами. В последующих очередях женщин было большинство [3, с. 183].

В системе Всевобуча и Осоавиохима решались главным образом задачи первоначальной военной подготовки резервов. Однако в тех условиях для войск противовоздушной обороны требовалось большое количество хорошо обученных в военном отношении людских ресурсов. Поэтому с началом войны были развернуты запасные части всех родов войск, а с августа 1942 г. и учебные части, основным назначением которых явилась подготовка личного состава для пополнения потерь в воинских частях.

В августе 1941 г. были разработаны и утверждены ГКО мероприятия по повышению интенсивности подготовки людских резервов и направлению маршевых пополнений фронтам. Предусматривалось значительно увеличить количество и емкость запасных и учебных частей, повысить уровень учебной работы в них. Ответственность за стояние этих частей, своевременное формирование маршевых батальонов и бесперебойное пополнение действующей армии была возложена на Главупраформ Красной армии и командующих войсками военных округов. Перед обкомами, крайкомами и ЦК партий союзных республик ставилась задача оказывать повседневную помощь командованию запасных и учебных частей в деле их комплектования, учебно-материального и хозяйственного обеспечения, размещения, оборудования зимних лагерей.

Таким образом, одним из важнейших требований к обучению личного состава войск ПВО Ленинграда, в том числе и женщин, была ускоренная подготовка их к боевым действиям.

Прибывшее пополнение женщин в войска ПВО Ленинграда распределялось с учетом военной, общеобразовательной и специальной подготовки. Например, П.С. Самойлов, начальник штаба 72-го отдельного радиобатальона, вспоминает, что в части подразделений воздушного наблюдения, оповещения и связи, в первую оче-

редь попадали женщины и девушки инженеры, техники-радисты, электромеханики и т. д. [14, с. 7]

Сложность обстановки заключалась в том, что замену мужчин требовалось провести, не снижая боевой готовности. Женщины-бойцы настойчиво овладевали боевыми специальностями. Многие из них успешно заканчивали курсы младших командиров, курсы по подготовке политработников. Так, в апреле 1943 г. только в 169-м зенитном артиллерийском полку 15 девушек были назначены на должности начальников звукоулавливателей и 18 – командирами дальномерных отделений [9, с. 103]. Вся боевая подготовка строилась в соответствии с требованиями принципа «учить войска тому, что необходимо на войне». В основу содержания обучения были положены боевой опыт, изучение поступавших в войска техники и оружия, практическая отработка приемов и способов действий в бою. Большая часть учебного времени в запасных и учебных частях отводилось на огневую, тактическую и техническую подготовку.

В начале войны имелось «Руководство по 37-мм автоматической зенитной пушке». Оно не удовлетворяло полностью предъявляемым требованиям. В развитие этого руководства капитаном артиллерийско-технической службы В.Г. Чеховичем в 1942 г. была написана «Памятка по эксплуатации 37-мм автоматической зенитной пушки». В памятке были кратко и четко сформулированы основные обязанности артиллерийского техника дивизиона малокалиберной зенитной артиллерии, и она сыграла значительную роль в обучении женщин ПВО Ленинграда. Именно по этому руководству постигали знания зенитчицы ПВО. Кроме того, имелись в пользовании такие пособия, как специальный «Справочник техника зенитной артиллерии», написанный в короткий срок А.А. Шебановым, С.З. Темкиным, М.А. Трейстером и Р.В. Богословским.

В годы войны регулярно выходил научно-технический бюллетень. На его страницах шел обмен опытом обучения и воспитания бойцов ПВО, в том числе и женщин. Там можно было найти материалы о новых образцах вооружения, рационализаторской работе, об оборудовании лабораторий и классов.

Обучение личного состава запасных и резервных частей носило исключительно практический характер. Оно осуществлялось, как правило, методами личного показа, краткого рассказа, упражнения и практических работ. «Учи показом, учи на практике, учи только тому, что сам хорошо знаешь», «Толково рассказать, умело показать, терпеливо исправлять ошибки и тренировать до степени отличного усвоения – основной метод в обучении бойцов». Так формулировались требования к методике как одиночного обучения, так и при слаживании подразделений [6, с. 436].

Часто занятия начинались с проведения учебных тревог. Учебный день продолжался 10-12 часов. Наряду с плановыми занятиями в запасных и учебных частях активно использовались и такие формы внепланового обучения, как вечера изучения оружия и техники, дни техники, тактические конференции, встречи с фронтовиками.

Так как бойцы противовоздушной обороны Ленинграда вели напряженные бои и с наземными силами противника, обучение навыкам ведения борьбы с танками были необходимы для женщин-воинов. «Появление танков наводило страх на части – части боятся танков», так характеризует ситуацию среди войск исследователь проблем обороны Ленинграда А.Р. Дзенискевич [8]. В этой связи значительное место в обучении женщин противовоздушной обороны занимала борьба с бронечастями противника.

Женщины понимали важность своей военной подготовки, были лично в ней заинтересованы и относились к занятиям весьма ответственно. Вот что писала одна из девушек: «Мы прекрасно понимаем, что имеем дело с хитрым, сильным и хорошо вооруженным противником. Только организованностью, смелостью, передовой техникой мы победим врага. Поэтому перед нами стоит задача изучать лучше и быстрее те науки, которые необходимы для победы над врагом. Каждая отличная оценка, полученная нами – это тоже выстрел в сердце врага. И поэтому, каждая из нас отдает все свои силы для усвоения тех знаний, которые помогут нам для достижения одной заветной цели – победы над врагом» [4, с. 14].

Такой же настрой был и у другой девушки – Зинаиды Литвиновой, обучавшейся в 8-й женской батарее 115 зенитно-

артиллерийского полка: «Но мы ни перед чем не пасовали, ведь все мы пришли добровольно, никто не заставлял идти на фронт, поэтому все силы отдавали учебе, горели желанием как можно быстрее попасть на фронт» [1, с. 150].

Уже во время учебы девушки отличались высокой дисциплиной, организованностью и упорством в овладении военным мастерством. В сентябре 1943 г. из 684 курсанток 3-го набора женской школы, державших выпускные испытания по стрельбе, положенные упражнения выполнили все 684. 524 выпускницы получили оценку "отлично", 111 – "хорошо" и 49 – "посредственно". Общая оценка военной подготовки – "отлично". По политической подготовке экзамен держали 707 выпускниц этого набора. Знания 393 девушек были оценены на "отлично", 232 – "хорошо" и 82 – "посредственно". Такие же высокие оценки получали выпускницы школы всех наборов [12, с. 140].

Немаловажное значение в обучении женщин играла и огневая подготовка – результаты стрельб из личного оружия.

Одной из трудностей, возникших в ходе подготовки женщин, была плохая посещаемость занятий. Причем иногда приходилось пропускать занятия не по собственной воле девушек-бойцов ПВО Ленинграда. Так, в одной из докладных записок мы видим: «На занятиях из 18 человек через 10 минут старшина роты вызвал 11 женщин-военнослужащих для посылки на работу» [17, Ф. 4886. Оп. 1. Д. 77. Л. 20].

Также нередко на занятиях по тактике, как видно из докладных записок, были случаи, когда женщины отказывались ползать по земле и маскироваться, чтобы не испачкать одежды [10, с. 170].

Крайне тяжелые бытовые и материальные условия военного времени, так же не благоприятствовали обучению женщин и девушек. Старший политрук Бабурина писала в докладной записке от 17–18 декабря 1942 г.: « Вот что пришлось наблюдать мне лично 18.12.42 г. на занятиях: ... занятия проводились в совершенно холодном зале при свете очень маленькой коптилки и то с разбитым стеклом» [17, Ф. 4886. Оп. 1. Д. 77. Л. 20]. Похожие воспоминания были и у Нины Кузнецовой: «Группа наша была маленькая. Занятия проходили в небольшой комнате. Небольшая печурка была не в со-

стоянии согреть нас. Было очень холодно. Навсегда я запомнила эти занятия. Собственно говоря, не сами лекции, а то, с каким подъемом и уверенностью читал их закутанный в пальто голодный человек. Мне же хотелось только есть и спать. Наверное, как и другим» [13, с. 72].

Мужчины-офицеры понимали, что девушкам приходилось тяжело. Вот, что пишет в своих воспоминаниях П.И. Максименко, работавший в блокированном Ленинграде начальником радиостанции: «Прибывшие девушки были измучены блокадой, голодные, истощенные. Но они с достоинством взялись за трудную учебу. Им было трудно еще и потому, что приходилось нести караульную службу на объектах. Так же они занимались заготовкой дров, обслуживали пищеблок: кормили весь личный состав полка, так как специалисты, дежурившие круглые сутки на узлах связи, очень уставали. Учащиеся попадали под артобстрелы и бомбежки вражеской авиации. Были жертвы. Девушки 18–23 лет слушали не ночные напевы птиц, а разрывы снарядов, когда находились на ответственных постах артсклада, бензохранилища, вещскладов, поста № 1. Мы, офицеры новых курсантов, пытались привить им не только любовь к специальности и военному делу, но и связывали требования устава воинской дисциплины с характерами девушек, понимали их трудности, которые они мужественно преодолевали. И мы были рады, что встречаясь друг с другом смело и честно смотрели в глаза друг другу, ибо мы делали одно важное дело, трудились для Родины, Победы, не уронили чести и достоинства» [15, с. 69].

Учеба было не легким делом, но девушки не жаловались, а наоборот, гордились, что они бойцы войск ПВО и были готовы с гордостью наравне с мужчинами защищать свой родной город: «Занимались много, но никто не жаловался. Хотя мы и не приняли еще воинскую присягу, каждая мысленно считала себя солдатом с первого часа войны. Это чувство заботливо поддерживали старшие товарищи – командиры и политработники», – писала в своем дневнике Наталья Кайсанова, позже ставшая бойцом подразделения ВНОС [7: РДФ. Оп. 1л. Д. 437]. «Трудно было не одной мне, – исповедовалась в своем дневнике и Женя Руднева, – Сижу на морзянке

и огорчаюсь. Ничего у меня не клеится: с цифрами еще кое-как, а вот с буквами я никак не справлюсь, мы принимаем по радио, сразу на слух. Сейчас мы разучили условные знаки радиообмена, так я, наверное, всегда буду сообщать, что слышу плохо, не поняла и чтобы давали медленнее. И интересно получилось: эти звуки я сразу усвоила. Ну да ладно, справлюсь» [5, с. 312]. Тяжелые дни и ночи военного времени описывает и другая девушка-боец ПВО Ленинграда Надежда Григорьевна: «Ежедневные занятия требовали максимальной отдачи сил. А тут еще частые тревоги, дежурства на старте в снежные ночи, разогревание промерзших моторов перед вылетами, короткие проводы и долгое ожидание подруг» [16, с. 78].

Во время учебы девушкам не всегда удавалось все с первого раза. Но командиры умели настроить девушек, поддержать их, даже в каких-то неудачах. В пример можно привести следующий случай: «Тебе нужно хорошенько отдохнуть, – ласково, но твердо сказала А. – Завтра предстоит учебное бомбометание на полигоне... Кстати, как выполнили задание сегодня? – поинтересовалась командир.

Я была недовольна собой и честно призналась в этом.

– Мужество состоит не только в том, чтобы с первой попытки достичь цели, – заметила после паузы Амосова. – Волевой человек мужествен и в неудачах. Он не раскисает, а становится злее, упрямее. Он учится на ошибках. И потому способен выполнить любое задание.

Сказать, что я была благодарна своему командиру Симе Амосовой за то, что услышала, – значит ничего не сказать. В тот момент мне были просто необходимы такие слова. И они вызвали ответное движение сердца. Трудно передать, что я испытала. Но с той поры приказ командира перестал быть для меня просто уставной формулой, не подлежащей обсуждению. Весь смысл моей жизни заключался отныне в том, чтобы не подвести человека, который верил в меня и в дни побед, и в дни поражений.

Психологически все это очень сложно, но в то же время легко объяснимо. В молодости всегда кажется, что любое испытание тебе по плечу. Кажется до тех пор, пока не убедишься: одного желания мало. Нужны и воля, и упорство, и мужество. И наконец, самый

элементарный боевой опыт, который позволяет неоперившимся птенцам, какими были мы, становиться со временем орлами» [16, с. 125].

Помимо специальной подготовки в училище давались необходимые знания и навыки по военным дисциплинам. Военного цикла в годы войны не существовало. Были лишь отдельные дисциплины: тактика зенитной артиллерии, инженерное дело, связь, топография, военная администрация, противохимическая защита войск. Этими дисциплинами формировалось тактическое мышление девушек-воинов, их взгляды на место зенитной артиллерии в бою, основные принципы ее боевого использования. Девушки и женщины учились оборудовать позиции, ориентироваться на местности и пользоваться картой, овладевали основными принципами управления войсками в бою.

Изучение уставов, строевая и стрелковая подготовка завершали военное образование женщин ПВО Ленинграда.

Удельный вес военных дисциплин по отношению к специальным был небольшим. Так, например, на инженерное дело, противохимическую подготовку, связь и топографию отводилось по 15–20 часов. Этого времени было недостаточно, чтобы получить глубокие знания, но все же женщины, прошедшие курс боевой подготовки, как показала практика, могли правильно решать многие вопросы, связанные с жизнью и боевой деятельностью войск.

Учебный день начинался рано. Занятия и самоподготовка проводились и ночью. Из 11 часов учебного дня 8 – отводилось на занятия с преподавателями и 3 – на самоподготовку. Вот как описывает свой обычный день учебных занятий Вера Петровна Кузьмина, служившая в 62-й отдельном зенитном батальоне: «Подъем в казарме проходил в 6 часов утра. За 40 секунд нужно было одеться и встать на утреннюю проверку. После этого давался час личного санитарно-гигиенического времени. Затем строем шли на завтрак. Потом начиналась учеба. С 13 до 14 часов по распорядку дня был обед. После обеда и ужина – опять учеба. В 23 часа объявлялся отбой на ночной отдых» [11, с. 183].

Основой преподавания стала максимальная наглядность и простота изложения при особенно тщательном материальном обеспечении занятий. Увеличением практических работ и времени на самоподготовку преподаватели стремились приучить женщин к самостоятельной работе.

Однако настоящими бойцами женщины становились уже в ходе боев, постепенно накапливая опыт и навыки ведения боевых действий. Отсутствие военной выучки на первых порах восполнялось патриотизмом, самоотверженностью и героизмом большинства женщин-воинов ПВО Ленинграда.

Список литературы

1. Блокада. Сестрорецкий рубеж. Воспоминания блокадников курортного района. Свидетельства очевидцев, документы военной поры. – Сестрорецк, 2004.
2. Бредихин В.Е. Роль комсомола в подготовке военных специалистов в системе всеобуча в годы Великой Отечественной войны. // Мы победу приближали как могли: материалы междунар. науч. конф., посвящ. Великой Отечественной войне (с акцентом на 1943 год). Москва, 18–19 апр. 2003 г. – Смоленск, 2003.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. – М., 1985.
4. Вестн. ПВО. – 1961. – № 3. – С. 14.
5. Ветеран. – Л., 1984. – С. 312.
6. Военная педагогика. – М., 1966.
7. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда.
8. Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда (1941–1944).
9. Женщины Ленинграда в годы блокады: материалы науч. конф. 10–11 марта 2005 г. – СПб., 2005.
10. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. – М., 2002.
11. Мурманцева В.С. Женщины в солдатских шинелях. – М., 1971.
12. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. – М., 1974.
13. Полонская Е.И. На своих плечах. – М., 1948. – С. 72.
14. Редуты на защите Ленинграда: сб. воспоминаний. – Л., 1990.
15. Связисты Ленинградского фронта на завершающем этапе Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Кн. 3. – СПб., 1995. – С. 69.
16. Тимофеева-Егорова А.А. Держись, сестричка! – М., 1985.
17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

**Особенности военного коллаборационизма
на оккупированной территории России
в годы Великой Отечественной войны**

В статье рассматриваются типы военного сотрудничества граждан нашей страны с гитлеровскими захватчиками. Дается характеристика различных форм вооруженного содействия оккупантам на территории России.

The article deals with types of military cooperation of Russian citizens with Nazi aggressors. The characteristic of various forms of armed assistance to invaders on the territory of Russia is given.

Ключевые слова: коллаборационизм, оккупация, Великая Отечественная война.

Key words: collaborationism, occupation, Great Patriotic War.

В условиях боевых действий одним из типов коллаборационизма является военный – оказание содействия противнику с оружием в руках. Он может проявляться в различных формах: служба в военных и военизированных формированиях, в полицейских структурах, в органах разведки и контрразведки.

Рассчитывая использовать в своих целях национальную вражду между народами СССР, немецкие власти уже в первые месяцы оккупации начали формировать различные антисоветские националистические отряды. В этом отношении наибольшую силу представляли украинские и прибалтийские вооруженные формирования.

25 августа 1941 г. командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу в вермахт литовцев, латышей и эстонцев и создавать из них

* **Ковалев Борис Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

особые команды и добровольческие батальоны для антипартизанской борьбы. Зимой 1941–1942 гг. были сформированы балтийские охранные батальоны, первоначально с целью заменить в тылу немецкие войска для использования последних на фронте, однако начиная с июля 1942 г., эстонские батальоны наравне с немцами сражались на передовой линии [1, с. 26–27].

С привлечением русских дело обстояло несколько сложнее. И проблема здесь заключалась не только в том, что арийцы считали славян «недочеловеками». Изначально руководство Третьего рейха не хотело давать им в руки оружие даже в пропагандистских целях.

Срыв плана «блицкрига» заставил нацистов по-другому оценить потенциал русских, готовых сотрудничать с ними. Так что силам советского сопротивления противостояли не только войска немецко-фашистской Германии и ее союзников, но и различные коллаборационистские подразделения из числа местных жителей, часто созданные при участии сотрудников нацистских спецслужб: полицейские и карательные отряды, разведывательные и пропагандистские школы, Русская освободительная армия, Русская освободительная народная армия и др.

Для начального этапа Великой Отечественной войны не характерно широкое использование оккупантами местного населения в военных целях даже для борьбы с партизанами. Но были и исключения. Так, в ноябре 1941 г. немцы создали в Поддорском районе Ленинградской области из местного населения и лиц, дезертировавших из Красной армии, три вооруженных отряда общей численностью более 50 человек. Участники этих отрядов были вооружены винтовками и ручными пулеметами, вели борьбу с партизанами, охраняли немецкие тылы в прифронтовой зоне [5. Ф. 7. Д. 33. Л. 41]. Но в начальный период войны оккупанты делали основную ставку на карательные отряды, сформированные на территории Прибалтики [5. Ф. 7. Д. 193. Л. 85]. В них входили в первую очередь эстонцы, латыши и финны.

Победа советского народа под Москвой и как следствие этого срыв плана молниеносной войны против СССР заставили оккупан-

тов пересмотреть свои взгляды на использование представителей народов Советского Союза в боевых действиях.

Весной 1942 г. в оккупированных нацистами районах нашей страны появилось значительное количество различных «вспомогательных подразделений», не имевших, как правило, ни четкой организационной структуры, ни штатов, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Их функции заключались в охране железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных, где они должны были заменить немецкие войска, необходимые на фронте. В группе армий «Север» они назывались «местные боевые соединения» (Einwohnerkampfverbände), в группе армий «Центр» – «служба порядка» (Ordnungsdienst), а в группе армий «Юг» – «вспомогательные охранные части» (Hilfswachmannschaften) [2, с. 14].

Формирование восточных войск на начальном этапе гитлеровцы пытались осуществлять на основе добровольного волеизъявления граждан. Когда же таковых оказалось крайне мало, были предприняты иные меры: истязания голодом и побоями, дезинформация, шантаж, провокации и т. д. Как свидетельствуют многочисленные источники, комплектование восточных формирований производилось примерно по такой схеме. В лагерь военнопленных прибывали вербовщики из представителей немецкого командования, белоэмигрантов, различных эмиссаров и приступали к выявлению лиц, по различным причинам согласившимся вступить на службу в германскую армию. Из них создавалось ядро будущего подразделения. По количеству добровольцев оно, как правило, значительно не дотягивало до установленной штатной численности. Недостающих новобранцев отбирали уже по принципу физической годности к несению строевой службы. Они оказывались перед ограниченным выбором: либо принудительная служба в германской армии, либо голодная смерть. От безысходности многие соглашались надеть фашистский мундир, надеясь при удачном случае с оружием в руках перейти на сторону партизан или Красной армии. У молодых парней и мужчин призывного возраста, загнанных в гражданские ла-

геря, также не было выхода: или служба в восточных войсках, или каторжные работы в Германии.

Таким способом, в частности, формировались летом 1942 г. три батальона на оккупированной территории Орловской области: первый – в Орджоникидзеграде (район Брянска), второй – в районе г. Трубчевска, третий – в районе Плюсково (20 км севернее Трубчевска). Во главе батальонов, рот и взводов находились бывшие советские офицеры. При командирах батальонов состояли немецкие офицеры не ниже лейтенантов, в ротах, взводах и отделениях – немецкие унтер-офицеры и солдаты. Они выступали в качестве контролеров-надзирателей за правильным и своевременным выполнением приказов немецкого командования, и их указания были обязательны для каждого бывшего русского военнослужащего, какую бы должность в данном воинском формировании он ни занимал [12, с. 22].

К концу лета 1942 г. по мере значительного роста потребностей в охранных войсках германское командование наряду с набором добровольцев приступило к насильственной мобилизации годных к военной службе мужчин от 18 до 50 лет. Суть такой мобилизации состояла в том, что перед жителями оккупированных районов ставилась альтернатива: быть завербованными в «добровольческие» отряды или угнанными на принудительные работы в Германию.

Следует отметить, что особое внимание со стороны советского сопротивления и НКВД уделялось тем подразделениям, которые предназначались фашистами для разведывательно-диверсионной работы в советском тылу. 22 января 1942 г. вышли указания НКВД СССР «О мероприятиях по борьбе с "добровольческими" отрядами». В них все коллаборационистские формирования назывались бандами. Предполагалось «по получении проверенных сведений о формировании банды подбирать и направлять через линию фронта в пункты формирования банды надёжную агентуру с задачей внедрения в состав банды». Чекисты должны были «вести разложеческую работу среди рядовых участников, склонять их к переходу в Красную армию, насильно уводить с собой руководителей банд; осуществлять ликвидацию отдельных руководителей банд, вербов-

щиков в эти отряды и отдельных активных рядовых участников; вербовать старост с целью получения возможности вливать через них в банды нашу агентуру» [8].

Но работа по разложению коллаборационистских формирований не всегда была успешной для советской стороны. В практике агентурной работы имелись случаи, показывающие наши недоработки. Так, 1 июля 1942 г. Навлинским оперативным чекистским объединением (Орловская область) был завербован начальник штаба полицейского отряда Р. Вербовкой преследовалась цель добиться через него проведения агентурных мероприятий по разложению полицейского отряда. Связь с Р. систематически поддерживалась через агента-связника Н., контактировавшего с группой навлинских девушек, распространявших советские листовки, и в результате этого арестованных гестапо. Вместе с ними был схвачен и агент Н. В результате этого все мероприятия по вербовке Р. и разложению полицейского отряда были провалены [З. Ф. 11. Оп. 1. портфель 2. Д. 23. Л. 27].

18 декабря 1942 г. состоялась конференция, организованная Альфредом Розенбергом. В ней приняли участие начальники оперативных тыловых районов Восточного фронта и представители центральных военных управлений, ответственные за проведение оккупационной политики и осуществление хозяйственной деятельности на захваченной территории Советского Союза. Обсуждая возможности привлечения советского населения к активному сотрудничеству, немецкие военные представители высказывали мнение, что вермахт нуждается в непосредственном использовании жителей оккупированных районов для ведения боевых действий и восполнения потерь личного состава войск, а также успешной борьбы со все усиливающимся партизанским движением. Поэтому было решено пойти на определенные уступки в обращении с населением. Вместе с тем открыто заявлялось, что речь идет лишь о мероприятиях временного характера, которые сразу же после окончания войны могут и будут подвергнуты любой ревизии [9, 260–261].

Несмотря на свое согласие с некоторыми предложениями Розенберга, Гитлер отказался до окончания войны вносить в проводимую политику какие-либо изменения.

Усиление сопротивления и коренной перелом в Великой Отечественной войне заставил нацистские оккупационные и пропагандистские службы разработать новый план по активному вовлечению в коллаборационистские подразделения русских граждан. В 1941 г. немцы требовали от населения в основном экономической поддержки, с 1942 г. командование вермахта пошло на создание вспомогательных отрядов из местных жителей. 1943 год был характерен «союзной инициативой» ведомства Геббельса. Согласно ей, эта война велась самим русским народом против поработившего его большевизма, Германия же выступала в качестве союзника России.

Зимой 1942–1943 годов в глубине оккупированной территории России происходила замена некоторых немецких гарнизонов «добровольческими частями». Личный состав, помимо обмундирования и питания, получал денежное довольствие [8].

Наибольшие надежды фашисты возлагали на полицейских и карателей, которые в свое время были репрессированы советской властью. В работе с ними партизанские агенты признавали незаконность вынесенных им приговоров, но отмечали, что обида на конкретных представителей советской власти и НКВД ещё не повод к активному сотрудничеству со злейшими врагами русского народа [6, Ф. 260. Оп. 1. Д. 121. Л. 127–128].

Особое место среди вооруженных коллаборационистских формирований занимали ложные партизанские отряды. Так, в ноябре 1941 г. полицией безопасности и «СД» в г. Луге Ленинградской области из уголовных элементов была создана разведывательно-карательная группа, которая в первый период насчитывала восемь человек. Руководителем этой группы немцами был назначен Николай Александрович Мартыновский, 1920 г. рождения, уроженец г. Омска, бывший студент II курса Ленинградского медицинского института.

Группа с декабря 1941 г. до весны 1942 г. выходила в населённые пункты Лужского района, выдавая себя за участников советско-

го сопротивления. Общась с населением, она выявляла места расположения партизан, подпольных организаций, советских разведчиков и лиц, оказывавших помощь партизанам.

Таким провокационным методом было вскрыто и уничтожено несколько советских разведывательно-диверсионных групп, а также много партизан и лиц, оказывавших им помощь. Участники этого отряда, который к этому времени именовался «Ягд-командой», применяли исключительно коварные методы борьбы с советскими патриотами. Все они были одеты в гражданскую форму, а Мартыновский носил форму капитана Красной армии и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Каратели, выдавая себя за партизан, при выявлении лиц, оказывавших помощь партизанам, производили расстрелы, подвергали сожжению населённые пункты, грабили имущество у советских граждан.

Захваченных в плен партизан расстреливали, а некоторых вовлекали в «Ягд-команду», а для закрепления их дальнейшей службы у карателей заставляли расстреливать перед строем своих же товарищей.

За пассивные действия во время операций, трусость, малейшее недовольство, попытки перейти на сторону партизан Мартыновский или его заместитель Решетников расстреливали участников отряда перед строем.

В отряде процветало пьянство, массовое изнасилование женщин в местах расположения «Ягд-команды», а захваченные в плен партизанки после изнасилования расстреливались. За время нахождения «Ягд-команды» на территории Псковской области её участниками было расстреляно свыше 100 человек, в том числе стариков, женщин, детей, сожжено и разграблено несколько населённых пунктов. В марте 1944 г. «Ягд-команда» была перебросена в Белорусскую ССР, где в районе города Полоцка и Дрисском районе чинила массовые зверства над мирными советскими гражданами. Так 1 мая 1944 г. в местечке Крышборок каратели на почве мести за убитого партизанами командира взвода Пшик расстреляли 30 человек ни в

чём не повинных детей, женщин и стариков. А всего в этом районе было расстреляно около 60 человек мирных граждан и партизан.

В конце 1944 г. «Ягд-команда» была переброшена в Польшу, а затем в Югославию для борьбы с партизанским движением. На территории Югославии каратели также чинили массовые зверства, насилия, грабежи. В сентябре 1944 г. по пути из Югославии в Польшу Мартыновский из-за личных счётов был убит своим заместителем Решетниковым, который с этого времени и возглавил «Ягд-команду».

В январе 1945 г. под городом Иноврацлав (Польша) «Ягд-команда» была разбита войсками Красной армии, 39 карателей взяты в плен, арестованы и осуждены военным трибуналом, 10 человек из них было расстреляно. Командира «Ягд-команды» Решетникова в 1947 г. удалось арестовать, и он был осуждён на 25 лет лишения свободы. Во время следствия он скрыл своё участие в массовых расстрелах и зверствах. В связи с этим в 1963 г. было проведено новое расследование, и этот военный преступник 4 декабря 1963 г. Псковским областным судом был осужден по ст. 64 п. «а» УК РСФСР к расстрелу [4. Д. 100, Л. 72–73].

Так закончилась история этого лжепартизанского отряда, повинного в гибели сотен ни в чем не повинных людей.

Ленинградские партизаны регулярно сообщали в ЛШПД: «Оккупанты стремятся всеми средствами расколоть связь населения с партизанами. Они организывают шайки бандитов из числа эвакуированных жителей или "отрядчиков" (полиция, отряды самообороны и т. д.) по 10–15 человек, задачей которых является грабить мирное население под видом партизан и тем самым оправдывать название "партизаны-грабители", чтобы восстанавливать, таким образом, население против советского сопротивления» [10. Ф. 625. Оп. 1, Д. 11. Л. 412].

Успешное наступление Красной армии, подъём всенародной борьбы в тылу врага, явная подчинённость всех структур РОА гитлеровцам не позволили нацистам осуществить свой план тотальной войны. Работу, направленную на разложение коллаборационистских формирований, сотрудники органов государственной безопасности вели в тесном контакте с политработниками партизанских соединений.

Чекисты проводили беседы практически с каждым полицейским и солдатом РОА, оказавшимся в рядах партизан. Кроме дислокации и степени вооружённости тех районов, из которых они бежали, узнавались имена, место рождения, деятельность перед войной, привычки их бывших сослуживцев. Эта информация использовалась в том числе и при написании листовок, адресованных конкретным людям. Эти прокламации подписывались бывшими власовцами [4. Д. 43689. Л. 45].

Массовая передислокация гарнизонов РОА осенью 1943 г. на некоторое время прервала контакты с ними сил сопротивления. Но последовавшая за этим подготовка к эвакуации населения создала благоприятные условия к их активизации.

Среди тысяч коллаборационистов, оказавшихся в рядах сопротивления, были как бывшие уголовники, так и вражеские агенты. Их деятельность могла нанести ущерб и дискредитировать партизанское движение. Чтобы это предотвратить, на всех бывших полицейских, армейцев РОА и военнопленных особые отделы партизанских бригад заводили досье для наблюдения. В районах, взятых под контроль сопротивления, ещё до прихода Красной армии прошли открытые народные суды над изменниками и активными пособниками фашистов.

Успехи СССР на фронтах Отечественной войны, крупномасштабные наступления РККА, немецкая оккупационная политика, направленная на ограбление мирного населения, изменили настроение народа в пользу партизан. К концу 1943 г. фашистская система по привлечению русского населения на службу Третьему рейху была полностью дискредитирована.

Антисоветские воинские формирования с оружием в руках оказывающие содействие вермахту, никогда не были массовым движением. Оккупанты использовали их на начальном периоде войны в качестве карателей, воюющих против партизан и мирного населения. Позднее сам факт их существования стал крупномасштабной пропагандистской акцией ведомства Геббельса.

В войне против СССР Германия делала ставку не только на свои вооруженные силы. Видное место отводилось и разведывательным службам. Летом 1943 г. немецким военным командованием совместно с немецкими разведывательными службами была пред-

принята попытка разгрома партизанского движения на территории Смоленской и Витебской областей.

На южной окраине Смоленска в усадьбе бывшей МТС Абверкоманда 202 создала школу диверсантов, где обучались лица, доказавшие свою преданность гитлеровцам. В июне 1943 г. в этой школе был сформирован спецотряд РОА для осуществления операции по разгрому партизанских бригад. По замыслу немецкого командования, спецотряд играл роль остатков партизанской бригады из Литвы, которая понесла значительные потери в боях с немцами и литовскими националистами. Под Смоленском это формирование должно было попытаться влиться в одно из действующих партизанских соединений на правах самостоятельного отряда. Для поднятия авторитета предполагалось провести несколько успешных стычек с полицейскими и напасть на немецкий обоз.

Отряд в количестве 76 человек прошел специальное обучение. Официально командовал им капитан РОА Цамлай, но фактическое руководство осуществлял немецкий офицер-разведчик, прекрасно говоривший по-русски и имевший опыт службы в 1941 г. в спецподразделении «Бранденбург». О том, что он немец, знал лишь командный состав псевдопартизанского отряда.

Подразделение полностью имитировало боевую группу народных мстителей. Роль комиссара исполнял бывший командир Красной армии Петр Голиков, ставший убежденным власовцем и союзником немцев. Отряд был обмундирован в рваные шинели, оторванные у военнопленных, вооружен разномастным оружием.

Однако, несмотря на всю тщательность, с которой нацисты формировали данное подразделение, советской разведке удалось завербовать нескольких человек, изъявивших желание порвать с власовцами и перейти на сторону партизан.

Первый этап операции Абвера прошел успешно. Псевдопартизанам удалось внедриться в расположение отрядов советского сопротивления, но во время одной из встреч советский агент сумел предупредить партизан о готовящейся провокации. Последние оперативно сформировали группу из 25 человек, которая захватила немецких разведчиков во время очередной встречи белорусских и «литовских» партизан. Центр получил подробную информацию о Смоленской диверсионной школе и ее выпускниках, многие из кото-

рых уже выполняли задания Абвера в советском тылу [7. Ф. 8. Оп. 2. Д. 356. Л. 45–49].

Можно согласиться с утверждением ряда российских и западных ученых и публицистов, что деятельность коллаборационистов, взявших в руки оружие в годы Второй мировой войны, была опасным вызовом сталинскому режиму. Но, как совершенно правильно пишет М. И. Семиряга: «Трудно понять, почему в силу этого <РОА. – Б. К.> она вполне достойна занять почетное место в истории России. Полагаю, что речь может идти скорее не о "почетном", а о трагическом месте в нашей истории» [11, с. 483].

Ни при каких условиях не мог вызвать сочувствия или симпатии тот, кто помогал противнику, вторгшемуся в нашу страну с целью ее завоевания. Наши люди были абсолютно убеждены в том, что любой человек, одетый в униформу вермахта, является личным врагом всякого русского, сообщником убийц и насильников.

Поэтому расстрелы или казни через повешенье задержанных в период наступления коллаборационистов воспринимались населением как совершенно справедливое наказание.

Список литературы

1. Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941–1943. – Freiburg, 1976.
2. Thomas N. Partisan warfare 1941–1945. – London, 1983.
3. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Орловской области.
4. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Псковской области.
5. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Новгородской области.
6. Государственный архив новейшей истории Новгородской области.
7. Государственный архив новейшей истории Смоленской области.
8. Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Коллекция документов.
9. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. – М., 1974.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Москва.
11. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000.
12. Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. – 1995. – № 4.

УДК 94(4).082

А. В. Гостенков *

Второй марокканский кризис и А. Кидерлен-Вехтер

После Алхесирасского соглашения 1906 г. борьба за Марокко не завершилась. Считая, что Франция чрезмерно укрепляет свои позиции в этой стране, германские лидеры попытались ей помешать. Берлин направил в Агадир военный корабль. Возник кризис, обостривший до предела не только германо-французские отношения, но и англо-германские.

After Alhesiras agreement in 1906, the struggle for Morocco was not completed. Considering that France strengthened its position in this country, the German leaders tried to prevent it. Berlin sent a warship to Agadir. There was a crisis exacerbated both the German-French and the Anglo-German relations.

Ключевые слова: Марокко, Кидерлен-Вехтер, Фес, Ж. Камбон, дипломаты, Бертье, Агадир, Грей, Вильгельм II, соглашение.

Key words: Morocco, Kiderlen-Vehter, Fes, J.Cambon, diplomats, Bertye, Agadir, Grey, Vilgelm II, agreement.

После чувствительного поражения германской дипломатии на Алхесирасской конференции германо-французское соперничество в Марокко не прекратилось. Вместе с тем в германо-французских отношениях появились две противоречивые тенденции. С одной стороны, Берлин в целях ослабления Антанты был вынужден искать политического примирения с Францией. В Париже идею ослабления напряженности в двухсторонних отношениях считали желательной и возможной – там хотели избежать слишком тесных объятий своего британского партнера по Антанте и проявили готовность пойти на-

* **Гостенков Анатолий Васильевич**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

встречу германским пожеланиям в экономической и территориальной компенсациях [11, с. 165]. 18 апреля 1908 г. было достигнуто германо-французское соглашение о Камеруне, а в феврале 1909 г. – по Марокко. Стороны договорились разграничить германские и французские владения на этих территориях. От Германии к Франции на юге отходило примерно 2200 км² особенно населенной и богатой слоновой костью территории. Кроме того, на востоке Франция получала более 7 тыс. км² с городом Кунде и еще около 4 тыс. км². В свою очередь Германия получала в разных местах меньшую территорию, менее плодородную и менее заселенную, но представляющую ей доступ к судоходным рекам и облегчающую ей сношения с отдаленными частями ее империи [1. 1908. Д. 13. Т. 1, Остен-Сакен – Извольскому 12 (25).04.1908. Л. 102–103].

Одновременно усиливалось проникновение германских промышленных монополий и банков во Францию, особенно в область Лонгви-Брие и Нормандию, а затем в Марокко и Алжир [9, с. 251–252]. Официальным данным в начале 1911 г. во французской рудной области Лонгви-Брие из общей площади около 40000 га «рудных полей» свыше 15000 га полностью или частично владели немецкие металлургические монополии. В департаментах Мерте и Мозель эта доля достигала свыше 50 % [11, с. 168]. Проводимое немецкими фирмами и банками «тихое» наступление противоречило официально декларированным принципам улучшения отношений и таило в себе зародыш будущих противоречий. Германское экономическое проникновение усиливало ненависть к ней со стороны французских промышленников и стимулировало у общественности идею реванша.

После конференции в Алхесирасе в торгово-промышленном отношении султанат Марокко все отчетливее выдвигается в сферу интересов германских предпринимателей. В то время, как статистика 1881 г. не удостоила вниманием баланс германо-марокканской торговли из-за его незначительности, то с 1905 по 1909 г. германский экспорт в эту страну возрос с 1,7 млн марок до 4,077 млн. В 1909 г. марокканский экспорт в Германию вышел на второе место после Англии [17].

10 июля 1907 г. канцлер Б. Бюлов поручил помощнику статс-секретаря иностранного ведомства О. Мюльбергу подготовить экономическое соглашение между Германией и Францией о Марокко [11, с. 166].

В некоторые моменты германская сторона проявляла даже изобретательность. Идея франко-германского сближения, считал российский посол, находит за последнее время все больше и больше приверженцев в Германии. Без всякого участия правительства за истекший год в Германии было основано три комитета. В их деятельности приняли участие председатель Прусской палаты господ барон Мантейфель, оба вице-президента рейхстага Паше и Кемпер. Деятельность этого Комитета франко-германского сближения была задумана очень широко и ставила две задачи: предотвращение взаимных недоразумений, подобных возникшему в 1905 г. во время обострения марокканского инцидента, и подготовку франко-германского соглашения ко времени окончательного разрешения марокканского вопроса. Предполагалось приглашать в Берлин для публичных чтений выдающихся французских литераторов, художников, ученых, устраивать выставки, спортивные состязания, облегчить торговые отношения между двумя странами. Основателями почти всех обществ являлись частные лица или общества, привлекавшие затем правительство к защите своих интересов. «Эта особенность германской политики кроется в предприимчивости немецкого характера и в стремлении его объединяться в группы для достижения поставленных общих целей. Этим свойством можно объяснить и то неожиданное и еще три года тому назад совершенно невозможное явление, как основание в Германии частных обществ, ищущих сближения с Францией. Немалую роль при этом играет по всей вероятности и стремление открыть себе доступ на парижский рынок [1. 1908. Д. 13. Т. 1, Остен-Сакен – Извольскому 18.04 (1.05) 1908].

Французский посол в Берлине Ж. Камбон не был склонен преувеличивать значение создаваемых в Германии обществ, полагая, что хотя франко-германские отношения на тот момент и были хорошими и большинство немецкого населения настроено миролюбиво-

во, «тем не менее надо остерегаться иллюзий. Другая часть германского народа, и притом не малая, постоянно вспоминает, что основа немецкого могущества покоится на результатах, добытых в 1870 г. Немецкий школьный учитель по-прежнему патриотичен, и в этом духе воспитывается юное поколение в Германии» [1. 1908. Д. 13. Т. 1. Булацель – Извольскому 11(24).06.1908. Л. 181; 14].

К выступлению прибывшего в Берлин известного французского поборника идеи мира барона д'Этурнель де Констанс специально для проповеди всеобщего разоружения и сближения французский посол отнесся скептически. В докладе де Констанс развивал мысль, что для Франции нисколько не унижительно протягивать руку своей бывшей победительнице, что третья республика настолько упрочила свое положение, что подобный шаг не был бы истолкован слабостью и не обозначал бы полного забвения 1870 г. Французский посол вместе с полным составом посольства уклонился от присутствия на докладе и просил всех руководителей посольств в Берлине уклониться от приглашения. Причины Камбон объяснил «некорректным отношением докладчика к представителю французского правительства, не предупрежденному заблаговременно ... о намерении произнести политическую речь. Кроме того, г. Камбон считает, что взгляды барона Этурнеля не разделяются французским правительством, не признающим после недавней речи Бюлова никакой возможности приступить к разоружению» [1. 1909. Д. 17, Булацель – Чарыкову 17(30).04.1909. Л. 53–55].

Насколько противоречивой, а моментами авантюрной была германская политика в отношении Франции, показал инцидент в Касабланке в конце сентября 1908 г. Германский консул укрыл шесть дезертиров из французского иностранного легиона – трех немцев и трех граждан из других государств – и поручил своим сотрудникам посадить их на германское судно, стоящее на рейде. Французская разведка проявила бдительность, применив при этом силу против сотрудника охраны консульства, арестовав дезертиров. Конфликт разрастался, в него оказались втянуты пресса, дипломаты, министры. В генштабе России были получены сведения о будто бы готовившейся в Германии мобилизации. Посол Остен-Сакен направил в

Петербург письмо русского военного агента в Германии полковника Михельсона от 14 (27) ноября 1908 г. «... Прямых приготовлений к немедленной мобилизации армии во время касабланковского инцидента не было. Однако, судя по разным косвенным указаниям... разослано было предупреждение быть начеку... С военной точки зрения надо признать весьма знаменательным симптомом то, что Германия допускала серьезную мысль о возможности войны по столь пустому предлогу. Это есть доказательство того, что причина возможности войны заключена не в Касабланковском инциденте, а лежит глубже и с устранением этого инцидента не устранена...» [1. 1908. Д. 14. Л. 67–69].

С конца апреля 1909 г. стало ясно о предстоящей отставке канцлера Б. Бюлова. Не защитив кайзера в кризисе, связанном с интервью английской газете «Дейли телеграф», Бюлов потерял его благосклонность и 14 июля он был уволен. Как его преемники рассматривались две кандидатуры: граф А. Монтс и князь К. Лиховский. Последний считался кандидатурой Вильгельма II. Бюлов же вместо себя предложил Г. Бетман-Гольвега, которого Вильгельм II лично знал с детства и считал педантичным и скучным. Кайзер вначале резко возражал, но все же принял предложение [8, с. 221]. Возможно, на выбор повлиял внутривнутриполитический кризис, переживаемый империей, а Монтс считался поборником резкого внешнеполитического курса.

Новый канцлер, ранее прусский министр внутренних дел и статс-секретарь имперского ведомства внутренних дел, считался сторонником германо-английского сотрудничества.

Пожалуй, две наиболее сложные задачи оставил новому канцлеру его предшественник: преодолеть раскол нации интеграцией социал-демократического рабочего класса, однако ввиду проводившейся финансовой реформы ее осуществление представлялось делом затруднительным; не менее проблематичным выглядело намерение улучшить международное положение страны.

Летом 1910 г. в составе правительства Бетман-Гольвега произошли изменения, оказавшие влияние на последующее развитие событий. Вначале был уволен статс-секретарь колониального ве-

домства Б. Дернабург, протестовавший против чрезмерного обременения коммерческих предприятий в колониях налогами. Министр подвергся ожесточенным нападкам со стороны партии «центра», старавшейся уличить его в слишком либеральных тенденциях. Затем последовали отставки прусских министра земледелия и государственного имущества Арнима и министра внутренних дел Мольтке. Отставка последнего объяснялась неудачей правительственного проекта о реформе избирательного закона. В это же время произошла смена в руководстве внешнеполитического ведомства. Посла в Париже князя Г. Радолина заместил В. Шен, на его должность статс-секретаря иностранного ведомства был назначен германский посланник в Бухаресте А. фон Кидерлен-Вехтер.

Кидерлен уже задумывался об уходе в отставку, когда ему поступило предложение канцлера Бетмана-Гольвега занять пост статс-секретаря. Это был последний крупный германский дипломат, который тесно сотрудничал еще с Бисмарком. Придя в министерство в 1879 г., работал при Мюнстере в Париже, в Константинополе с Радолиным, был близким другом Гольштейна. При назначении на пост ему было 58 лет. Кидерлен имел хорошие знания, особенно ближневосточных дел, редкую работоспособность и большую энергию. В то время как канцлер считал Кидерлена единственно приемлемым человеком на пост министра, кайзер предупреждал Бетмана-Гольвега, что с этим министром у него будут неприятности. Современники Кидерлена отмечали его грубость, заносчивость, недостаток культуры. Один германский дипломат в разговоре с английским коллегой назвал Кидерлена «интеллигентным, но обыкновенным малым, с плохими манерами и еще худшими методами» [19, с. 556]. Склонность к алкоголю со студенческих времен возросла у него вместе с цинизмом, проведенным германским посланником в Бухаресте, откуда он был переведен в Берлин в разгар боснийского кризиса. Российский дипломат высказал верное суждение о будущей деятельности нового министра «...менее покладист и обладает непривлекательными качествами боевого германского дипломата... Не берусь высказываться уже теперь о направлении будущей деятельности нового статс-секретаря, но я предвижу только, что появление

Кидерлен-Вехтера во главе императорского департамента может скорее усилить, чем ослабить тяготение германской политики к ее намеченным задачам на Восток [1. 1910. Д. 18, Остен-Сакен – Извольскому 16(29).06.1910. Л. 209].

Назначению А. Кидерлен-Вехтера статс-секретарем предшествовала компания нападок пангерманской печати на имперское ведомство иностранных дел и его статс-секретаря барона ф.Шена, которого все немецкие и шовинистические органы здешней прессы обвиняют в пренебрежительном отношении к законным интересам германских подданных за границей и в чрезмерной уступчивости перед иностранными правительствами. Рейнско-вестфальское отделение пангерманского союза обратилось к канцлеру с сообщением о принятом отделением союза решении, что «германское ведомство иностранных дел совершенно утратило доверие все-немцев <т.е. пангерманцев – А.Г.>. Канцлеру при этом был поставлен вопрос: как долго он намерен прикрывать своей ответственностью вредные в политическом и экономическом отношении направления департамента иностранных дел? Бетман-Гольвег не принял обращения рейнско-вестфальского отделения союза, а переслал его главному управлению пангерманцев с письмом, осуждающим методы отделения. Руководство Пангерманского союза, порицая способ действия одного из своих отделений, выразило «свое полное сочувствие их содержанию» [1. 1910. Д. 18. Остен-Сакен – Извольскому, 5(18).02.1910].

Второго – третьего марта в Рейхстаге проходило обсуждение бюджета германского внешнеполитического ведомства. Обсуждению предшествовало выступление Шена на бюджетной комиссии парламента, где он от имени канцлера давал объяснения «по делу» братьев Маннессман в Марокко.

Один из братьев Маннессман, Рейнгольд, уже после подписания Алхесирасского соглашения с помощью германского посланника в Марокко добился от султана Мулай Хафида признания его приоритета на обнаруженные там рудные залежи. Констатируя те преимущества, которые имела Германия в Марокко в то время, и благоприятные результаты, достигнутые Германией по улаживанию

недоразумений и трудностей с Францией, статс-секретарь Шен заявил, что германское правительство не считает возможным и логичным поддержать требования Маннесмана, основанные на сомнительных правовых началах и идущих в разрез со статьей 112 Алхесирасского договора. Со своей стороны канцлер заявил, что «Поддержка требований в желаемом Маннесманом размере привела бы к конфликту с остальными державами...» «Несомненно, – заключал русский дипломат, – что постоянные нападки печати и общественного мнения, обвиняющие как Б. Гольвега, так и барона Шена в недостаточной поддержке германских интересов за границей и умалении былого престижа Германии, могут повлиять на берлинский кабинет в смысле еще большей неуступчивости и несговорчивости его при сношениях с иностранными державами.

Бетман-Гольвег подчеркнул сложность торгово-политических задач Германии, необходимость поощрения частной предприимчивости, энергию и выносливость немецкого купца, прокладывающего новые мировые пути для дальнейшего развития страны. «Отчасти слова канцлера должны быть поняты как отражение участившихся за последнее время нападков на правительство за недостаточные будто бы его поощрения и защиту пионеров немецкой предприимчивости, какими являются в глазах националистических сфер братья Маннесман. С другой стороны, заявления канцлера подтверждают только несомненную истину, что мировые задачи современной Германии являются неразрывно связанными с целями ее внешней политики и составляют реальную ее основу. Попытки проникновения Германии в Персию, о которых открыто заговорила теперь вся немецкая пресса, служат тому наилучшим доказательством».

Упомянутое выше франко-германское соглашение в феврале 1909 г. об экономическом сотрудничестве в Марокко, прежде всего в колониальной области, не осуществлялось. В Германии возмущало недовольство ущемленностью немецких экономических интересов в Марокко постановлениями Алхесирасской конференции. В начале 1911 г. германский посланник в Касабланке Зекендорф сообщал об укреплении позиций Франции на атлантическом побережье от Тан-

жера до Магадора. Их влияние на полицию, суд, сбор налогов наносило вред немецким интересам [6. Bd. 29. № 10522. S. 74]. В начале 1911 г. начавшийся в Марокко внутривластный кризис Франция решила использовать для отправки туда войск якобы для защиты европейцев во время их эвакуации из Феса. Ж. Камбон, защищая план своего правительства необходимостью защиты европейцев, предупреждал Париж перед последствиями такой политики, после того как Кидерлен-Вехтер предлагал ему совместно действовать в Марокко [6. Bd. 29. № 10527. S. 79–81].

Безответственно вела себя пресса Франции, утверждая, будто не следует принимать во внимание ответные действия немецкой стороны. Возможно, французский министр иностранных дел Группи поддался этим утверждениям, во всяком случае, он не думал, что Берлин приготовит ему большие затруднения [21, с. 616].

В марте 1911 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей на парламентский запрос, есть ли у Великобритании военные обязательства перед Францией, ответил отрицательно. Группи, 5 апреля выступая в сенате, заявил, что Англия и Франция – надежные друзья, объединенные против всяких случайностей. Через несколько дней у английского посла в Париже Ф. Бертье французский министр спрашивал, изменилась ли позиция Лондона по этому вопросу. В эти же дни будущий герой Первой мировой войны генерал Фош устанавливал тесное военное сотрудничество с английским военным атташе в Париже. 12 апреля Группи, намекая английскому послу на обостряющуюся международную ситуацию, настаивал не на формальном соглашении между Парижем и Лондоном. Следует заметить – у французского правительства в английском дипломатическом корпусе имела очень важная опора – кроме посла Бертье, был важнейший сотрудник Е. Гроу («британский Гольштейн») и новый постоянный помощник статс-секретаря А. Никольсон. Все трое британских дипломатов Антанте 1904 г. хотели подвести к военному договору против Германии. Впрочем, об этом думали и военные. Бригадный генерал Г. Вильсон, новый руководитель оперативного отдела, начал с того, что стремился оживить остановленные на два года совещания между генеральными штабами Англии и Франции.

В то время как немецкий дипломат (Зекендорф) из Танжера общал в Берлин успокоительные сообщения, Ж. Камбон, напротив, драматизировал события, происходившие в Марокко. У германских политиков, канцлера Бетман-Гольвега, Кидерлена, его заместителя А. Циммермана укреплялось предположение, что Франция стремится обосноваться у Атласских гор.

После переговоров императоров Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме 4–5 ноября 1910 г. [3, с. 266–268], германские лидеры полагали, что при возможном конфликте с Францией Париж не может безусловно рассчитывать на поддержку России. Но Кидерлен не сомневался в позиции Великобритании. «Мы все же не можем водвориться в Марокко, если англичане против» [22, с. 234], сказал Кидерлен еще в 1910 г. Год спустя министр еще надеялся, что Лондон останется лояльным секундантом Франции, но индеферентным, если Марокко служит лишь средством принуждения, а не целью германской колониальной экспансии. «Примирится Франция с нашими мероприятиями, то и Англия примирится», считал референт по Марокко на Вильгельм-штрассе [16, с. 133].

Вероятно, Кидерлен не собирался провоцировать европейскую войну: возможно, он хотел напомнить Франции, что существует Германия и с ней следует считаться.

Уже 23 апреля Кидерлен решил добиться отправления в марокканский порт военного корабля с целью давления на Францию в получении компенсации за ее односторонние действия. Как это бывало и в 90-е годы XIX в. для германской дипломатии внешнеполитический успех был важен для утверждения мирового значения Германии. В ситуации 1911 г. немецкие лидеры опасались сильного роста социал-демократии на предстоящих выборах в рейхстаг, и внешнеполитический успех был особенно желателен [7, с. 117–119; 12, с. 229]. Для намечаемой акции министр заручился поддержкой кайзера и общественного мнения.

За несколько дней до заседания правления Пангерманского союза Кидерлен встретился с председателем правления союза Г. Класом, который еще в 1904 г. требовал создания в Марокко немецкой колонии. Кидерлен считал полезным давление Пангерман-

ского союза на правительство в этой ситуации и одновременно высказывался за усиление агитации прессы влиятельными промышленниками.

Свои соображения о дальнейших действиях Кидерлен изложил в подробном меморандуме канцлеру и кайзеру. После того как Ж. Камбон 28 апреля занятие Феса французскими войсками представил «естественным и необходимым» [6. Bd. 29. № 10545. S. 97–98], писал Кидерлен, французское Марокко представляет тяжело переносимое моральное поражение. Франция в ходе переговоров предоставит обширные компенсации из своих стоящих колониальных владений. Залог может помочь забыть ранее неудачу и принести внутривнутриполитическую пользу [6. Bd. 29. № 10549. S. 101–108].

17 мая французы начали свое продвижение на Фес, и главный вопрос, который задал германский посол в Лондоне граф Вольф-Меттерних английскому министру иностранных дел Грею, был вопрос о Марокко, и Грей не стал отрицать, что Англия склоняется к поддержке Франции. Но как это может проявиться, министр послу не сказал [6: Bd. 29, № 10559, s. 118–119; № 10561, s. 119].

Во Франции уже на ранней стадии Марокканской акции высказывалось мнение, что за Фес потребуется компенсация. Решение о военной экспедиции принималось в правительстве не единодушно. Министр иностранных дел Группи успокаивал некоторых своих коллег, опасавшихся немецкой реакции. Министр финансов Кайо уже 7 мая формулировал первое примирительное предложение, которое он доверительно сообщил советнику германского посольства в Париже Ланкену: предметом обсуждения может лишь колониальная услуга [6: Bd. 29, № 10555].

В Германии те силы, которые требовали контроля над Марокко, представлял помощник статс-секретаря по иностранным делам А. Циммерман. По записи председателя Пангерманского союза Класса после беседы с Циммерманом в июле 1911 г. в министерстве иностранных дел стало известно: Агадир – подступ к Сюзу, который в сельскохозяйственном отношении является богатейшей частью южного Марокко. Цель Германской политики – прибрать к рукам эту область так как Германия, безусловно, нуждается в коло-

нии для переселения [7, с. 120]. Закрепление в Марокко ни в коем случае не исключалось с самого начала, как позже будет утверждать Кидерлен. И он был убежден: от исхода Марокканского кризиса зависит положение Германии в мире. За две недели до «прыжка Пантеры» Кидерлен сообщал Циммерману, что он ни при каких обстоятельствах не желает, чтобы немцы не воспользовались козырными картами и окончательно не решили проблемы Марокко в своих интересах, «а в противном случае мы надолго исключаемся из политического мира» [6. Bd. 29. № 10572. S. 142–149].

Г. Класс, председатель Пангерманского Союза, во время встречи утром 1 июля 1911 г. с советником доверительно сообщил, что именно сегодня «взорвется бомба». В этот день в 12 часов германские послы в странах, подписавших Алхесирасский акт, сообщили об отправлении немецкого военного корабля в Марокканский порт Агадир. Это демонстрация силы вызвала всеобщее возбуждение. Решением Берлина особенно поражены были в Париже и Лондоне. Еще 20 и 21 июня французский посол Ж. Камбон в Бад-Кисенгене беседовал с Кидерленом и в конце июня в Берлине с канцлером, и оба германских деятеля делали намеки на возможную французскую компенсацию. Известия о германской акции застало Ж. Камбона в Париже, когда он получал новые инструкции.

«Прыжок пантеры» в Агадир привел германское общество в ликование, особенно правые круги, уже давно выражавшие недовольство вялой политикой правительства.

Не только проправительственная пресса захлебывалась от восторга решительными действиями Берлина. Даже «Берлинер Тагеблат» и «Франкфуртер цайтунг», считавшиеся либеральными изданиями, не нашли ни слова упрека акции, фатальные последствия которой за рубежом можно было предвидеть [7, с. 122]. Осудила акцию лишь социал-демократическая партия.

Вильгельм II в те дни проводил время в путешествии по северу и не исключал английского вмешательства. 17 июля кайзер сожалел, что в мае в ответ на французское выступление Германия не проявила достаточной твердости, когда отношения между Англией и Францией были достаточно прохладными [6. Bd. 29. № 10608. S. 187–188].

Колебания кайзера побудили Кидерлен-Вехтера просить отставку. Ф. Фишер обратил внимание на мотивы в его заявлении: Вехтер был убежден, что французы решились бы на приемлемое предложение (компенсацию), если бы были убеждены, что немцы не остановятся ни перед чем. «Если мы этого не проявим, мы не получим для нашего отступления из Марокко эквивалента, чего не сможет обосновать перед немецким народом любой государственный деятель. По крайней мере, это мое убеждение. Мы должны иметь все французское Конго. Представился последний удобный случай, не сражаясь, получить нечто пригодное в Африке. Пока еще такой прекрасный кусок с каучуком и слоновой костью нам не подходит; мы должны быть ближе к бельгийскому Конго, таким образом, в случае его раздела мы в нем участвуем и этим, пока существует эта область, сохраняем связь с нашей Восточной Африкой. Всякое другое решение означает для нас поражение, которого мы можем избежать твердой решимостью» [22, с. 128–129].

Реакция Лондона на отправление немецкой канонерки в Агадир свидетельствовало о безоговорочной поддержке Франции, что и не удивительно, ибо ее интересы германское наступление затрагивало больше, чем интересы Франции. Российский посол в Лондоне Бенкендорф сообщал Нератову в августе 1911 г.: «...В марокканском вопросе Англия отстаивает интересы Франции больше, чем сама Франция» [4, с. 375].

Французское правительство отказалось отправить в район Агадира свой флот, аналогично поступила Англия, но, «считая, что интересы Англии близко затронуты настоящим вопросом и не допуская возможности исключения ее из предстоящих по ним переговоров, сэр Грей предложил поставить на обсуждение, по крайней мере, четырех держав – Франции, Англии, Испании и Германии, и дал заверения французскому послу о неуклонном намерении своего правительства строго соблюдать всякие обязательства, принятые Англией по отношению к Франции» [1. 1911. Д. 104. Л. 391].

Через несколько дней новый министр иностранных дел Франции Де Сельв информировал русского посла в Париже Извольского о состоявшейся беседе между Камбоном и Кидерленом. Разговор

не выяснил намерений и пожеланий Германии. Камбон начал с заявления, что Франция ни в каком случае не согласится на утверждение Германии в какой бы то ни было части Марокко. Кидерлен на это не возразил и потребовал несколько дней для обсуждения вопроса с министром колоний. Мимоходом он упомянул о Конго, как о возможном предмете переговоров [1. 1911. Д. 141. л. 399].

Несмотря на заверения Англии о намерении выполнить обязательства по отношению к Франции, в Париже были крайне встревожены резкими действиями Германии. Кидерлен раздраженным тоном заявил Камбону, что ввиду разглашения печати, достоинства Германии не позволят отступить от поставленных ею требований. Германия требовала уступки ей всего Французского Конго от течения реки Санго до моря, предлагая со своей стороны уступить Франции колонию Того. Франция предлагала исправления границы со стороны северного Конго, отказывалась от Того и была готова приискать добавочные компенсации в пределах своих колониальных владений. Кидерлен отказался от рассмотрения этих предложений и заявил, что представит дело императору Вильгельму. «...Де Сельв высказал мне, что ныне наступил критический момент переговоров, что французское правительство не может допустить уступки всего Конго, т. е., что никогда не согласится парламент, а потому в случае дальнейшей несговорчивости Германии следует предвидеть возможное прекращение переговоров и всемогущие произойти от этого последствия». На вопрос Извольского, как представляет себе развитие событий французский министр, Де Сельв ответил, что вопрос должен обсуждаться державами, подписавшими Алхесирасский акт; Де Сельв считал, что Франция обязана теперь «считаться с возможностью военных действий» и что военный министр выступит по этому поводу в обмен мыслей с генеральным штабом России [1. 1911. д. 104. Л. 489].

Во Франции опасались непродуманных действий немецких лидеров. Парижем были получены секретные сведения, что германский штаб обсуждает возможность высадки десанта в Агадире. Одновременно Кидерлен затягивал переговоры, внушая французам мрачные опасения [2, с. 46].

Вероятно, их тревога была обоснованной. Уже после завершения острой фазы кризиса в марте 1912 г. английский морской агент в Берлине в секретной беседе с русским морским агентом сообщил некоторые сведения о периоде Агадирского конфликта. Английский военный дипломат передал Беренсу известия, «полученные им, как он выразился, от лица, очень близко стоящего к канцлеру и которому он, безусловно, доверяет. Известия заключаются в том, что 28 августа прошлого года (т. е. 1911 г.) германский флот находился в полной боевой готовности и имел приказания по условному сигналу идти в Эбердин. Так как мирного такого посещения делать не предполагалось, и о нем Англии ничего не было известно, то, как выразился мой коллега, это была бы война» [2, с. 47].

Франция не могла рисковать войной, армия не была к ней готова. Назначенный уже в ходе кризиса начальником французского генерального штаба генерал Ж. Жоффр возможности Франции победить в войне оценивал менее чем на 70 %. Британский главнокомандующий в Средиземном море генерал Г. Китченер вынес суровое суждение: «германская армия прогуляется по французской как через стаю воробьев» [18, с. 250].

Недостающую Франции твердость проявила Англия. В Англии, вопреки германским утверждениям, будто германо-французские переговоры не затрагивают британские интересы, на карту были поставлены их жизненно важные интересы. Германская морская программа, торговое экономическое соперничество побудили Лондон занять жесткую позицию. К тому же ближайший сотрудник Грея сэр Гроу 18 июля в записке отметил, что Германия делает высокую ставку. Если удовлетворить ее требования на Конго или Марокко или на обе области, это означает окончательное подчинение Франции. Размер компенсации – всего лишь детали, а поражение Франции для Англии является жизненно важным вопросом [7, с. 126].

Британские лидеры опасались, как бы Франция не поддавалась германскому нажиму и не заключила с ними сделки. 21 июля по поручению правительства канцлер казначейства Ллойд Л. Джордж заявил, что Англия полна решимости в случае войны поддержать Францию. Позиция Британии вызвала небывало резкие нападки со

стороны пангерманской прессы на Англию, «жестокого и беспощадного врага Германской империи» [17, с. 125].

Германии пришлось отступить, и для «обратного хода» было несколько причин. В самой Германии еще не все воспринимали войну как неизбежность, флот еще не был готов к решительному столкновению. Вызывала озабоченность Берлина и позиция партнеров по союзу.

Второй Марокканский кризис имел еще большие негативные последствия для главных его участников, чем кризис 1905 г. Для Германии они сводились к неутешительному выводу. Программа всесторонне признанной мировой державы оказалась недостижимой [10, с. 251]. Возросла напряженность между Германией и державами Антанты, усилилась гонка вооружений. В германских правящих кругах возросло ощущение неизбежности войны. Тирпитц в письме адмиралу Э. Капелле 12 августа 1911 г. с сожалением констатировал неблагоприятную ситуацию, сложившуюся для Германии, когда имелся выбор лишь между войной или завуалированной Фашодой. Англия и Франция выступают сообща, но выступит ли Тройственный союз (Австро-Венгрия и Италия). «Для военно-морской войны настоящий момент крайне неблагоприятен. Каждый последующий год делает наше положение более не благоприятным. Гельголанд, дредноуты, подводные лодки и т. д.» [20, с. 203–204]. Во Франции Второй марокканский кризис привел к взрыву патриотизма, новому раунду вооружений и переходу от двухлетнего к трехлетнему сроку службы в армии [14, с. 17–28].

Для истории Третьей республики события 1911 г. стали поворотным пунктом. Националистические и правые силы возрождались под лозунгом возрастающей немецкой угрозы. Общественное мнение становилось готовым к войне [21, с. 639]. Речь Л. Джорджа показала, что бряцанием оружия Берлин достиг противоположного результата. С Францией солидаризировалась Англия. 20 июля 1911 г. генеральные штабы двух стран договорились о совместных операциях против Германии и направлении британского экспедиционного корпуса во Францию [15, с. 49–71, 64]. В ходе Марокканского кризиса Великобритания на время отказалась от части своей свободы действий в пользу усиления контактов внутри Антанты [5, с. 169–192, 186].

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия министра. 1890 – 1906.
2. Военно-исторический журнал. – 1939. – № 2.
3. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. – М., 1997.
4. Международные отношения в эпоху империализма. – Сер. 2. – Ч. 1. – № 363.
5. Archie fur Kulturgeschichte 73 (1991).
6. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. – Bd. 1–40. – Berlin, 1922–1927.
7. Fischer F.. Krieg der Illusionen. – Düsseldorf, 1969.
8. Gaertringen F.H. Fürst Bülow's Denkwürdigkeiten. – Tübingen, 1956.
9. Geiss Hg. J. u. Bernd-Jürgen Wendt. Deutschland in der Weltpolitik des 19 und 20 Jahrhunderts. – Düsseldorf, 1973.
10. Geiss Lange Weg.
11. Gutsche W. Monopole, Staat und Expansion. Vor 1914. – Berlin, 1986.
12. Gzoh D.. Negative Integration und revolutionärer Attentismus. Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des Ersten Weltkrieges. – Frankfurt/M, 1974.
13. Heinz Lemmermann. Kriegserziehung im Kaiserreich. – Bd. 1–2. – Bremen, 1984.
14. Krumeich G. Aufrüstung und Innenpolitik in Frankreich vor dem Ersten Weltkrieg. – Wiesbaden, 1980.
15. Lappenküper U. Annäherung Kosten Deutschlands? Der Brückenschlag Zwischen den Flügelmächten England und Russland in der britischen Kontinentalpolitik seit 1815. – München, 1994.
16. Oncken E. Panthersprung nach Agadir. Die deutsche Politik während der zweiten Marokkokrise 1911. – Düsseldorf, 1981.
17. Peters M. Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908-1914). – Frankfurt/M., 1996.
18. Poidevin R., Bariety J. Frankreich und Deutschland. Die Geschichte ihrer Beziehungen 1815-1975. – München, 1982.
19. Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Er-lenbach, 1984.
20. Tirpitz. Aufbau der deutschen Weltmacht. – Berlin, 1924.
21. Vermiedene Kriege. – München, 1997.
22. Yäckh E.. Alfred von Kiderlen-Wächter. Der Staatsmann und Mensch. – Stuttgart, 1924.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47.23).084.8(049.32)

*В. Н. Маин **

Иванченко Н. Ю. Ущерб, причиненный оккупантами Ленинградской области в ходе Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. – 160 с.

В последние годы современная историческая наука большое внимание отводит региональной истории, историческому краеведению, активно разрабатываются и различные вопросы истории Ленинградской области. Одновременно расширяется и круг изучаемых сюжетов. В таких условиях закономерно появление работ, подобных монографии Н.Ю. Иванченко на тему «Ущерб, причиненный оккупантами Ленинградской области в ходе Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.», которая вышла в свет в 2007 г.

Монография посвящена проблеме, практически не изученной, представляющей одно из актуальных направлений – анализ ущерба, причиненного оккупантами Ленинградской области в ходе Великой Отечественной войны 1941-1944 гг.

Проведенный автором всесторонний историографический анализ истории последствий фашистской оккупации, ущерба, причиненного Ленинградской области в обозначенный период, не становился ранее объектом научного исследования. Несмотря на то, что истории освобождения Ленинградской области от вражеской оккупации посвящена обширная литература, вопрос о последствиях немецко-фашистского оккупационного режима, ущербе, причиненном непосредственно территории Ленинградской области, не занял должного места.

* **Маин Валентин Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, Костромской государственной университет имени Н.А.Некрасова.

Н.Ю. Иванченко – подготовленный исследователь в области отечественной истории и в особенности региональной истории Ленинградской области. Она свободно ориентируется в исторической и мемуарной литературе по данному вопросу, что подтверждается обстоятельным обзором литературы по проблеме, представленным в первой главе монографии (с. 7–40). Автор предлагает собственную, достаточно мотивированную периодизацию этапов историографии вопроса, раскрывает особенности опубликованных на каждом из этапов произведений как научного, так и популярного характера.

Достижению поставленной цели и решению задач исследования, безусловно, способствовала междисциплинарная методологическая основа, сочетающая принципы историзма и научной объективности с применением общенаучных методов исследования: исторического метода классификации и специально-исторических методов: хронологического, исторических параллелей (сравнительно-исторический), исторического моделирования (ретроспективный) и др. Анализ различных аспектов ущерба, причиненного немецко-фашистскими оккупантами разным сферам жизнедеятельности Ленинградской области, потребовал от автора также использования конкретных методов различных наук: статистики, социологии, социальной психологии.

Многоаспектность исследуемой темы обусловила проблемно-хронологический подход в изложении ее содержания. Обращает на себя внимание и четкий понятийный аппарат, используемый в процессе анализа.

Второй раздел монографии посвящен планам немецко-фашистского командования по оккупации СССР. Автором были проанализированы различные директивы и инструкции германского командования, действовавшие на временно оккупированной территории. Иванченко Н.Ю. подробно рассмотрела и проанализировала особенности оккупационного режима, установленного непосредственно на территории Ленинградской области (с. 40–65). В третьем разделе монографии исследуется история создания и деятельности в нашей стране Чрезвычайной Государственной Комис-

сии и Ленинградской областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (с. 65–86). В оставшихся разделах анализируются последствия немецко-фашистского оккупационного режима на территории Ленинградской области. Изучается ущерб, причиненный художественно-историческим и архитектурным памятникам (с. 98–123), сельскому хозяйству (с. 123–128), промышленности (с. 128–136), сферам жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения и просвещения Ленинградской области (с. 136–144). Достаточно доказательно раскрыты последствия фашистской оккупации, принесшие в область уничтожение и угон в рабство мирного населения, что вело к демографическому кризису Ленинградской области (с. 86–98). Достоинством монографии являются оригинальные выводы, приведенные в конце исследования, в которых впервые даны ответы на вопрос об опыте учета ущерба, причиненного общественным организациям и жителям Ленинградской области, его механизмы и методика. Представлены данные о демографических потерях, без которых история последствий Великой Отечественной войны на территории Ленинградской области была бы далеко не полной (с. 144–150).

Монография Н.Ю. Иванченко опирается на солидную источниковую базу, в том числе на материалы тридцати девяти архивных фондов, шести центральных и местных архивов. Некоторые документы вводятся в научный оборот впервые. Положительным является тот факт, что были привлечены материалы не только центральных архивов (Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга), но и архивов Ленинградской, Новгородской и Псковской областей (Ленинградский областной государственный архив Выборга, Государственный Исторический архив Новгородской области, Государственный архив Псковской области) (с. 36–39).

Автору удалось разыскать и изучить множество документальных свидетельств о демографических потерях и материальном ущербе, нанесенном промышленности, сельскому хозяйству, памят-

никам архитектуры, сферам здравоохранения и просвещения в периодических изданиях изучаемого периода, справочниках, мемуарах (с. 32–35).

Научная новизна монографии несомненна. Впервые комплексно исследуются последствия оккупации Ленинградской области в экономической, социальной и демографической сферах. Ее основная ценность заключается в том, что впервые максимально полно были уточнены и конкретизированы данные материального ущерба, причиненного народному хозяйству, промышленности, жилищно-коммунальному хозяйству и социальной сфере Ленинградской области, а также систематизированы данные о материальном ущербе, причиненном просвещению и культуре. Очень важно, что опыт учета ущерба, причиненного общественным организациям и жителям области, его механизмы и методика могут быть востребованы в современных условиях.

Монография имеет большое научное и практическое значение и представляет большой интерес не только для историков, но и для всех, кто интересуется проблемами последствий немецко-фашистской оккупации и ущерба, причиненного Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны.

Сведения об авторах

Бойков Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, e-mail: tcheckmar@KSUedu.ru

Вакурова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, e-mail: ovakurova@mail.ru

Веременко Валентина Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Галл Яков Михайлович – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала института истории естествознания и техники РАН, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: Yasha@JG7549.spb.edu

Гостенков Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Иванченко Нелли Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: nelli00@list.ru

Киселева Екатерина Львовна – аспирант, Институт Российской Истории Российской академии наук, Москва, e-mail: ekaterina@kiseltvfamily.com

Ковалев Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, e-mail: bnkov@mail.ru

Левашко Вадим Олегович – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

Маин Валентин Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Костромской государственный университет имени Н.А.Некрасова, e-mail: ovakurova@mail.ru

Молчанов Леонид Алексеевич – доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, e-mail: itropov@ya.ru

Мурадова Гульнара Якубовна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

Никифоров Анатолий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Смирнова Валентина Степановна – кандидат биологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: biolgu@mail.ru

Травкин Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Цветкова Екатерина Викторовна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

Яковлева Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Яров Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный университет имени А.И. Герцена, e-mail: iarov@eu.spb.ru

Ясинская Юлия Леонидовна, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина
№ 1**

серия история

Редактор *А. А. Титова, В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 25.02.2009. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,75. Тираж 500 экз. Заказ № 27

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а